А.Т. ГАГАРИНА

Память сердца

А.Т. ГАГАРИНА

Память сердца

Воспоминания Анны Тимофеевны Гагариной, записанные с ее слов Татьяной Копыловой

А.Т. ГАГАРИНА

Память сердца

Издательство Агентства печати Новости
Москва
1985

Рецензенты:
летчики-космонавты СССР
А. А. Леонов, В. А. Шаталов

Анна Тимофеевна Гагарина — мать первого космонавта Земли рассказывает в этой книге о жизни сына, о том, как мальчик из простой крестьянской семьи поднялся к вершинам современной науки и техники, как всю свою жизнь сознательно и целеустремленно шел он к своему звездному часу — часу всего человечества. Эта удивительно искренняя книга ярко раскрывает и образ замечательной русской женщины — самой Анны Тимофеевны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Передо мной письмо, написанное в канун 1984 года. Заканчивается оно словами: «Лет мне немало, здоровья не прибавляется. Я спешу успеть сделать дело, сохранить все, что помню о сыне моем, о том, как он рос, как ему помогали люди стать героем». Подпись: А. Гагарина.

Мать Юрия Гагарина. Те, кто был знаком с Анной Тимофеевной, знали, насколько интересна, значительна была эта удивительная женщина. Вроде бы ничем не отличалась от других. Простая, приветливая, трудолюбивая. Но и отличалась: мудростью своей житейской, естественностью поведения, глубинной народной культурой. Необычайно скромная, она не то что скрывала, а как бы замалчивала свою широкую начитанность. Память ее была уникальна. Она одинаково четко сохраняла и строки стихотворения, которые сын учил сорок лет назад, и детали разговора с матерью Сергея Павловича Королева, который состоялся недавно.

Трудно испытание славой. Но легче ли испытание горем? Анна Тимофеевна и то и другое перенесла с достоинством. После утрат, постигших ее, нашла в себе силы оставаться полезной людям.

Четыре года назад начали мы работу над книгой о жизни Юрия Гагарина. Я приезжала в город имени ее сына, подолгу жила вместе с ней. Неторопливо шел разговор, а в конце дня мы садились за стол, и я записывала беседы.

Ритм работы был напряженным, мне казалось, что он утомителен для Анны Тимофеевны. Однажды я сказала ей об этом. Она выслушала меня и ответила:

— Иначе-то не успеем...

Перед следующим моим приездом позвонила, попросила:

— Привезите магнитофон.

Спешила успеть.

...Стоит закрыть глаза, и я вижу Анну Тимофеевну. Вот идет она по дорожке от домика к калитке навстречу почтальону, тяжело переступая своими больными ногами; сидит за столом, склонив голову над письмами; разговаривает, как с сыновьями, с космонавтами. У нее были необычайно выразительные руки: крупные, крестьянские. Видно было, что проделали они великое множество тяжелых работ.

В ушах звучит ее напевный голос. Речь Анны Тимофеевны была проста, но чрезвычайно убедительна.

Я постаралась в точности сохранить ее.

Татьяна Копылова

Истоки

Было это 14 апреля 1961 года. После торжеств, посвященных вручению Юрию высших наград Родины, пригласили его на большую пресс-конференцию. Вернулся сын, рассказал, что были советские, зарубежные журналисты, дипломаты, ученые, представители общественных организаций. Смеясь, сказал, что, оказывается, какие-то потомки князей Гагариных, находящиеся в эмиграции, претендуют на родство с нашей семьей.

— Почему это, думаешь? — настороженно спросил сына мой муж Алексей Иванович.

— Наверное, считают, что не рабочий, не колхозник, а только человек «голубой крови» может совершить что-то необычайное.

Как же рассердился Алексей Иванович! Что ж, мол, получается, что рабочие, крестьяне — люди «второго сорта»? Разошелся не на шутку. Юра объяснил, что сразу же ответил: «Среди моих предков никаких князей и людей «знатного рода» не было, никогда о таких не слышал».

Так возник разговор о традициях.

Вот почему кажется мне важным рассказать о семейных истоках. Обычаи, жизнь предков не только у дворян и князей почитались. У нас, простых людей, не менее того.

Семья наша — рабоче-крестьянская.

Отец мой, Тимофей Матвеевич Матвеев, и мама, Анна Егоровна, родом из деревни Шахматово, что недалеко от Гжатска. В раннем детстве приходилось мне слышать слова: «Было это, еще когда мы жили под барыней» или: «Жили под барыней графиней». Никто не объяснял, и так

знала, что означало это время до отмены крепостного права. Предки мои были крепостными крестьянами. При освобождении крестьян наделяли землей и фамилиями. Как наделяли — можно понять на примере моей семьи. У прадедушки было два сына. Федору дали фамилию по роду — Евсеев, а дедушку моего Матвея для «удобства» записали Матвеевым. Так родные братья стали числиться по-разному.

Земли в Смоленской, Рязанской, Калужской губерниях были небогатые, и мужчины часто занимались отхожими промыслами. Одни уходили на сезонную работу: выделывали овчины, плотничали, другие подавались на заработки в большие города, чтобы хоть как-то прокормить семью. Вот и старший брат отца Ефим подался в Петербург, а следом за ним братья Тимофей и Алексей.

Ни от какой работы не отказывались. С шестнадцати лет определили моего отца на Путиловский завод в паровозо-механическую, а потом в шрапнельную мастерскую. Там он был болторезом, штамповщиком, сверловщиком.

Но деревня, видно, тянула. Наезжали братья то родителей повидать, то сестру проведать. В один из наездов и женился Тимофей Матвеевич на деревенской девушке Анне Егоровне. Женился, а сразу зажить семьей, общим домом не удалось. Он продолжал работать на Путиловском, чтобы кормить свою семью, да и родителям помочь; а мама жила с детьми в деревне, наезжая к мужу в зимние месяцы. У отца и мамы было пятнадцать детей, но в живых остались только пятеро.

Первые мои деревенские воспоминания полны похоронами детей, приездами, отъездами. То отца ожидаем к севу, или к сенокосу, или к уборке. То маму с малышами собираем в путь-дорогу к отцу, в Петербург.

В 1912 году родители решили перебраться в Петербург. Окончательно? Не знаю. Домик в Шахматове не продали, заколотили, попросили присматривать за ним папину сестру. Какое-то время с ней оставался и мой старший брат Сережа, который доучивался в школе. Мои родители были неграмотные, мама ни буквочки не знала, отец в детстве ходил один год к дьячку на выучку. Как научился — сам позже шутил: «Писать пишу, а читать в лавочку ношу». Но к грамоте родители относились с

уважением, поэтому Сережу с места не тронули, пусть доучивается.

Поселилась семья в доме № 12 по Богомоловской улице, сняли квартиру из трех комнат, но все разместились в одной, а две других решили сдавать, чтобы иметь какое-никакое подспорье. Уборка комнат полностью была на мне. Это и была моя первая работа, за которую деньги шли в семью.

Помню, как по утрам мощно гудел заводской гудок, созывая рабочих. Работали тогда по 12—14 часов, без выходных. А денег все равно не хватало. Мама стала стирать на людей. Каждую неделю приносила домой по большому тюку белья. А концы все равно не сводили с концами.

Однажды отец горестно сказал: «Вы не думайте, что мы так бедно живем, потому что семья у нас большая. Не поэтому. А потому, что хозяева отдают нам не все, что мы, рабочие, зарабатываем».

Дело и вправду было не в отце. Человек он был непьющий, основательный, квалификацию к этому времени имел высокую.

> Однажды моя подруга, а Юры моего учительница — Елена Федоровна Лунова спросила: «Нюра! Тебе по петербургскому времени такая фамилия — Зуев — незнакома?» — «Товарищ, — говорю,—у моего отца был Алексей Ильич Зуев, работали на Путиловском, часто бывали вместе».— «Вот-вот,— продолжала Елена Федоровна,—он тоже наш, гжатский, из деревни Нижнее. Так вот он мне рассказывал, что до революции вместе с друзьями вел подпольную работу, был в кружке под руководством Михаила Ивановича Калинина. Помню, перед войной ему пришлось обратиться к всесоюзному старосте по поводу пенсии. Михаил Иванович подтвердил, что человек вел подпольную, революционную работу, соответствующую пенсию назначили. Так вот, Алексей Ильич, когда мне о революционном прошлом рассказывал, твоего отца тоже вспоминал...»

Отец человек был умный, за справедливость готов был постоять.

9 января 1905 года, как вспоминал, шел в колоннах рабочих к царю «за хлебом». У Нарвских ворот их встретили выстрелами, казаки врезались в колонны рабочих, секли людей нагайками. Многие были убиты, затоптаны лошадьми, покалечены. Отцу удалось спастись потому, что он перепрыгнул через перила железного моста. Внизу протекала грязная речушка. Домой отец вернулся в обледеневшей одежде, суровый. Вспоминал, как потом расправлялись с рабочими, увольняли, штрафовали, судили, высылали в Сибирь. Повторял: «К большому делу надо хорошо готовиться».

У нас, как и в других рабочих семьях, часто говорили о том, что нужно изменить жизнь, что рабочие должны бороться за свободу. И не только говорили. Рабочие объединялись, организовывали стачки. Недавно я прочитала, что за первую половину 1914 года на Путиловском заводе было проведено 60 стачек: чуть ли не каждые три дня какая-нибудь мастерская бастовала. А 1 июля того года путиловцы собрались на большой митинг в поддержку бакинских рабочих. Пролетарии каспийских нефтепромыслов требовали 8-часового рабочего дня, официального признания праздника трудящихся — 1 Мая. За эти требования их наказывали.

Рабочие Путиловского завода решили собрать деньги, чтобы помочь бакинцам. Но петербургский градоначальник запретил всякие сборы для нефтяников. Даже те средства, которые удалось собрать и переслать, не попали к бакинским рабочим: почта не выдала деньги, а обратила их в доход казны.

Митинги путиловских рабочих разгоняла полиция. С демонстрантами жестоко расправлялись казаки.

Вскоре началась первая мировая война. Жизнь стала еще тяжелее. А тут нашу семью постигло новое горе: в цехе на отца с высоты упала пятифунтовая стальная масленка. Отец стал инвалидом, мы лишились единственного кормильца — хозяева его вышвырнули с завода без всякого пособия.

Как тяжело было семье! Об этом не раз говорили взрослые. Тогда мама решила пойти на Путиловский завод. Попросился на Путиловскую верфь старший брат Сережа — было ему в ту пору пятнадцать лет. С трудом преодолевая недуг, стал трудиться вместе с мамой в шрапнельной мастерской и отец.

Рабочие все чаще говорили о тяготах жизни, договаривались о новых забастовках. Тогда в начале 1916 года военные власти решили закрыть Путиловский завод.

Но старейший завод Петрограда поддержали рабочие других предприятий. Вечерами, когда в семье обсуждали события дня, часто слышалось: «Забастовка». И хотя дома было холодно, да и голодно, мы не чувствовали себя одиноко.

Конечно, я тогда не во всем хорошо разбиралась, но само понятие товарищества, сознание того, что о наших отцах и матерях думают другие, вселяло уверенность. Не только во взрослых, но и в нас, детей.

Полмесяца не работали путиловцы, а потом власти, испугавшись силы протеста, распорядились вновь открыть завод.

Но по-прежнему было трудно. Мама приходила из лавки озабоченная. Приговаривала: «Как же из этого суп сварить можно?»

А «ртов», как тогда говорили, прибавилось. У отцова младшего брата (Алексея Тимофеевича) умерла жена, и моя мама предложила младших племянников приютить.

Часто я думаю: как рождается доброта? Но хорошо помню, что в те голодные годы за обеденным столом первым после отца наливали суп осиротевшим ребятишкам — это была зримая доброта. Мама ласково приговаривала:

— Ешьте, ребятки, Симочка, Леша, Паша, Зоя, Лариса, Надюша, ешьте, милые.

Дядя мой Алексей Тимофеевич вернулся в деревню, поближе к земле, хлебу, как он говорил. Там он женился на Прасковье Ивановне Гагариной, устроился, потом и детишек забрал к себе.

Мама по совету других женщин хотела отдать меня в обучение к перчаточнице, чтобы я имела «хлеб в руках», а отец запротестовал: «Нюра — девочка смышленая, пусть в школе поучится».

Меня отправили в училище при Путиловском заводе. Там преподавали чистописание, русский язык, арифметику, естествознание, ну и, конечно, закон божий. Обучали домоводству, шитью, вязанию, вышиванию.

По вечерам иногда отец расспрашивал об училище. Занимались мальчики и девочки вместе, в училище выда-

вали нам дешевенькие платьица серого цвета, которые мы очень берегли.

Училась я старательно, все мне было интересно, особенно же я полюбила чтение.

Чтобы помочь семье, по вечерам я шила патронташи. Знала: и мои копеечки подмога в хозяйстве.

Хорошо помню свою учительницу — Варвару Федоровну Колосову. Была она молодая, строгая, очень знающая. Ходила в белой кофточке с высоким воротом и длинной серой юбке.

Сидели мы на уроках тихо. Слова учителя ценились не только нами, ребятишками. Когда мама или отец говорили с нами о школе, они об учителях отзывались с особым почтением. Это было в традициях рабочих и крестьянских семей. Даже слова «учитель», «учительница» произносились по-особенному, вроде бы с большой буквы.

Варвара Федоровна понимала трудности и нужды своих учеников, старалась их порадовать. Тогда елки устраивались на рождество. В первый год подарили мне на елке в училище куклу. Конечно же, учительница понимала, что в нашей многодетной семье денег на игрушки не оставалось. А в третьем классе получила я за хорошую учебу «Приключения Тома Сойера». Радости не было предела! Я столько раз сама читала, да младшим ребятишкам рассказывала, что скоро знала книгу чуть ли не наизусть.

До сих пор для меня приключения Тома Сойера — это воспоминание о детстве.

В конце обучения мне выдали свидетельство — это была рекомендация для дальнейшего образования. Но учение в гимназии требовало больших денег. Это нашей семье было не под силу.

— Ничего, Нюра, скоро все будет по-другому,— успокаивал меня старший брат Сережа.— И учиться будешь, и жить иначе.

Пошла я тем временем в рукодельную мастерскую, чтобы получить профессию.

Брат Сережа был совсем молодым, но в семье никакое дело не начинали без совета с ним. Да и не только в нашей семье. Окружающие относились к нему с уважением. Часто к нам в дом приходили люди, о чем-то подолгу говорили с Сергеем; одни передавали, а другие

забирали свертки, в которых можно было распознать пачки бумаги. Подростки — люди наблюдательные. Я догадалась, что брат ведет скрытную работу. А что такое «листовка», «прокламация» — девочке из рабочей семьи не нужно было объяснять.

Не раз и не два скрывались у нас в семье молодые люди. Обычно они поселялись среди наших квартирантов. Так было удобнее, да и вопросов лишних не возникало. Подолгу жил наш земляк Дмитрий Зернов. По тому, что он скрывался, мы, ребята, догадались, что он — против царя. Брат предупреждал: «Никому ни слова». И нам, младшим, было все понятно: они связаны с забастовщиками, с революционерами.

Однажды Сергей вернулся раньше обычного, сказал, что у нас может быть обыск, а на чердаке спрятаны запрещенные книги. Я услышала тихий разговор и вызвалась отнести книги к маминой сестре, тете Наде. Переносила в продуктовой сумке. Конечно, на меня, девчонку, идущую в гости к родственнице, никто не обратил внимания.

А поздно ночью в дверь раздался сильный стук. Пришел дворник, полицейские. У дворника была домовая книга, и он говорил, что поступили сведения о подозрительных людях, которые живут у нас.

Дмитрий Зернов, предупрежденный братом, не пришел ночевать. Полицейские начали обыск. Они рылись в вещах, повыкидывали все из шкафа, трясли даже наши школьные тетради и учебники. Ничего подозрительного не обнаружили. Тогда один подошел к кровати, где лежал больной отец, приказал подняться. Отец еле держался на ослабевших ногах, а полицейские все сбросили с кровати, ощупали подушки. Было понятно, что обыск не дает результата, и это полицейских вовсе разозлило. Они позвали маму, приказали распороть матрас. Мама заплакала от обиды, но приказание выполнила. Полицейские слазили на чердак, выстукивали стены, шарили кочергой в печи. Ничего. Ушли только под утро.

Тайник они не нашли, а он был под листом железа у печки. Мама и папа знали об этом. Когда Сережа как-то спросил, где спрятать важные бумаги, они и подсказали ему.

Хотя обыск ничего не дал, Сергея уволили с Путиловской верфи. В его документах сделали пометку: «Приему

не подлежит». На петроградские заводы путь ему был заказан. Брат уехал в Сестрорецк, но как только там узнали о его делах в столице, сразу же уволили. Работал Сергей теперь нерегулярно, подолгу не бывал дома. А мы чувствовали — он делает важное дело.

Однажды — это было в начале 1917 года — прибежал домой возбужденный, подошел к нам и сказал:

— Скоро прогоним царя.

Стало даже страшно, что он так, в открытую, произносит опасные слова. А брат ободряюще улыбнулся, потрепал меня по голове:

— Не трусить!

Вскоре он возвратился поздно ночью, поднял нас: «Революция! Свобода!» Сергей был с винтовкой и красной повязкой на рукаве.

В эти дни в составе отряда путиловских рабочих брат участвовал в освобождении из Петропавловской крепости политзаключенных. Шли они к крепости с красными флагами, пели «Варшавянку», и люди, просидевшие в тюрьме не один год, увидев, кто пришел за ними, плакали, прижимали к себе алые стяги.

Настроение было праздничное, отец даже почувствовал себя здоровым. Что бы такое особенное сделать? Как свободу отметить?

— Знаете что? Пойдем сфотографируемся! — предложил он.— Потом посмотрим, какими мы были, когда свобода пришла.

Может, с той поры у меня осталось какое-то особенное отношение к фотографированию. Я всегда ощущаю, что как будто минуточку остановила, запомнила. Так зарубки на память и делаются.

Настоящим праздником тогда стал день 1 Мая. Все ликовали, рабочие писали лозунги на красных полотнищах, несли эти кумачовые ленты, а мы, дети, с удовольствием громко читали: «Да здравствует пролетариат России!», «Долой эксплуататоров!».

Но тогда немногое изменилось на заводах, хозяева оставались прежние, порядки тоже. Брата опять уволили, из моих родных работу удалось найти только маме и старшей сестре Марии.

Наступила осень, приближался октябрь.

Что-то грозовое было в воздухе. Брат бывал дома совсем редко, говорил, что рабочих обманули. Мать

и отец горестно сетовали, как тяжело живется. Но Сережа успокаивал, говорил, что ждать осталось недолго. Мы понимали, что рабочие готовятся к решительным выступлениям.

Дни октября запомнились тем, что рабочие вечерами тайно встречались по домам, потом уходили куда-то. Тихо и организованно. И однажды, как гром, пронеслось по улицам нашей окраины: «Зимний взят! Телеграф взят!»

Взрослые это произносили с такой радостью, что и мы, дети, понимали: победа!

Те дни остались в памяти особо сосредоточенными лицами рабочих в колоннах отрядов, пламенными словами: «Революция! Вся власть Советам!»

Трудовой народ взял власть в свои руки. Началась новая жизнь.

Говорили, что германские войска перешли в наступление на Петроград. Брат вместе с другими путиловцами откликнулся на призыв большевиков: «Революция в опасности!». Он записался в Красную гвардию. А вскоре и сестра Мария вступила в Путиловско-Юрьевский партизанский отряд санитаркой.

В те дни мы не виделись с Марией, а позже она рассказывала, как их отряд прибыл в Смольный. К ней подошел слесарь завода Андрей Васильев: «Я сейчас иду с путиловцами в Смольный. Берем и тебя с собой».

Несколько человек поднялись на второй этаж, там в коридорах множество людей. Прошли в одну из комнат, где сидел за столом человек в военной форме, короткими фразами разговаривал с кем-то по телефону. Один из путиловцев сказал, что приказание выполнено, их отряд прибыл. Военный снял телефонную трубку: «Товарищ Ленин, к вам пришли с Путиловского завода». Услышав ответ, пригласил их.

Мария вспоминала, как беседовал с ними Владимир Ильич, расспрашивал о подготовке отряда.

Потом был митинг, перед красногвардейцами выступал Ленин. Говорил он кратко, о главном: надо защищать еще не окрепшую Советскую власть. Защищать повсюду — не только на фронте, но и в городах и деревнях. Говорил, что надо распознавать классовых врагов, беспощадно бороться с ними.

Речь вождя произвела на всех огромное впечатление. Бойцы поклялись отстоять завоевания революции.

Уже вечером отряд вместе с другими отправился на Псковский фронт, под Нарву.

В начале 1918 года приехали из деревни земляки, разговаривали с мамой, отцом, сообщили, что и к ним пришла новая власть, крестьяне отобрали землю у помещиков, делят ее по справедливости.

Родители и Мария решили вместе с нами, младшими (мною, двенадцатилетним Николаем и семилетней Олей), вернуться в родные места, на Смоленщину.

Так закончилась для меня городская жизнь. Но впечатления детства сохранились навсегда.

Позже, когда я выросла, стала матерью, я часто вспоминала нашу жизнь в Петербурге. Мне нетрудно было объяснить своим ребятишкам, почему рабочие поднялись против царизма и буржуазии. Рассказывала им о родителях, которые никогда не клонили голову перед обстоятельствами, о брате Сереже, который часто говорил: «Только сами рабочие добудут себе свободу!», о сестре Марии, в семнадцать лет взявшей в руки оружие, чтобы защищать революцию.

Возвращение в деревню

Недавно бойцы из интернационального студенческого строительного отряда, что работает у нас в Гагарине в третий трудовой семестр, установили памятные доски у могил моих родных. Матвеев Тимофей Матвеевич (1871—1918), Матвеева Анна Егоровна (1875—1922), Матвеев Сергей Тимофеевич (1899—1922). Смотрю я на эти даты — и множество мыслей теснится в голове. Отец-то мой умер нестарым человеком, а в памяти он представляется чуть ли не дедом. Так его покорежили да сгорбили жизнь, болезни, несправедливость. Мамино горе

мне особенно близко и понятно. Потерять сына, похоронить свое дитя — есть ли беда страшнее? Сергей Тимофеевич. По нынешним понятиям — юноша, молодой совсем. Но возраст человека определяется его делами и поступками. Иной в сорок лет пацан, а другой в двадцать свою ответственность чувствует.

Ехали мы домой весной 1918 года. Дорога по тем временам от Петрограда до Гжатска была некороткой. В переполненном поезде, который часто и подолгу останавливался на станциях и в чистом поле, доехали мы до Бологого. А там на перекладных — до нашего смоленского городка. Иной раз перекладных не было, тогда шли пешком, взвалив на плечи наши пожитки. И так от села до села. На ночлег нас пускали в избы.

В Гжатск прибыли, когда уже начал таять снег. Так что до деревни Шахматово последние двенадцать верст пришлось добираться весь день — никто не соглашался по весенней распутице гнать туда лошадей.

Но встреча в Шахматове заставила забыть все тяготы пути. Мамина тетя — бабка Дуня, хоть и не ожидала нас, быстро устроила встречу. Напекла, нажарила, что могла собрать в доме. По старому обычаю натопила баню. Прибежали ребятишки Алексея Матвеевича — папиного брата, которые когда-то жили у нас в семье. И без того были они нам близкими, а общие беды, заботы, последний кусок хлеба, пополам поделенный, ближе людей делают.

Родители сразу же стали обдумывать, как хозяйство поднять. Алексей Матвеевич и сестра отца Евдокия Матвеевна сказали: «Подсобим». Мама купила жеребую лошадь — это была надежда, что жизнь наладится. Но пока что было голодно, и родные помогали кто чем мог: дали немного ржи, картошки, приносили молоко.

Отец было воспрянул духом на родной земле, даже задумали они с мамой новый дом строить, старый-то уж больно маленький был, да и обветшал, пока пустой стоял. Сходил отец в лесничество, разрешение получил на порубку. Но за работу приняться так и не смог. Слабел и слабел. Мы все надеялись, что лето его поправит. Но осенью отец совсем слег. В лес мы стали ездить с мамой. Женщина она была сильная, умелая, хваткая, да и я

крепкая была. Валили мы лес, отца хотели порадовать. А он только тяжело вздыхал:

— Дожил... Женщины мою работу выполняют...

В ноябре отец умер.

Тем временем в уезде начался белогвардейский мятеж. Бывшие офицеры, попы и помещики сеяли слухи, что Советской власти пришел конец. Потом по уезду учинили разгромы волостных и сельских Советов, хватали и расстреливали большевиков, комиссаров, активистов.

Наверное, отца от расправы спасли только болезнь и смерть, ведь свою приверженность Советской власти он никогда не скрывал. В те дни некоторые соседи както сторонились нашей семьи: путиловцы, значит — революционеры.

Пришла весть, что мятежники захватили Гжатск, всех красных порезали. Два дня продержались враги. На помощь Гжатску пришли рабочие Смоленска, Московской губернии. К 25 ноября мятеж был подавлен. Можно было подумать о жизненных заботах.

— Ну что, Нюра, нужно ехать лес вывозить.

Приехали мы с мамой в лес, а полянка наша — пустая. Пока мы хоронили отца, лес наш украли. Мама считала, что не случайно этот воровской поступок совпал с днями мятежа: всякая нечисть себя безнаказанной почувствовала, хозяевами посчитала.

Ехали мы на пустых санях молчаливые. Но перед селом мама говорит:

— Это, Нюра, все-таки не горе. Дом построим.

Сергей оставался на защите Петрограда до 1919 года. Когда приехал, с ним дом поставили.

По приезде он стал работать на бирже труда в Гжатске. Туда же устроилась и Мария. Их продовольственный паек помог нам выстоять до следующей весны. А уж там стало легче: ожеребилась кобыла, пошел первый урожай лука, редиса, появилась ранняя картошка.

Когда Сережа и Мария приезжали погостить, говорили о будущем, строили планы.

Что только не обсуждали! И как хозяйство поднять, и как жизнь новую строить, и какой спектакль поставить! Но больше всего — как ликвидировать неграмотность. Помню, как Сережа однажды сказал:

— Давайте каждый месяц отчитываться, что сделали на фронте борьбы с неграмотностью!

Очень хвалили Марию: она выучила читать и писать двенадцать человек. Ее ученикам даже документы об их грамотности выдали. В соседнем большом селе Воробьево открыли клуб, библиотеку, в бывшем помещичьем доме — театр. Сколько молодежи бывало у нас! Все тянулись к Сереже, Марии, они были неистощимы на выдумки. Из воробьевской школы приходили молодые учительницы. Особенно частым гостем была красавица Леночка — Елена Федоровна Лунова. О трудностях и испытаниях говорили легко и весело. И до сих пор, вспоминая то время, я представляю не голод и лишения, а моих молодых брата и сестру, их удачи и хорошие дела.

Начинала налаживаться наша жизнь, но в 1922 году до Гжатского уезда докатилась эпидемия сыпного тифа. Брат Сережа, которому часто приходилось ездить в Смоленск и Москву в переполненных теплушках, подхватил заразу. Его положили в больницу, и больше живым я его не видела. Через девять дней после смерти Сергея, не выдержав потери сына, скончалась мама.

Уже на маминых похоронах почувствовала, как страшный жар охватывает меня. Заспешила домой. По дороге попросила тетю Дуню приютить Ольгу и Николая. Но было поздно: сестра слегла в тот же вечер в тифу.

Очнулась я уже выздоравливающей. Поняла: осталась без отца-матери, двое младших на руках. Но деревенская жизнь остановки не знает. Сев проведешь, а там уж сенокос, сено уберешь — другая работа ждет не дождется: картошку окучивать надо, огород поливать, полоть. Глядишь — время жатвы настало. Каждый день поутру надо корову подоить, в стадо выпустить. За повседневными заботами горе чуть отпускало сердце, да и молодость брала свое.

Часто в те дни заходили родные: тетя Дуня и дядя Алеша помогали мне. Тут я стала замечать, что к жене дяди Алеши — Прасковье Ивановне что-то уж больно часто младший брат ее захаживает — Алеша Гагарин из соседнего села Клушино. В то время молодежь пустую избу на окраине Шахматова под красный клуб определила. Алеша Гагарин в нашем шахматовском клубе на вечеринках оставался. Вроде бы ненароком было: у сестры погостит и в клуб завернет; в клубе побудет — к сестре пойдет. Алеша хорошо на гармошке играл, так что

везде желанным гостем был. И каждый вечер с меня глаз не спускал. Мне он тоже люб был.

В 1923 году посватал он меня. Как было у нас принято, собрались на общий совет. У меня первый вопрос: «Как же ребят оставить?» Ну, Коля-то уже по тем временам взрослый был: семнадцать. Когда про младшую, Олю, речь зашла, мамин брат и говорит: «К вам в дом переедем, Ольгу растить будем». К девочке они относились ласково, по-родительски.

Так стала я Гагариной. Венчали, как заведено в деревне, по окончании полевых работ — 14 октября. Алеша мой был восьмым ребенком в бедняцкой семье. Отец погиб, когда ему едва четыре сравнялось. Семья без кормильца — непроходящая беднота. Но Анастасия Степановна Гагарина, мать восьмерых детей, все-таки решила задуманное осуществить. А мечтали они с мужем, чтобы сыновья учились. Да не просто в церковно-приходской школе, а чтобы получили профессию. Постановили всей семьей: старшему Павлу ехать в Петербург в военно-фельдшерское училище. Остальным детям пришлось забыть и думать об учебе, а идти пастушествовать. Вот такая была цена образования!

Незадолго до Великой Октябрьской революции Павел Иванович Гагарин вернулся в Клушино, поселился в центре села. Ветеринаром он был отменным.

Меня же Алеша привел в материнский маленький домик на окраине.

Гагарины были люди бедные, но трудолюбивые, делали все на совесть. И когда после установления Советской власти раздали всем крестьянам-беднякам помещичью землю, воспрянули духом.

Мой Алексей Иванович и сказал мне, когда начали мы с ним жизнь строить:

— Руки у нас с тобой, Нюра, работящие, головы на плечах есть, да и любим друг друга. Остальное — наживем. Не унывай!

Начинали мы, как сейчас говорят, «с нуля».

Но родные и тут помогли. Сестра моей мамы, которая жила в деревне Пальки, дала нам на обзаведение корову испольную «во временное пользование» с условием: как отелится — вернуть, а теленочка в нашем хозяйстве оставить. Насобирали денег, купили жеребеночка да поросенка.

Не раз слышала я о том, что жизнь деревенская — тяжелая. Что ж, не спорю: труд крестьянский — физический, нелегкий, но, на мой взгляд, он, как никакой другой, приносит много радости. Потому что связан с живой жизнью, с творчеством.

Конечно, кто-то удивится: какое такое творчество? В силу скромности своей деревенские люди, конечно, не говорят (и даже не думают), что делают что-то необычное. А делают... Нужны тут глубокие знания, которые из поколения в поколение передаются как уклад жизни, как что-то привычное. Многими неброскими хитростями да тонкостями надо овладеть, чтобы урожая хорошего добиться. Знать и чувствовать, насколько глубоко пахать, да когда бороновать, да не пожалеть труда — сорняки выполоть, да вовремя удобрить.

Жатва! Бывало, руки, все тело гудят от тысячи поклонов, но в селе праздник — хлеб идет! Земля с благодарностью отвечает тебе за заботу.

А ежедневная работа со скотиной! И напоить, и накормить, и ласковое слово сказать ей надо.

...Недавно смотрю, перебирает Тамара, внучка моя, какую-то материю: новая — не новая? Куски большие, но мятые. Она этак рукой от плеча отмерила, отрывать собралась.

— Что это такое? — спрашиваю.

— Да в магазине материю упаковочную продавали, — отвечает, — на тряпки купила.

— Дай-ка, — попросила.

В руки взяла: чистый лен, только чуть измятый, да реденько сотканный, а уж мягкий! Глаза закрыла, в пальцах мну — вот они, крепкие нити основы, а эти поперечные потоньше. Аж стан увидела и как челнок бегает. Говорю ей. Она смеется:

— Бабуль! Да это ж на фабрике ткали.

— Ну и что же? Все равно труд вложен. Дай-ка, — предложила, — наволочки сошью. Не возражай! Ткань крепкая, а что помятая — ласковей будет.

Наволочки получились хорошие. Тамара оценила, правоту мою признала. Мне же — спокойнее. Не могу примириться, если к труду иной раз бросово относятся.

Если много деревенских работ было общих, то одна целиком ложилась на нас, женщин. Лен. Много он нашего труда требовал. Да ведь какой своенравный. Сеять нужно после клевера. Считай, за год надо это предусмотреть. Зимой поле золой подкормить, да густо, да умело, чтобы весенняя вода не смыла. Чуть потеплеет — семена перебираешь, просматриваешь. Потом сев. Льняные елочки проклюнутся — опять забота: там, где слабенькие, подкормить надо. Едва подрастет ленок, сорняк станет голову поднимать — полоть нужно. Тут уж, бывало, и ребятишкам по корзине дашь, рядом ставишь: помогайте — полите. Не успеешь оглянуться, пора теребить лен. А вытеребишь — выстелить его по полю нужно ровно, аккуратно, чтоб августовские росы его довели. Чуть засинеется верхний слой, значит, дозревает, в конуса его пора ставить, нижним слоем наружу. Солнышко, теплая летняя роса еще поработают. Ветер подсушит — убирать пора. Там, почитай, ползимы его придется чесать: отделять костру от волокон. Снопик возьмешь, трепалом — деревянной лопаткой — по нему бьешь, хрупкая костра отваливается, тонкие волокна в руке остаются.

На трепку собирались мы, женщины, обычно в нашем просторном амбаре. Треплешь лен — новости деревенские обсуждаешь.

Потом лен очесывали железными гребнями. Вот только когда к прядению он готов. Но еще долгий путь до холста.

В последние дни зимы ставил в доме Алексей Иванович мой станок.

В иной день ткала я по шесть-семь метров. Полотно серебристое складывалось, ждало весеннего солнца. Расстелишь отбеливать весной полотно на снегу, оно искрится, пока золой его не засыплешь, снегом не закроешь. Но выбелит холсты только летнее солнце, вымоет речная вода.

Работы много.

А главной радостью было, когда дом украсишь скатертью белейшей, полотенцами, сверкающими от глажки. Или когда Алексей Иванович скажет:

— Нюр! Я по селу шел, поглядел — твое белье белее всех. А уж до чего гладкие да мягкие простыни!

Лучшая похвала работе — ласковое слово любимого.

Вот и говорю: нелегко, но радостно работалось нам с

Алешей. Усталости не замечали. Да и проходила она скоро. А хозяйство росло. Поженились — был только земельный надел да дом, а к 1933 году, ко времени создания колхоза, были у нас уже корова, бык, лошадь, несколько поросят и овец, гуси да куры. В колхоз пришли не с пустыми руками, не меньше других принесли. Решили работать сообща, жить по-новому.

Так мы стали колхозниками. На первое собрание пришли, стали прикидывать, как хозяйство вести. Алексея Ивановича односельчане в правление избрали. Задумались, как колхоз назвать. Решили дать имя Сушкина — в память о комиссаре-земляке.

Иван Иванович Сушкин был родом из Клушина. Также как многие мужики, до революции подался он на заработки в Петербург, стал рабочим Обуховского завода. Большевиком-подпольщиком он стал рано, участвовал в революции 1905 года, в февральской революции, в Великой Октябрьской. Вскоре после октябрьских дней 1917 года вернулся Сушкин военным комиссаром в родные места для борьбы с бывшими помещиками, кулаками. Направила его большевистская партия в большое село Пречистое. Горячо взялся он за дело: землю отбирал у помещиков, по справедливости распределял между теми, кто землю эту обрабатывал. Грозили ему, стреляли в него. Но не запугали.

В дни контрреволюционного мятежа 1918 года бандиты одним из первых схватили комиссара Сушкина, расстреляли на глазах у сына.

Память об этом человеке и хотели сохранить мы в названии колхоза. Потом памятник ему поставили в центре села.

Наш первый с Алешей дом строили мы, когда уже стали колхозниками.

Дом вышел хорошим, ладным. Все предусмотрел в нем Алеша: была застекленная терраска, под полом в сенях погреб. Из сеней — вход в кухню, тут и готовили, и ели. После кухни — комната побольше, «зал» называли. Последняя комната — наша спальня. Русскую печь Алексей Иванович поставил так, что она своими сторонами во все комнаты выходила. По зимам ставил еще временную маленькую печурку.

Печи Алексей Иванович складывал большие — так, чтобы не один человек мог отдохнуть, погреться, поле-

читься. Ценили его печи еще за то, что дров они требовали немного, а тепла давали достаточно, не дымили, даже в сильные ветры никогда не «голосили».

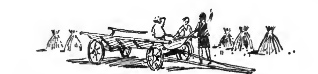
Отпраздновали все строители окончание работы. Гости ушли, а нам хотелось побыть в новом доме одним. Зашли. Смолой, лесом пахнуло. Как-то Юра, уже большим, спросил:

— Мама! Чем у нас в деревне дом так здорово пахнул? Никогда больше такого запаха не встречал. Ты что-нибудь клала в избе?

Я посмеялась:

— Ничего не клала. Чистой смолой он пах. Новый был.

Дети

Валя появился на свет 30 июля 1925 года. Не меньше радости принесло рождение Зои.

Когда уезжали в поле, ребят забирали с собой. Были они привычные к этому. Днем пополдничаем в тени распряженной телеги и ребяток уложим. Алеша обычно составит шалашик из снопов — там тень. Ребята, сморенные жарой, засыпали быстро. Иной раз берешь на руки разомлевшего Валюшку, Зою, а они горячим хлебом пахнут, полем, нагретой духмяной травой. Побольше стали — за взрослыми тянулись, работали — то за водой сбегают, то сами навес к обеду соорудят.

В начале марта 1934 года отвез меня Алексей Иванович в родильный дом в Гжатск. Акушерка пошутила:

— Ну, раз к женскому дню ждем, значит, будет девочка.

Но прошел день восьмого марта, наступила ночь. Я-то ждала сыночка, даже имя ему заранее определили — Юрочка. Вот он и родился. Привез меня Алексей

Иванович домой, развернули мы мальчишечку. Он лежал такой складненький, крепенький, аж пеленать его не хотелось.

Через два года с небольшим, в июне 36-го, родился и последний наш мальчик — Борис. Вот и вся наша семья.

Младших братишек нянчила Зоя. Когда Юра родился, пригласила я старушку за мальчиком приглядывать. Но однажды Зоя прибежала на ферму (в колхозе я дояркой работала) вся в слезах:

— Бабушка Юру уронила! — плачет, сердится, а потом говорит:

— Лучше я сама за ним ходить буду.

А самой-то семь всего! Но деревенские дети раньше, чем городские, в работу включаются. Бывало, несет Зоя Юру ко мне на ферму, чтобы я его покормила, подружки кричат:

— Нюра, твоя помощница идет!

Я спешу навстречу, а мне тепло от гордости: вот какая девочка у меня растет добрая, вот какой мальчонка хорошенький, здоровенький.

Так все лето нянчила дочка братика своего. Осень подошла, убрали все с поля, Зоя по-взрослому говорит:

— Ну теперь, мама, ты управишься с Юриком? Ведь сейчас полегче.

Я сразу не поняла, о чем она.

— Управлюсь, — отвечаю.

— А я, — говорит, — в школу пойду.

— Так ведь уже октябрь!

— Ничего. Я постараюсь.

Пошла в школу. Директор потом меня на улице повстречал, рассказал. Пришла дочь в класс и учителю Степану Васильевичу говорит:

— Хочу учиться.

Тот стал возражать:

— Мы уж много прошли.

— А я все буквы знаю, складывать умею. Раньше прийти не могла, братика растила.

Оставили ее. И не пожалели: заниматься Зоя сразу стала отлично.

Однажды во время моего выступления перед родителями в школе пришла записка: «Расскажите подробнее, какое время вы уделяли воспитанию де-

тей?» Прочитала, даже растерялась. Какое время уделяла? Не было такого отведенного часа. Что ж, выходит, мы детей и не воспитывали вовсе? Подумала-подумала и ответила: «По-моему, надо жить и работать так, чтобы дети гордились родителями. Это и будет главное воспитание. Выходит, все время ребятишек мы воспитываем».

Вспоминаю нашу молодую жизнь. Мы с Алексеем Ивановичем заняты были так, что летом ни единой свободной минутки не было. А дети выросли хорошими, работящими да добрыми, отзывчивыми да внимательными.

Что же, само это, что ли, пришло? Думаю, что многое зависит от родителей. Вовсе не нужно следом за ребенком ходить и все ему подсказывать, поправлять да направлять. Так никакого времени у родителей не хватит. Ребенку такой опекун тоже быстро надоест. Другое дело, если ты сам ребенку своей жизнью, своими делами пример показываешь.

В доме у нас сложилось распределение обязанностей. Хозяйство и скотина были за мной, а вся плотницкая и столярная, словом, мужская работа — за Алексеем Ивановичем.

Ему никогда не приходилось будить меня, говорить: «Нюра, вставай, корову доить пора!» Встанешь сама часа в три утра, печь затопишь, приготовишь еду на весь день, оставишь ее на загнетке. А тут уж пора корову доить, глядишь — время и на работу идти. Вечером после дойки скотину обиходишь, вещички у ребят пересмотришь — что подштопать, что починить, а там и спать пора.

Алексей Иванович все своими руками сделал: буфет, стол, диванчик, качку, детскую кроватку. Дом сам строил, печь сам клал. Валенки подшить или ботиночки починить — тоже его работа была. Сколько ремонта дом требует, чтобы всегда был в порядке! И никогда не приходилось мне его понукать. Если иной раз и скажешь: то-то надо сделать, то только потому, что, может, он сам не заметил.

Думается, что и ребята наши, видя, что родители без подсказки работают, тоже тянулись за нами дружно. Каждый из них свою работу знал.

Валентин подрос — за ним было угнать скотину в стадо. Вместе с отцом плотничал, починкой дома занимался. Зоя маленьких нянчила, помогала по хозяйству. Даже большая субботняя стирка нам с ней была не в тягость. Младшие гусей пасли, огород пололи и поливали, в доме прибирали.

Такое еще наблюдение: каждый должен чувствовать, что его работа нужна, что дело он делает необходимое, что без его вклада семье нелегко будет справляться. Ребенок — человек чуткий. Он сразу раскусит, если занятие неправдашнее, невсамделишное. Относиться сразу же будет спустя рукава. Ответственность любого серьезнее делает, основательнее — что взрослого, что ребенка.

Что еще нужно — так это терпение. Тебе-то с твоим опытом кажется, что привычное делать просто, а ребенок в свет пришел неумехой. Ему всему-всему научиться надо. Ходить, говорить, есть, умываться, постель застилать, огород копать, печку топить, дрова колоть, рубанком орудовать. Каждая наука времени требует, а окрика не любит.

Как сейчас вижу: у самодельного верстака, что был сооружен позади нашей клушинской избы, стоят Алексей Иванович и Валентин. Алексей Иванович скупыми, точно рассчитанными движениями строгает доску. Отложил рубанок, приподнял край доски, зажмурил глаз, глянул вдоль торца. Большой, загрубелой в работе рукой провел по доске — она гладкая да ласковая. Валя — ему уже лет 12 — внимательно смотрит, а отец объясняет, как рубанок правильно держать, как встать у верстака. Легко все вроде, понятно. Но вот передал рубанок Вале, тот попробовал, рубанок врезался в доску — и ни с места. Алексей Иванович не торопится, объясняет, дает сыну время самому разобраться, понять причину. Смотрю издалека: как неуклюжи непривычные к рубанку руки сына, движения суетливы. От неумения, неуверенности и пот на лбу выступил. Отец наблюдает, замечаний не делает. Его спокойствие передается сыну. Вот уж раз-другой провел Валя рубанком вдоль доски — заулыбался. Теперь дело только за навыком. Алексей Иванович скрутил самокрутку, сел на самодельный табурет, закурил. Потом, когда Валя кончил работу, навел только последний лоск. И опять, как по первой доске, провел рукой — смотри, мол,

не занозишься. Слышу — говорит, обращаясь, как к равному, за советом:

— Из этой, что ль, доски Зое диванчик соорудим?

Зоя тоже постепенно в хозяйство входила. Вначале немудрящее только могла приготовить, потом сама хлеб ставила, караваи выпекала, а это — каждая хозяйка знает — нелегкое дело. Так же и со стиркой, уборкой. Поначалу она как следует Юру пеленать не могла, но времени немного прошло, стала Зоя такой умелой нянечкой, что я с легкой душой на нее малышей оставляла. Переоденет, накормит, спать уложит.

Юра и Борис ее слушались, выполняли, что она скажет. Младшие очень любили свою сестру. Мне кажется, они чувствовали — на девочке лежит большая забота, и потому старались ей помочь.

Как легко, приятно было возвращаться домой по вечерам! Придешь с Алексеем Ивановичем в избу, а дом убран, печка протоплена, обед сварен, ребятишки нас ждут: сидят за столом довольные, гордые, что все к нашему приходу успели.

Как складываются традиции? Из слов и дел. Надо, чтобы слово с делом не расходилось, чтобы оно вперед дела не убегало.

Мы были зачинателями колхозов, коллективного хозяйства, коллективной жизни. Работала я на молочной ферме телятницей, потом председатель колхоза направил меня на свиноферму. Приносила я домой, как раньше телят, и ослабленных поросяток. Алеша мой иной раз поворчит:

— В дом войдешь — сразу ясно, кем Нюра работает.

Ворчал-то так, не всерьез. И телят, и поросят выходила, и некоторых женщин убедила, что колхозные — значит наши, и своим ребятам показала, что за общее дело болеть надо.

Или еще одно правило: благодарным за добро быть.

Родители комиссара Сушкина жили в центре села. Смотришь, бывало,— то один из мужиков придет помочь, пособить по хозяйству, то другой. Алеша обычно собирал плотницкий свой ящик, кликал Валентина, и они отправлялись.

Никто просьб не дожидался. Что ж дожидаться — на деревне нужда видна, ее ничем не загородишь. Вот

крыльцо покосилось, плетень завалился, крыша просела...

Люди делом доказывали, что память о подвиге жива. Помнить добро — хорошая, благодарная наука. Случилось так, что в тридцать восьмом году задумали мы в город перебраться. Алексей Иванович «на разведку» в Брянск поехал. Остановился он в семье моей младшей сестры Ольги. Правда, городская жизнь его не соблазнила. Но с родными моими сблизился, привязался к их дочке Лиде. Вернулся в село, а их все приглашал в гости. Наконец в сороковом году собрались они в деревню. Как Алеша обрадовался! И то надо приготовить, и это, и пироги, и баню; игрушки специально мастерил для Лиды. Поехали они с Юрой встречать родных на колхозной лошади. Привезли. Алеша не знал, как угодить, чем развлечь. Ребятам наказывал:

— Лидушку не обижать! Она городская девочка, коров, быков боится.

Еще одно. Вспомнила я, как мой отец расспрашивал меня об учебе, как почтительно говорил об учителях, как одевал, идучи в мое училище, парадный, или, как тогда называли, «кобеднешний» (значит, для церкви, для обедни припасенный) костюм. На всю жизнь это запомнилось. Я тоже никогда не пропускала случая, чтобы Валентина, Зою не порасспросить о занятиях. Школа на селе тогда особую роль играла, собирала не только детей, но и взрослых. Новогодние вечера в крестьянстве отмечать было не принято, ждали школьного утренника, на который приходили семьями. Родители сидели чинно, смотрели концерт, который ребята показывали, елкой любовались.

Вообще мне кажется, что побольше радости окружающим нести надо и радость эту не пропускать.

Теперь кажется, какое такое событие — сфотографироваться? Но однажды пришел к нам в Клушино фотограф. Зоя ко мне на ферму прибежала:

— Мамочка! Можно, мы снимемся?

Я ее поняла — интересно, да и внове такое. Конечно, разрешила, наказала, чтобы ребяток младших она принарядила.

Зоя убежала, я тоже не вытерпела, домой заспешила. Подхожу к избе, дети все уже сидят у крыльца, смирные, важные. Потом мы это событие долго вспоминали.

Предвоенные годы

Письмо было длинным. Один родитель поделился своей заботой. Сын почти не бывает дома, а возраст у него переходный, трудный. Как бы беды не произошло.

Очень подробно отец писал, как он старается привить сыну правильные понятия о жизни, о труде, о доме; как составляет ему расписание на каждый день — по часам и минутам, как организует ему полезные развлечения и нужные занятия. Даже свой бюджет весь выложил, подчеркнул, что на школьную форму, джинсы, игрушки тратит немало.

Читала я, читала, даже скучно стало. А каково, думаю, человеку по указке жить?

Вот и ответила отцу, что советовать мне, конечно, трудно, по письму разве разберешься в жизни? Но по опыту знаю: проповеди только скуку рождают, протест в ребенке вызывают.

Небольшие события наполняли жизнь, складывались в мирное довоенное время.

В 1938 году решила я по приглашению сестры Марии в гости к ней съездить, гостинцы московские, подарки ребятам присмотреть. Хотелось кого-нибудь из старших поездкой порадовать. Кого взять? Зоя сразу же отказалась:

— Куда им без меня-то справиться? — кивнула она на младших.

Так решился вопрос: едем с Валентином. Дождались зимних каникул — и в путь.

Много в этой поездке было памятного. И метро, и автомобили, и троллейбус двухэтажный. И как столицу осматривали, и как в Мавзолей с Валентином ходили.

Обо всем по приезде рассказывал Валентин дома. Начинал всегда со своих впечатлений от метро. Пробыли

Путиловский рабочий Тимофей Матвеевич Матвеев со своей женой Анной Егоровной и детьми. Во втором ряду (слева направо): Николай, Сергей, Анна, Мария. В первом ряду — Ольга. 1917 год.

Анна Тимофеевна Гагарина (во втором ряду слева) со своими сестрами Ольгой Тимофеевной, Марией Тимофеевной и тетей Надеждой Егоровной Крюковой. 1937 год.

Юра Гагарин (сидит) со своими братьями Валентином, Борисом и сестрой Зоей.

Юра Гагарин (во втором ряду третий слева) со своими одноклассниками, учительницей Ниной Васильевной Лебедевой (сидит третья справа) и заведующей школой Еленой Федоровной Луновой (сидит четвертая слева). 1947 год.

Учащийся Люберецкого ремесленного училища № 10 Юра Гагарин. (Верхний снимок публикуется впервые.)

Гжатские ребятишки. Юра Гагарин — второй справа. 1948 год.

Снимок, присланный Ю. Гагариным из Саратовского индустриального техникума. 1951 год.

Снимки слева сделаны Ю. Гагариным в 1950 году.
Он сфотографировал маму, сестру Зою, ее мужа Дмитрия и племянницу Тамару. На нижнем снимке — А. Т. Гагарина с сыном Борисом.

Ю. Гагарин — студент 4-го курса техникума.

Алексей Иванович и Анна Тимофеевна Гагарины, их сыновья Борис, Юрий, Валентин с женой Марией. 1954 год.

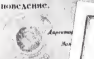
Четверокурсник техникума Ю. Гагарин на занятиях в Саратовском аэроклубе. 1954 год.

УПРАВЛЕНИЕ ПО РУКОВОДСТВУ ТЕХНИКУМАМИ
МИНИСТЕРСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТ

Выдан Педагогическим Советом
Саратовского индустриального
техникума трудовых резервов
учащемуся *3* курса *литейного отд.*
Гагарину Юрию Алексеевичу
За отличные успехи и примерное
поведение.

РСФСР

Министерство Просвещения

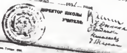
СВИДЕТЕЛЬСТВО

Настоящее свидетельство выдано *Гагарину Юрию Алексеевичу*
родившему*ся* в 193*4* году, в том, что он обучал*ся* в *Люберецкой* [illegible] средней школе [illegible]
окончил семь классов этой школы в тысяча девятьсот [illegible] году и обнаружил при *отличном* поведении следующие знания:

по русскому языку и литературному чтению	5 (пять)
» арифметике	5 (пять)
» алгебре	5 (пять)
» геометрии	5 (пять)
» естествознанию	5 (пять)
» истории	5 (пять)
» конституции СССР	5 (пять)
» географии	5 (пять)
» физике	5 (пять)
» химии	5 (пять)
» иностранному языку (*немец.*)	5 (пять)

№ 014511

15 июня 195*1* года

Директор школы
Учителя:

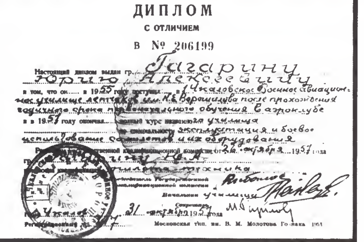

Курсант 1-го Чкаловского военно-авиационного училища летчиков им. К. Е. Ворошилова Ю. Гагарин. 1955 год.

Ю. Гагарин с отцом, матерью, братом и сестрой.

В год окончания училища Ю. Гагарин женился на Валентине Горячевой.

ДИПЛОМ

С ОТЛИЧИЕМ

В № 206199

Настоящий диплом выдан гр. Гагарину Юрию Алексеевичу

в том, что он ..... в 1955 году поступил ..... в 1 Чкаловское военное авиационное училище летчиков им. К. Е. Ворошилова после прохождения годичного срока первоначального обучения в аэроклубе

и в 1957 году окончил ..... полный курс названного училища

..... по специальности эксплуатация и боевое использование самолетов и их оборудования

Решением Государственной квалификационной комиссии от 26 октября 1957 года

гр. Гагарину Ю. А.

присвоена квалификация летчика-техника

Председатель Государственной квалификационной комиссии

Начальник училища

Секретарь

Город Чкалов 31 октября 1957 года

Регистрационный № 7

Московская тип. им. В. М. Молотова Гознака 1951

Курсанты авиационного училища со своим командиром.
Ю. Гагарин — второй слева.

Леночка — первенец в семье Юрия и Валентины Гагариных.

С первым самостоятельным полетом в Заполярье 6 апреля 1958 года Ю. Гагарина поздравляют командир эскадрильи В. Решетов и парторг А. Росляков (в центре).

Фотографии сделаны Ю. Гагариным в 1959 году в Гжатске. Вверху снимок сестры, мамы и жены, внизу — брата, племянниц и племянника. (Снимки публикуются впервые.)

мы в Москве пять дней, а рассказов хватило на многие зимние месяцы.

Большим событием было, когда в колхоз пришел первый колесный трактор. Он остановился в самом центре Клушина, на скрещении двух деревенских улиц. Его окружила толпа, все пришли, как на праздник.

Скоро в село провели радио. Вначале в каждом доме были наушники. Послушать этот нехитрый прибор становились в очередь. Сначала было любопытно, а потом почувствовали, как это дивно знать, что в стране нашей, в мире происходит!

Наушники донесли до нас новости о челюскинцах, тревогу за их судьбу. Мы следили с замиранием сердца за борьбой героического экипажа, а потом с облегчением обсуждали, как спасали людей. Тогда впервые были произнесены слова: Герой Советского Союза. Ими стали летчики, которые сняли челюскинцев со льдов.

На смену наушникам пришли репродукторы, похожие на картонные тарелки, а нам тогда казалось, что они украшают дом. Через них мы узнавали о героическом труде Стаханова, Кривоноса, Паши Ангелиной, Марии Демченко, о четверке папанинцев, о мужестве героев-летчиков Чкалова, Белякова, Байдукова, экипажа Михаила Громова, о смелых летчицах Гризодубовой, Осипенко, Расковой.

Для нас эти имена стали родными и близкими. Подвиги героев обсуждались с ребятами особенно подробно.

Ребятишки есть ребятишки. Послушают-послушают, да и скажут:

— Я буду, как Чкалов! А я буду, как Стаханов!

Алексей Иванович неизменно вмешивался:

— Ишь, Чкалов! До Валерия Павловича расти да расти! Стаханов... Работать надо на совесть.

Можно говорить, что устал, что работа тебя за день измотала. А можно и по-другому: вспомнить, что тебя председатель похвалил, что зоотехник отметил чистоту на ферме, что надои увеличились. Усталый приходил с косьбы, пахоты или жатвы Алексей Иванович. Но за стол сядет, станет говорить не о трудностях, а о том, как славно поработали. Ребятам тоже хочется гордость испытать — в поле просятся. Конечно, специально это не делается, я только подчеркнуть хочу, что мы с Алексеем

Ивановичем работу любили, а эта любовь помогала нам и детей воспитывать в уважении к труду. Увидишь, что ребята твои трудолюбивыми растут, новая радость придет — от гордости за сыновей и дочку.

Собрались как-то у меня люди. Были среди гостей и Юрины товарищи — космонавты. Почему-то говорили о животных. Алексей Архипович Леонов слушал-слушал истории про кроликов, собак, кошек, да и говорит:

— А я больше всего люблю коров.

Тут раздались голоса, что, мол, оно, конечно, правильно, животное полезное.

Но Алексей Архипович своим голосом шум перекрыл:

— Прошу без ехидства и подковырок. Нас у мамы было девять детей. Поэтому, хоть мы и жили в городке, всегда держали корову. Мне было лет восемь, когда наша корова отелилась. Телочка родилась маленькой, слабенькой. Мама рассуждала: «Ну что с такой делать? Она ведь не выживет. Даже на ножках не стоит». Видно, готовила нас к тому, что телочку придется зарезать. Мы это поняли, стали маму упрашивать не делать этого. Я пообещал, что выхожу Пчелку. «Ну ладно»,— согласилась мама. Я поил телочку из соски, гладил ее, поддерживал. Когда она стала подниматься, ножки ее переставлял — учил ходить. Пчелка скоро окрепла, стала бегать, резвиться, ласково бодаться. Меня узнавала сразу, даже по голосу. Ходила за мной повсюду. Мы с ребятами в лес — и она за нами, мы на речку — и она в воду лезет. Даже когда выросла, любила побыть со мной. Со стороны это выглядело, наверное, очень забавно: большая корова, а резвится, как теленок, даже как щенок.

Гости поддержали Алексея Архиповича: все дело в настрое, в воспитании, в умении находить радость.

В сороковом году, когда приезжала к нам погостить сестра Ольга с мужем и дочкой Лидой, в доме оказалось трое малышей: Юре было шесть, Лиде — пять, а Бориске — четыре года.

Придешь с работы, сразу — на скотный двор, там тебя наша корова Зорька ждет. Тут же малышовая команда с кружками в руках. Юра определенный порядок устанавливает, командует. Говорить он сразу стал чисто, хорошо, слова звонко раздавались:

— Сегодня первой — Лидочке, она помогала корову загонять, не побоялась.

Или: — Бориска! Вперед! Он с Зоей избу мыл.

Сам последним подходит: старший, командир. Я через плечо гляну, до чего ж они хорошие — ребятишки: волосы выгорели до белизны, у Лиды косички в стороны торчат, глаза у всех синеют, светятся.

Прямо в подставленные кружки дою, молоко туго звенит, стараюсь точно в кружку попасть.

Сейчас припоминаю: ну что такого особенного было в этом занятии? Значит, было, если не надоедало, если каждый вечер опять они меня ждали, подставляли кружки, выслушивали Юрины похвалы да его командирские оценки. Радость была.

...Может, кто-нибудь скажет: приукрашиваю. Конечно, память старается отодвинуть неприятное, особенно если это касается твоих детей.

Прихожу как-то вечером, а кроме коровы на скотном дворе никого нет. Подоила, в избу зашла, смотрю, стоят все трое в углу, носом в стенку уткнулись, лиц не видно, а руки-ноги все в свежих синяках да царапинах.

За столом сидят, ждут меня ужинать Алексей Иванович, Ольга с Николаем да старшие ребятишки, разговор ведут какой-то тихий, скучный.

— Что такое? — спрашиваю.— Что случилось?

— Пусть твои молочные телята расскажут.

— Расскажите! — подошла я к ним. Молчат. Тогда Алексей Иванович строгим голосом поясняет:

— Всю поленницу дров раскатали. Мы с тобой да с Валей складывали-складывали, чтобы аккуратно, ровненько да красиво было, а эти — раскатали.

— Зачем же так? — укорила я ребят.— Одни делают, другие портят. Нехорошо. Кто же теперь дрова соберет да сложит?

— Кто порушил, тот и сложит,— определил Алексей Иванович и черту подвел: — Наказание получили? Получили. В углу настоялись? Настоялись. Ужин испортили? Испортили. Ладно, выходите. Играть-то надо с умом.

Дня три помогал Валентин младшим складывать поленницу, делал это «по секрету», мы вроде бы и не замечали. В эти дни теплое,парное молоко им не полагалось. Не приводил Юра свою команду до тех пор, пока порядок не восстановили.

Чуть исправились — новое приключение. Набрали полное лукошко бомбошек с отцветшей картошки. Сначала ими друг друга обстреливали, потом взяли да в колодец и вывалили. Зачем? Посмотреть, объясняют, плавают они или нет. Тут уж вылавливать ведром пришлось Алексею Ивановичу. Ошибку исправил, но внушение сделал.

— Поняли? — спрашивает.

— Про колодец поняли, — отвечают.

Зато про мельницу еще не поняли.

Недалеко от нашего дома стояла ветряная мельница. Одно время работал на ней колхозным мельником Алексей Иванович. Ребята любили прибегать и смотреть, как зерно заправляют, как тяжелые жернова ходят, как тонкой дымчатой струйкой мука течет.

Как-то услышал Алексей Иванович, что посетители что-то подозрительно близко от мельницы возятся. А они, оказывается, захотели на крыльях покататься. Тележку подкатили, примеряются — не достают. Соображают, чего еще подставить. Ну, Алексей Иванович и подставил... Сразу, раз и навсегда поняли.

Так что были и шалости, и баловство — все было. Но все-таки ребятишки у нас росли хорошими. Больше радости приносили, чем огорчений.

Очень мы любили своих детей. Все нам с Алешей в их занятиях было интересно. Учеба, дела, разговоры. Да и им с нами было хорошо.

У меня так и стоит перед глазами, как в зимние вечера заберется с ребятами Алексей Иванович на печку и начнет им сказки рассказывать. В сказках мудрости много, да и Алеша мой, что нужно, присочинит: или заленившегося малыша устами сказочного богатыря подковырнет, или разбаловавшихся ребят припугнет, или того, кто бахвалится, пристыдит. Ну и, конечно, любил рассмешить. Тут такой звонкий смех да веселые восклицания неслись из этого «клуба» на печке, что самой смеяться хотелось!

А то соберутся в большой комнате у стола под висячей керосиновой лампой, просят:

— Мама! Книжку почитай.

Я все новые книжки в избе-читальне брала. В Гжатске, когда туда по делам ездила, тоже старалась книжки купить. Потом Зоя стала ребятам читать. Однажды в магазине увидела я «Приключения Тома Сойера». Привезла. За чтением собиралась вся семья. Алексей Иванович просил Зою все дальше и дальше читать. Чтение закончим, а я про свое детство, про Путиловское училище, завод, Петроград вспоминаю. Потом разговор на нынешний день перейдет.

> Сейчас иные матери и отцы на отсутствие времени жалуются, а расспрашивать станешь — поймешь, что они все свободное время у телевизора проводят. Детектив — смотрят, «А ну-ка, девушки!» — смотрят, «Алло, мы ищем таланты» — смотрят, «Сельский час» — смотрят, все подряд смотрят. А чем ребята заняты, какие у них интересы, с кем дружат — не знают. Да еще скажут: школа воспитывать обязана. Школа-то обязана, но кто и когда с нас, родителей, эту ответственность снял?

Да ведь за разговором обычно дела делаешь, не с праздными руками сидишь. Алексей Иванович зимними вечерами обычно починкой обуви, валенок, а то еще какой негромкой работой занимался. Я сижу — шью.

Постепенно вводили мы ребятишек во взрослую жизнь. Но дети есть дети, им и поиграть надо. Мы это чувствовали. Несмотря на то что мужских дел всегда было по дому много, Алексей Иванович не забывал о ребячьих забавах.

Лыжи он мастерил сам. С ними, случалось, дольше возился, чем с необходимой по хозяйству вещью. Выстругать их надо было тщательно. Желобок посредине выправить, просмолить. Мастерит, а ребята вокруг соберутся, гадают: кому лыжи? Конечно, Алексей Иванович понимает, что раздор вносить нельзя, первые лыжи чуть не доделает, вторые уж строгает. Потом обе пары вместе заканчивает.

Целый набор санок был у нас на дворе. Большие — хозяйственные, чтобы дрова из лесу возить, поменьше — ребятам с гор кататься.

К весне готовились загодя. Скворечники делали все мужчины нашей семьи. Всем дело находилось. Потом выставят их в ряд — любуются своей работой.

К школьным вечерам старшие готовились как к серьезному занятию. Стихи учили, песни. Скоро Юра стал участвовать в утренниках, хоть школьником еще и не был. Память на стихи у него была цепкая. Раз-два почитаешь ему — он уже все запомнил. Потом сам с выражением декламировал:

Села кошка на окошко,
Замурлыкала во сне.
Что тебе приснилось, кошка?
Расскажи скорее мне!
И сказала кошка: «Тише,
Ну-ка, тише говори.
Мне во сне приснились мыши,
Не одна, а целых три».

Юра еще малышом стал ходить вместе с Зоей в класс. В деревенской школе правила помягче, да и учительница Анастасия Степановна Царькова нашу семью хорошо знала, потому и разрешала Юре находиться в классе. Даже иногда его вызывала, просила стихотворение прочесть. А сколько потом радости было: он — настоящий ученик!

Одно стихотворение было тогда очень популярным:

Климу Ворошилову письмо я написал:
«Товарищ Ворошилов, народный комиссар!
В Красную Армию в нынешний год,
В Красную Армию брат мой идет!
Слышал я — фашисты затеяли войну,
Хотят они ограбить Советскую страну...»

А последние слова были заверением, что, если с братом что-нибудь случится, «я встану вместо брата с винтовкой на посту». Юра очень любил читать его.

В 1940 году Юру даже послали с группой клушинских школьников на смотр художественной самодеятельности в Гжатск. Уехали они на два дня. Сколько впечатлений у него было от этой поездки-праздника! И дорога на лошадях до города, и ночевка в Доме учителя, и большой торжественный концерт в Доме пионеров. Сопровождала Юру его главная наставница Зоя. Больше всего поразили его автомобили — «полуторки» и «эмки», которые он увидел впервые.

Петр Алексеевич Филиппов, директор школы, который возил ребят на смотр, сказал, что Юра стихотворение читал очень хорошо, не смущался.

Семья наша была дружная. Каждый думал сначала о ближних, потом уж о себе. Мне кажется, что не нужно бояться ласковости. У иных бывает, что и люди неплохие, добрые, но вот манера обращения друг к другу грубоватая. А ведь грубоватость может и в грубость перерасти, и в невыдержанность. Я старалась всегда приласкать ребятишек.

Так мы и жили. Конечно, были и огорчения. Как-то ребята забрались в колхозный сад. Очень я рассердилась, стала их отчитывать.

Валя буркнул:

— Так все же лазят.

Но тут вмешался отец:

— А ты не баран, чтобы как все поступать. Свою голову на плечах надо иметь. Ну-ка, марш в угол!

Не скажу, чтобы ребята совершенно прекратили набеги — обманывать не буду,— но все-таки поостерегались. Да и я стала построже следить, чтобы дотемна они не бегали на улице. Посмотришь, что сумерки спустились, никаких уж «чижиков», «ножичка» не разглядеть,— кликнешь в дом возвращаться: дела ждут!

Но Алексея Ивановича, чувствую, не устраивало такое наблюдение. Он иной раз ворчал:

— Разве веревкой привяжешь? От дурного не отворотишь, если оно соблазняет.

Я тоже так считала, но придумать ничего другого не могла, даже как-то возразила:

— Что ты паникуешь, Алеша, все ребятишки по садам лазают, им это вроде игра.

Как-то, когда ребятишки размечтались о будущих подвигах («Буду Чкаловым! Буду Стахановым!»), Алексей Иванович рассмеялся:

— Да не будешь ты Чкаловым! И ты Стахановым не станешь!

Валентин первым возражать бросился:

— Даже в песне поется: «У нас героем становится любой».

А он продолжает:

— Правило такое есть: представить себя на месте героя. Можете?

Загалдели:
— Можем!
— Можем!

Алексей Иванович тишины подождал, дальше рассуждает:

— А теперь героя надо на ваше место поставить. Я как представлю, что Валерий Павлович в чужой сад крадется, оглядывается, потом, трусливо озираясь, убегает, может, даже по земле ползет...

Да так искренне рассмеялся, что и ребята улыбки не могли сдержать, сначала сконфуженно заулыбались, а потом расхохотались, комичность картины представили.

Отсмеялись, я заговорила. Как, похоронив отца, приехали мы с мамой в лес за напиленными бревнами, глядим, а вместо заготовленного леса один мусор остался. Стащили. Все, что мы на сруб приготовили, все, что вдвоем — женщина да пятнадцатилетняя девочка — всю зиму пилили. Стояли мы у затоптанной поляны и плакали, отца-мужа лишились, дома лишились. У вора совести нет.

— Мама! — Юра подошел ко мне, головой в плечо, как бычок, уперся. — Мама!

Вижу, стыдно стало. Проняло.

К сорок первому году на селе оставались из Гагариных двое братьев: старший — Павел Иванович, который был ветеринаром в нашем колхозе, да мой Алексей Иванович. Савелий Иванович с семьей перебрался в Москву, стал работать на заводе имени Войкова. Николай Иванович тоже стал москвичом. Их сестра Прасковья Ивановна переехала со всем семейством в Подмосковье. Мои сестры тоже уехали со Смоленщины.

Но дружба сохранялась. Часто приходили письма. Да и у нас вошло в привычку — писать близким обо всем, что происходит.

Моя подруга Лена Лунова продолжала учительствовать в воробьевской школе, работала с увлечением, ее знал весь район. В 1939 году ее послали в Москву на Всесоюзное совещание учителей. Медаль «За трудовое отличие» вручал ей Михаил Иванович Калинин. Как-то после совещания пришла она ко мне, говорит:

— Не могу не рассказать. Надежда Константиновна Крупская посылки нашей школе прислала.

Мы удивились, а Елена Федоровна объяснила, что она на совещании выступила, поделилась заботами, сказала, что педагогической литературы не хватает, приходится работать на энтузиазме. В перерыве Надежда Константиновна попросила Елену Федоровну подробнее рассказать, все записала. И прислала библиотечку для педагогов, тринадцать портфельчиков с набором учебников для первоклассников, книги для ребят.

Ждали окончания 1940/41 учебного года. Готовились к вечеру в честь первого выпуска школы. Зоя радовала: в свидетельстве об окончании семилетки стояли сплошные «отлично». Получила она его в субботу, двадцать первого июня 1941 года. Строили планы, куда она пойдет учиться дальше.

Война

Тот воскресный день июня сорок первого ворвался в нашу жизнь, как в жизнь всех советских семей, неожиданно.

Алексей Иванович по колхозным делам был с утра в сельсовете, оттуда пришел почерневшим: война!

Уже в первые дни отправились на фронт наши деревенские парни. Первыми ушли комбайнеры, трактористы, шоферы. Вскоре каждая семья стала семьей фронтовика. Ушел добровольцем на фронт мой младший брат Николай, были мобилизованы муж младшей сестры Ольги, муж Марии, братья Алексея Ивановича. Сам Алексей не мог вступить в ряды Красной Армии: еще с младенчества одна нога у него была короче другой. В мирной жизни это не особенно замечалось — Алексей Иванович мастерил себе сам специальную обувь, так что хромота не бросалась в глаза. Но ощущать он ее всегда ощущал: на здоровую ногу падала двойная нагрузка, и Алеша к

концу дня уставал сильно. Замечала это только я по особенной тяжести походки, но жаловаться было не в его характере.

То обстоятельство, что не может он стать красноармейцем, очень на Алексея Ивановича подействовало. Всю жизнь он жил и работал, как все. А тут вдруг исключение. Он стал мрачным, угрюмым. В первые дни войны заболел тифом.

Пролежал Алексей Иванович в больнице около двух месяцев, вернулся похудевшим до изможденния.

После первоначальной растерянности пришла особенная собранность. Нам, колхозникам (а точнее, колхозницам), нужно было кормить армию. Враг захватил Прибалтику, Украину, Белоруссию.

В то время я работала свинаркой. С фермы ушли на фронт все мужчины. Мы, женщины, работу поделили между собой. Свиноферма у нас в колхозе была знатная, а молодняка в том сорок первом было много. Нужно было сохранить поголовье, выполнить задание по поставкам мяса. Выполнили.

Наступил сентябрь. Старшие мои отучились. Теперь об образовании Зои и речи не шло. Она работала в колхозе. Валентин остался на селе, не пошел в школу, не уехал в Москву на завод, как задумывали. В колхозе каждая пара рабочих рук была на вес золота. Военная пора, забравшая мужчин, требовала работы от подростков.

Но все-таки один школьник у нас был. Хоть тогда учиться ребята начинали с восьми лет, а Юре только шел восьмой, он, мечтавший о школе уже давно, 1 сентября 1941 года отправился в первый класс. Даже в тот военный сентябрь мы постарались все-таки отметить такой день. Я с утра пораньше побежала на ферму, а к восьми была уже дома. Провожали Юру братья, Зоя и я. Он шел гордый, в наглаженной матроске, с Зоиным портфелем, в котором лежал аккуратно обернутый в газету его первый учебник — букварь.

Война не давала о себе забыть ни на минуту. Дни и ночи шли через деревню беженцы. Люди рассказывали, как катится вал фашистских армий, как уничтожают они наши города, села, как бомбят мирных граждан. С запада в сторону Москвы пролетали немецкие бомбардировщики.

«От Советского Информбюро...» Вести были страшные. Пали Рига, Таллин, Вильнюс, Минск, фашисты обложили Одессу, двигались к Ленинграду, а потом в сводках замелькали и совсем близкие названия: Ельня, Смоленск.

В село пришли первые «похоронки»...

Слово «мобилизация» вошло в наш деревенский быт. Мы тоже считали себя мобилизованными, потому что работали для фронта.

Однажды мы услышали нарастающий шум мотора. Казалось, что самолет идет прямо на нашу ферму. Все свинарки выскочили во двор. Это был наш, советский самолет, ясно было, что с ним что-то случилось. Летел он так низко, что казалось: вот-вот врежется в землю. Но он все тянул в сторону от построек, а потом упал недалеко от нашей избы. Пришла домой — младших нет, сразу догадалась: побежали к самолету. А тут в небе показался еще один краснозвездный самолет, он сделал круг, другой и приземлился на сухом твердом пригорке.

Чуть спустя прибежал Юра. Глаза горят от возбуждения, хочет поскорее мне все рассказать, сбивается. Но я все-таки поняла. Первому летчику удалось выпрыгнуть из кабины над самой землей. Он даже не поранился. Ругался на гитлеровцев, кулаком им грозил. Подбежал летчик с другого самолета. Они расстегнули плоские кожаные сумки, а там карты. Юра пересказывал каждую мелочь, передавал каждое движение, все время повторял слово «летчик»: «Летчик спросил: «Как ваша деревня называется?» Летчик сказал: «Ну гады, ну фашисты — заплáтите!» Потом удивился: «Вы почему с портфелями?» И сказал: «Молодцы! Надо учиться!» Летчик расстегнул кожаную куртку, а на гимнастерке у него — орден. Летчики — герои. Они сражались в Испании. А орден называется — Боевого Красного Знамени. А еще он мне дал подержать кожаную сумку. Она планшеткой зовется. Мама! Вырасту — тоже буду летчиком!»

— Будешь, будешь! — говорила я ему, а тем временем поставила в кошелку крынку молока и положила хлеб.

— Отнеси им, сынок! Да пригласи в дом.

Но летчики не покинули машины. Дотемна не возвращались и ребятишки. Только поздно ночью пришли они домой. Юра все повторял фамилию, которую назвал ему первый летчик.

После космического полета Юрий получил письмо из города Горького. Бывший военный летчик Ларцев писал, что он хорошо помнит тяжелый воздушный бой в сентябре 1941 года, вынужденную посадку у смоленского села, помнит и группу ребятишек, которые рассматривали боевую машину, а потом принесли поесть. И еще он писал: ему кажется, что он припоминает мальчишку, который все повторял: «Я буду летчиком, дядя!» Мог ли он, пилот военных лет, предположить, что на деревенском лугу в тяжелом сорок первом повстречался с будущим первым космонавтом Земли?

Ларцев писал, что болеет — дают о себе знать раны войны.

В ту сентябрьскую ночь летчики остались у боевых машин. Утром мы услышали рев взлетевшего с пригорка самолета, увидели, как на болоте горит первый истребитель. На втором летчики улетели воевать дальше. Позаботились, чтобы ничего из оставшегося самолета не досталось наступавшему врагу.

Фронт приближался. Однажды, как по тревоге, в школу собрали молодежь, военный из Гжатска сказал, что фашисты забрасывают на нашу землю десантников. Их надо выявлять. Предложил создать из молодежи, комсомольцев оперативные группы по пять-шесть человек, которые должны патрулировать по селу и ближайшим окрестностям.

На эти ночные дежурства из нашей семьи ходили Зоя и Валентин. В первый вечер навострились пойти с ними и младшие. Но Алексей Иванович прикрикнул:

— Не шуточное дело!

Юра пытался возразить:

— А Зоя?

— Зоя комсомольское поручение выполняет! Зоя большая.

Пока ходили они дозором, я все прислушивалась: не будет ли где стрельбы, судьбу молила, чтобы все обошлось. В школе с первого октября прекратились занятия. Погас последний огонек мирной жизни.

Пала Вязьма. Через село ехали колонны грузовиков — везли раненых. Шли наши войска. Красноармейцы

были усталые, измученные. Мы смотрели на них и плакали, а они головы не поднимали.

В колхозе заговорили, что всем надо эвакуироваться. Увязали мы на телегу самое необходимое. Брат Алексея Ивановича Павел погнал на восток колхозное стадо, а я с другими свинарками — свиней. Но уйти далеко нам со свинарками не удалось. В нескольких километрах от Клушина повстречались нам красноармейцы:

— Куда?

— Отступаем! — говорим.

— Впереди — немцы! — предупредили они.— Возвращайтесь.

Мы повернули назад. Свиней раздали по дворам.

Мы вовсе растерялись. Еще не осознавали, что остались «под немцем», но ужас, растерянность уже охватили. Прибежала соседка, была в правлении, там сказали: «Все. Конец. Гитлеровцы вокруг».

Распаковали мы воз. Документы стали разглядывать. Надо было запрятать их подальше. Алексей Иванович собрал все, пошел на скотный двор, заложил за стреху.

Принесли мне номер «Правды» от 7 апреля 1943 года. Развернула я пожелтевшие листы. Во всю первую страницу: «Сообщение Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР».

«О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в гг. Вязьме, Гжатске и Сычевке Смоленской области и в гор. Ржеве Калининской области.

Поставив своей целью уничтожить Советское государство, лишить советских людей крова и национальной культуры и превратить их в немецких рабов, германское военное командование приказало своим воинским частям беспощадно расправляться не только с военнопленными, но и с мирным населением сел и городов Советского Союза».

В газете только перечисления, но прочтите их!

«23 февраля 1943 г. немецко-фашистские изверги согнали в дом № 57 по Набережной улице больных

тифом жителей Сычевки, якобы для оказания медицинской помощи, заперли их там и дом подожгли».

«Фашистские власти заподозрили жителей деревни Корбутовки в связи с партизанами и сожгли деревню дотла. Колхознице Барановой, протестовавшей против такого разорения, немцы разрезали живот, изрезали лицо ножом, а детям ее выломали руки и проломили черепа».

«При отступлении немцев из деревни Драчево Гжатского района в марте 1943 г. помощник начальника немецкой полевой жандармерии лейтенант Бос согнал в дом колхозницы Чистяковой жителей из деревень Драчево, Злобино, Астахово, Мишино, закрыл двери и поджег дом, в котором сгорели все. Среди них были старики, женщины, дети: Платонов М. П. 63 лет, Платонова П. Л. 59 лет, Платонов Василий 35 лет и его дети Вячеслав 5 лет, Александр 3 лет...» Много имен в этом списке.

«В доме обнаружена замученная немецкими солдатами семья Садова: отец и мать расстреляны, дочь Рая 12 лет заколота штыком, сын Валентин 15 лет убит выстрелом в правый глаз, дочь Зина 18 лет изнасилована и задушена, дочь Катя 5 месяцев застрелена в висок».

«2 марта 1943 г. угнали в Германию двух дочерей гражданина гор. Вязьмы Виноградова — Веру 20 лет и Надежду 16 лет. В ответ на просьбу Виноградова пощадить его дочерей и не угонять их фашисты сожгли его дом».

«В Сычевском районе из 248 деревень немецкие оккупанты сожгли дотла 137 деревень».

Сейчас читать-то страшно, а каково нам было пережить это?

Память вернула те дни, когда фашисты пришли на нашу землю, вошли в наше село. Пушки грохотали где-то совсем рядом. Мы с Алексеем Ивановичем собрали всех ребятишек в одной комнате — опасались, как бы не выскочили, не угодили под шальную пулю, осколок.

Наступил вечер. А наутро в село вошли солдаты в серо-зеленых шинелях. Они врывались в дома, везде шарили, кричали:

— Где партизаны?

Партизан не находили, а вот вещи утаскивали, хватали кур, гусей, еду. Через три-четыре часа в доме не осталось ничего. Последний каравай я спрятала для ребятишек, но высокий белоглазый немец по запаху нашел его на печке.

Вдруг раздались выстрелы из недалекого Жуковского леса, что в трех километрах от Клушина. Хотелось верить, что наши вернулись. Но это приняли бой советские солдаты, попавшие в окружение. Немцы повернули в лес танки. Даже когда отзвучал последний красноармейский выстрел, фашисты остерегались подойти к лесу. Под грудой тел мы обнаружили смертельно раненного комиссара, глаза у него были выжжены, он едва дышал, все повторял:

— Погибаю, но не сдаюсь!

Наших бойцов было всего человек пятнадцать. Они погибли, но не сдались.

Фронт перекатился через нас. Артиллерийская канонада гремела рядом. Мы слушали, надеялись, что нас освободят. Но проходили дни, Красная Армия не возвращалась.

В один из первых дней оккупации вбежал в дом Юра:

— Пожар! Школа горит!

Алексей Иванович схватил ведра, вилы, только выбежал из дома, как в центре села послышались автоматные очереди. Стало ясно: гитлеровцы подожгли школу, теперь не подпускают жителей тушить огонь.

Алексей Иванович вернулся в избу, сел на лавку, в тишине звякнула дужка ведра.

Ночью в избе слышались детские всхлипывания. Что сказать? Как успокоить?

Мы старались узнать, как обстоят дела на фронте, уловить малейший луч надежды. Газет, естественно, не было, радио молчало. Вот в сторону Германии пролетели эскадрильи наших самолетов — значит, есть силы у нашей армии! Вот повезли от Гжатска на запад раненых и обмороженных фашистов — значит, идут бои.

Живший в нашем доме немец по имени Пауль стал спешно собираться. Перед самым уходом подошел к нам:

— Москва. Русская победа. Нам — капут. В Германии у меня трое киндер.

На другой день советский самолет разбросал листовки с вестью о разгроме немцев под Москвой.

Но наши надежды еще не осуществились. Мы оставались «под немцем» долгих полтора года: с 12 октября 1941-го по 6 марта 1943 года. Каждый из этих дней оставил тяжелую отметину на сердце.

Фронт был рядом, в нескольких километрах от Клушина, но мы были где-то за чертой нормальной жизни.

Советские люди нынешних мирных дней, которые родились после победного сорок пятого, конечно, много читали, много знают о войне, о героизме воинов, отстоявших независимость Родины, о том, как самоотверженно трудились рабочие и крестьяне для фронта, во имя победы, о бессонных ночах у станков, о труде на полях. Знают много. Но невозможно полно представить весь ужас вражеского нашествия, то время, когда мы находились во власти жестокого, бесчеловечного врага, когда каждый день речь шла о жизни и смерти.

Едва наступило лето сорок второго, прибывшие на постой гитлеровцы повыгоняли население из домов.

Алексей Иванович вырыл на огороде землянку. Она была глубокая, крыша в три наката. Вскоре пошли дожди, вода заливала пол, доходила до нар.

Сначала мы старались откачивать воду, выстраивались цепочкой и вычерпывали по сто ведер воды. Но вода не уходила. Тогда Алексей Иванович сказал: выроем другую. Вторая землянка спасала нас все дальнейшее время оккупации. Алексей Иванович рыл, приговаривал:

— Фашист нас уничтожить хочет, не поддадимся.

Фронт был все еще близко. Канонада грохотала, то отдаляясь, то приближаясь. К нам в землянку перебралась из соседнего дома Анна Григорьевна Сидорова.

— В тесноте, да не в обиде! — ответил Алексей Иванович на ее просьбу.

Потом пришла из недалекой деревни Пальки моя тетя Лена с внуком Геной. Юра нашел где-то «лимонку», а Генка вздумал ее отнять. Мальчишки подрались. Стоявшие у нас в избе фашисты, как увидели, из-за чего дерутся ребята,— врассыпную. А потом их командир вызвал Алексея Ивановича.

— Старуха и киндер — вон! Вон! Шнель! Шнель!

Я заплакала, стала ругать Юру, тетя Лена старалась успокоить меня.

— Мы пойдем к Шахматово.

До родных они не дошли...

Гитлеровцы, узнав от кого-то, что Алексей Иванович работал мельником, приказали наладить помол. Алексей Иванович придумал какую-то неисправность. На другой день его вызвали к коменданту. Он вернулся через час. Я была на огороде, собирала остатки картошки. Алексей Иванович подошел, встал рядом. Глянула я на него и не узнала. Непохожее какое-то лицо, глаза потухшие.

— Алешенька? Что? Что они наделали с тобой?

Он даже не сразу ответил. Видела я—с силами собирается.

— Нюра! Меня... меня пороли.

— Больно?—спрашиваю.

Он головой из стороны в сторону покрутил, а ответить не может, в горле клекот, как крик.

Однажды вернулся он в землянку, быстро разделся, лег на нары.

— Если что: я со вчерашнего дня занемог. Ребятам скажи,— предупредил он.

А следом в землянку ребятишки прибежали:

— Мельница горит! Пожар!

Я их предупредила, подождала, когда убегут,—и к Алеше:

— Чего ты наделал?!

— Нюра! Она от искры загорелась. Ты не беспокойся. От искры. Ни меня, ни моториста ни одна живая душа не видела. Стог соломы от искры загорелся, огонь на мельницу перекинулся... Иначе я не мог.

Жить или умереть. Нет, не только об этом шла речь. В дни, когда гадали, как раздобыть кусок хлеба, миску ржи, чугунок картошки, мы не имели права думать только о том, как бы выжить. У нас были дети, мы беспокоились, какими они останутся после оккупации—не сломятся ли, не станут ли трусоватыми, забитыми. Конечно, сейчас та забота складывается в четкие слова. Тогда было труднее. Было ощущение, что ты должен что-то сделать еще, кроме того, чтобы остаться в живых, чтобы сохранить детишек. Однажды я поделилась с мужем этими мыслями. Он помолчал. А когда в землянке к вечеру собралась вся семья, он заметил:

— Помнишь, Нюра, как ты мне о своем житье в Петербурге рассказывала, о борьбе рабочих, о Сергее?

Я, конечно, сразу же поняла, что́ он задумал, вот и ответила:

— Хорошо те дни припоминаю. Уж как тяжело было, а люди не сдавались, не разрешали капиталистам свое человеческое достоинство топтать, не продавались за кусок хлеба. Много было забастовок на Путиловском, хозяева тогда объявили: кто придет работать — денег получит больше обычного. Зря рассчитывали: предателей не оказалось. Семьи страдали, маленькие ребятишки от голода плакали. Сережа нам тогда говорил, что нужно объединяться, надо бороться.

Разговаривали мы с Алешей негромко, между собой. Я стояла у печки, спиной к нарам, к столику, где сидели дети, но, даже не видя, ощущала, как они замерли, прислушиваясь к нашей беседе. Пусть слушают, пусть знают, пусть выводы делают!

В первые дни по приходе немцев Алексей Иванович вынул из своего валенка подкладку, которая делала его походку ровной, ходил, сильно припадая на левую ногу, кособочился весь: хромого-то немцы авось на работу не пошлют.

Уже после освобождения Юра да Борис поделились, что они вместе с другими ребятами старались вредить гитлеровцам: разбрасывали по дорогам старые гвозди, битые бутылки, в выхлопные трубы машин заталкивали камни, куски глины.

Теперь в Клушине стояла эсэсовская часть. Наш дом занял фашист Альберт. Он заряжал аккумуляторы для автомашин. На досуге любил развлекаться. То на глазах у голодных ребят скармливал собаке консервы, то начинал стрелять по кошкам, то принимался рубить деревья в саду.

Детей наших он ненавидел. Однажды Юра ворвался в землянку с воплем:

— Альберт Бориску повесил!

Я кинулась наверх. На дереве, подвешенный за шарф, висел мой младшенький. А рядом, уперев руки в бока, закатывался от смеха фашист. Я подлетела к яблоне, подхватила Бореньку на руки. Ну, думаю, если Альберт проклятый воспрепятствует, лопатой зарублю! Пусть потом будет, что будет. Не знаю, какое у меня лицо было, только Альберт глянул на меня, повернулся, в дом зашагал — сделал вид, что его кто-то окликнул. А я мигом в землянку.

Раздели мы с Юрой Бореньку, уложили на нары, стали растирать: смотрим — порозовел, глаза приоткрыл. Когда он в себя пришел, я увидела, что с Юрой творится неладное. Стоит, кулачки сжал, глаза прищурил. Я испугалась. Подошла, на коленки к себе сына посадила, по голове глажу, успокаиваю:

— Он же нарочно делает, чтобы над тобой тоже поиздеваться, чтобы за пустяк убить. Нет, Юра, мы ему такую радость не доставим!

Думала, убедила сыночка. Прошло несколько дней, слышу, Альберт с мотоциклом своим возится, завести не может. Вышла из землянки, наблюдаю издалека. А уж когда он из выхлопной трубы мусор какой-то выковырял, сразу же поняла. Альберт ругнулся, к нам зашагал. Я к нему навстречу пошла, он мне на ломаном русском и говорит:

— Передай твой щенок, чтобы мне на глаза не попадаться.

На большее не решился. Фронт тогда уже дрогнул, артиллерийская канонада не умолкала. Всем было ясно: немцам здесь долго не продержаться.

Несколько дней Юра не ночевал в землянке — устроила я его у соседей, подальше от ненавистного Альберта. Когда Юра вернулся, я все наказывала ему:

— Не подходи ты к немцам. Держись подальше! Да и за братом следи.

А тут со мной самой чуть не произошла беда. Пошли мы накосить травы. Покос выбрали подальше, старались фашистам на глаза не попасться. Но разве рассчитаешь? Смотрим, едет на повозке немец. Приблизился, сошел, поинтересовался, для чего косим, косу зачем-то взял. Тут его конь потянулся ко ржи, что рядом росла. Я по крестьянской привычке хотела отогнать коня, махнула на него рукой. Немец что-то выкрикнул, да как взмахнет косой! Как я успела отпрянуть — не знаю. Фашист загоготал, мой испуг его развеселил. Отсмеялся, на повозку сел, дальше поехал. Я косить не в силах. Руки-ноги дрожат.

Клушино наше, как я говорила, было прифронтовым. Войск немецких стояло немало. Село часто подвергалось обстрелу нашей артиллерии, налетам советской авиации. Мы сидели в землянке, считали бомбовые удары, артил-

лерийские залпы, но воспринимали их как привет Родины.

Припоминаю: в конце лета это было, пошла я со старшими детьми на соседний луг накосить травы. Вдруг послышался гул самолетов. Глядим — наши летят. Складно так, враз разворачиваются и пикируют на село. Прикинули: метят в немецкий склад. Фашисты ответный огонь открыли, подбили один бомбардировщик, огонь на нем вспыхнул, он летит низко, над крышами. Весь в огне, как большой костер, а сам стреляет и стреляет, развернулся и опять вдоль улицы летит. Там фашистской техники, войск полно было. Валентин вскочил, руками размахивает, кричит:

— Так их! Бей гадов!

А я думаю: как там Юра с Бориской, небось из землянки выскочили, бой наблюдают?

Раздался страшный взрыв — самолет врезался в самую гущу немецкой техники на деревенской площади. Мы побежали к селу. Ребята встретили нас у крайних изб, перебивая друг друга, захлебываясь, о бое рассказали. Как я и предполагала, они с первыми взрывами на улицу выбрались, залегли на огороде. Я их ругать стала, говорю, что убить их могло, ранить, а они мне в ответ:

— Так это же наши самолеты были. Они своих убить не могут...

Валентин к вечеру принес кусок конины — лошадей погибло так много, что немцы не в силах были туши ни вывозить, ни охранять.

Я старалась спрятать под крылышко младших, непокорных и непослушных. А беда пришла с другой стороны.

18 февраля 1943 года поутру раздался стук прикладом в дверь нашей землянки. Я открыла. Гитлеровец, остановившись на пороге, обвел вокруг взглядом, глаза его задержались на Валентине:

— Одевайся! Выходи!

Я попыталась протестовать, но он замахнулся на меня автоматом:

— Шнель, шнель! Быстрее! Германия ждет!

Автоматчики согнали на площадь молодых парней, построили, окружили и повели. Угоняли в неизвестность, в неволю.

Как разрывалось мое сердце!

Считали денечки: где же, где наши? Немцы отходили. Вот уже из домов съехали. Мы вошли в избу. Грязь, погром. Стали с Зоей мыть, вражеский дух вымывать. По селу новые слухи: собираются угонять девушек. Зоя моет пол, плачет:

— Может,—говорит,—последний раз дом в порядок привожу.

Успокаиваю, что ее не возьмут, больно маленькая. Хочу верить своим словам, и не верю.

Действительно, через пять дней после угона Валентина снова стук в дверь. Фашист внимательно всех оглядел, в Зоину сторону пальцем ткнул:

— Девошка! На плошат! Одевайся.

Я к нему:

— Посмотрите, она же маленькая. Толк какой с нее? Оставьте!

Фашист даже не глянул на меня, через мою голову Зое говорит:

— Ждать не буду! Ну!..

Зоя платок повязала, шубейку старенькую натянула, сунула ноги в валенки. Я на колени хотела перед фашистом броситься, она ко мне кинулась, не дает:

— Мамочка! Не надо! Мамочка! Не поможет! Мамочка! Не унижайся!

К мальчишкам, отцу обернулась:

— Берегите маму! Маму берегите! — глаза у нее сухие, не плачет, только дрожит вся: — Прощайте!

Выбежала я вслед за ней — гляжу: из всех домов девушек и совсем молоденьких девчонок выгоняют.

Шла я за колонной наших девушек до околицы. А там на нас, матерей, фашисты автоматы направили, не пустили дальше. Стояла я, глядела вслед удалявшейся колонне.

Не помню, как домой добрела. Сына забрали — было тяжело, а дочку увели — стало вовсе нестерпимо. Какие только мысли в голове не бились! Пятнадцатилетняя девочка, да в неволе, на тяжелейшей работе, в полной власти фашистов, у которых человеческих понятий-то нету совсем...

До освобождения оставалось всего несколько дней, нарастал гул боев. Через деревню потянулись отступавшие части гитлеровцев. Теперь это были уже не те на-

хальные мерзавцы, которые полтора года назад входили в село. Укутанные в обрывки одеял, тряпье, в грязных повязках, с обмороженными лицами. Но мы-то знали, что они еще на многие мерзости способны.

Я видела, что Алексей Иванович теперь старается почаще быть на улице, у дороги. Он наблюдал за всеми передвижениями фашистов. Под вечер обычно засыпал недолгим сном, а потом, как на дежурство, опять выходил. Как-то вернулся с тремя советскими автоматчиками — встретил их Алексей Иванович на мясоедовской дороге. Ребятишки лежали тихо на нарах, но я почувствовала: проснулись, наблюдают.

Вынула я из печи приготовленный на утро котелок с картошкой, разлила по кружкам горячую воду, на травах настоянную.

Разведчики стали расспрашивать о расположении немецких батарей, огневых точек, о сосредоточении фашистов. Алексей Иванович точно да толково все рассказал. Не зря, значит, он часами ходил да все высматривал! Солдаты наши на карте отмечали. Я глядела на бойцов и наглядеться не могла: ладные, здоровые, полушубки у них справные, валенки аккуратные. А лица-то родные, милые!

Засиживаться бойцам было некогда. Уходя, сказали:

— Ждите. Скоро будем.

Поутру Юра спросил у отца, кто приходил. Алексей Иванович глянул на него с хитринкой, сказал: «Да это сон тебе приснился». Юра спрашивать больше не стал, но видела я: все понял.

В одну из первых ночей марта я услышала, как Алексей Иванович осторожно сполз с нар, стараясь не скрипнуть дверью, вышел из землянки. Отсутствовал долго. Возвратился, увидел, что я не сплю, — тихо, едва губы разжимая, сказал:

— Последние немцы ушли. Дорогу заминировали. Если со мной что случится — запомни: мины напротив нашего дома, да у дома Беловых и еще около сушкинского дома. Запомни, Нюра, и предупреди наших.

Сам погрелся немного и опять пошел на свое добровольное дежурство. Утром я разыскала в хозяйстве две дощечки, вывела на каждой крупно: «Мины». Эти знаки Алексей Иванович укрепил в начале и конце заминированного участка.

Освобождение

Как-то зашел у нас разговор с Павлом Романовичем Поповичем о самом радостном, самом памятном дне. Он признался:

— Много разных событий было. И все-таки однажды я обрадовался... резкому слову. Было это зимой 1944 года. Несколько дней на востоке слышалась канонада, там шли бои, наши войска наступали. Ночью немцы, которые жили в нашем доме, стали спешно собираться, побросали вещи в машину и уехали. Я надел полушубок, вышел, спрятался в тени от хаты. И вдруг издалека послышался топот. По селу скакал всадник. Как узнать: фашист, наш? Мне боязно было спрашивать. Ведь если немец — мог ответить автоматной очередью. Все-таки решился, крикнул: «Дядя, ты чей?» Всадник от неожиданности аж поводья натянул, чертыхнулся. «Я-то свой! А вот ты чей?» Я бросился домой, кричу: «Ура-а-а! Наши пришли! Мама! По-нашему заругался! Ура-а-а! Свобода!»

Вскоре в наше село вошли части родной Красной Армии. Какой это был праздник! Все, кто остался жив, вышли на улицу, кричали «ура», звали красноармейцев в избы. А какие у них веселые были глаза! Удача красит людей, успех придает силы.

Мы смотрели, узнавая и не узнавая наших бойцов. Они отличались от войск, что прежде покидали с боями свои родные земли, и четкостью рядов, и особенным выражением лиц, и даже формой.

Командир части, которая вступила в наше село, сразу же разыскал Алексея Ивановича, сказал, что благодарит его от имени бойцов и командиров за точные сведения, за предупреждение о минах. При всех обнял и расцеловал. Ребятишки очень гордились отцом. Юра даже спросил:

— Мама! Полковник расцеловал папу, как солдата, правда? Ты слышала, как он сказал: «Благодарю за службу!», слышала?

Еще грохотали близкие бои, а в селе возрождалась наша, советская жизнь. Пора было думать об урожае. Командир части, расположившейся в нашем селе, распорядился, чтобы саперы осмотрели поля, очистили их от мин, неразорвавшихся снарядов. Собрались мы, посчитали свои силы... Грустные это были смотрины: мужики на фронте, молодых парней и девушек фашисты угнали в Германию. Но что делать: трудиться надо. От хлебороба жизнь зависит.

Вечером мы читали «Правду». Ее оставили нам вступившие в Клушино пехотинцы. В ней была напечатана фотография — митинг в Гжатске, заметка об освобождении города. У жителей лица радостные, все улыбаются, а в центре полковник читает приказ Верховного Главнокомандующего. Были и другие материалы о нашем районе. Мы эту газету читали от строчки до строчки, начиная с названия. Начал читать Алексей Иванович:

— «Правда». Издается с 1912 года. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Прочел, а у меня прямо-таки дух захватило, слезы на глазах! Еще несколько дней назад мы такие слова не смели произнести. Под угрозой казни.

9 марта, в Юрин день рождения, был ему сделан самый желанный подарок: возобновились занятия в школе.

Накануне учительница Ксения Герасимовна Филиппова обошла все деревенские дома, извещала, чтобы назавтра к 9 часам все собрались в доме Веры Дмитриевны Клюквиной — там будет школа. Изба у Веры Дмитриевны была большая, а она осталась одна, вот и попросила Ксения Герасимовна разместить классы у нее. Школу-то нашу, которой колхоз до войны гордился, немцы сожгли. Вера Дмитриевна охотно согласилась, избу всю почистила и полы помыла, у соседей лавки заняла, старалась как можно лучше все устроить.

Я разыскала на чердаке Юрин портфельчик. А положить в него было нечего: букварь и другие учебники пошли у гитлеровцев на растопку, ни одной тетради не осталось. Но ученик есть ученик, должен быть с портфелем. Проводили мы Юру на уроки с пустой сумкой.

Вернулся он возбужденный, стал делиться впечатлениями. Учебников в классе не было, но командир полка передал Ксении Герасимовне «Боевой устав пехоты». По нему-то и овладевали грамотой. В одной комнате располагалось по два класса: сначала первый и третий. Заканчивались у них занятия — начинали учиться второй и четвертый. Ксения Герасимовна сразу же дала задание набрать гильз, чтобы по ним учиться счету, поискать в домах бумагу.

Многого школе не хватало. Даже так скажу: ничего не было. А учила Ксения Герасимовна ребят хорошо. Да и воспитывала по-настоящему. В школе (в доме Клюквиной) даже самодеятельность была. Участвовал Юра в хоре, поначалу пели ребятишки довоенные песни, а потом стали услышанные по радио разучивать. Поставили спектакль «Встреча с Героем Советского Союза». Я ходила на этот утренник. Показывали, как в освобожденное от фашистов село возвращается раненый летчик, Герой Советского Союза. Его встречают родные, односельчане. Он расспрашивает, как они жили, рассказывает о боях, в которых отличился. Тут по радио сообщается: «Победа!» Все кричат: «Ура!» И мы, зрители, тоже закричали: «Ура!»

Помню, Юра учил стихотворение (автора его я не знаю), декламировал его с большим чувством. Оно и мне запомнилось:

Юноша прямо стоит на допросе,
Молча стоит он — ни слова в ответ.
Немец-жандарм закурил папиросу
И достает комсомольский билет.

— Вот и билет твой, я предлагаю:
Ты откажись, отрекись от него.
Жизнь сохранить я тебе обещаю.
Жизнь, что на свете дороже всего.

Что в нем хорошего?
Книжка — не боле,
Книжку сожги —
И допросу конец.

— Нет, не сожгу,—
Отвечал комсомолец,—
Пусть лучше сердце
Сожжет мне свинец.

Потом в стихотворении говорилось, что комсомольца казнили, облив его водой, он заледенел, но не сдался:

Так и стоял,
Измываясь на катом.
Долго по телу
Струилась вода...

Так и остался
Стоять он у хаты,
Точно был вылеплен
Весь изо льда.

Но не водой ледяною облитый
И не покрытый корой ледяной,
Вылит из бронзы и солнцем залитый,
Будет он вечно стоять над Землей!

Это стихотворение Юра читал не раз. Уже потом, когда мы переехали в Гжатск, он его декламировал на школьном вечере. Читал его как клятву, как солдат присягу произносит.

Юра сразу учиться стал старательно. Он понимал: учительнице нелегко приходится одной обучать ребят четырех классов, да еще нет учебников, школьных пособий. Юра всегда был добрым, отзывчивым. Вот он и стремился не расстраивать учительницу и мне поменьше доставлять беспокойства. Ведь в семье у нас жила тревога за судьбу Валентина и Зои. Каждый из нас сдерживал себя. Алексей Иванович, Юра, Борис старались не говорить о горе. Да и я дома держалась. Только по дороге на ферму, в поле, когда вокруг никого не было, давала волю слезам.

Алексей Иванович сразу же по освобождении попросился на военную службу. Поначалу ему отказали: невоеннообязанный. Но он ходил к командирам, настаивал, добился, чтобы его взяли вначале на охрану бункеров, а потом перевели охранять военный госпиталь в Гжатске. Сказали: заодно, мол, полечитесь. У него к этому времени очень язва обострилась. Но болезнь это невоенная, он к врачам не обращался, перемогался. До того дошло, что зимой сорок четвертого он сознание на посту потерял.

Радость освобождения переплеталась с горестями. Не было большей беды, чем утраты. Тревога от незнания судьбы угнанных детей была как рана.

В один из первых после освобождения дней написала я письма. Писарь из военной части дал мне несколько листков, показал, как делать почтовый треугольник. Послала я письма по старым адресам сестре Марии, в Москву братьям Алексея Ивановича — Николаю и Савелию Ивановичу. А Ольге куда писать, если Брянск еще у немцев?

В каждом письме о себе, детях писала, о нашем горе — угоне в плен Зои и Валентина; просила откликнуться и о других родных, коли известно, сообщить.

Только детям моим старшим некуда было писать. Где они? Живы ли? Что с ними?

Первая весть пришла о младшем брате моем Николае. Весть была черной: «похоронка». Он погиб в то время, когда мы были в оккупации, погиб, отвоевывая у врага родную землю. А вскоре пришла другая горестная весть от его семьи из села Затворова. Подорвался на мине его сынишка, его тоже звали Коля, был он на два года младше Зои.

Побежала я в Затворово. Хоронили его все оставшиеся в селе жители. Как же все горевали! Страшно, когда умирают дети! Дедушка не дал отнести его на кладбище, схоронил в саду, под окнами избы. Стояла у могилы, сердце закаменело от горести. Разные мысли всплывали. Война коснулась каждой советской семьи. У Сергея, старшего брата, детей не было, меньший, Николай, погиб, а тут и Колю хороним.

Каждый вечер я кому-нибудь да писала письмо. Вдруг, думаю, первое не дошло, затерялось.

Вскоре почтальонша наша идет, прямо к нам направляется, улыбается:

— Кто плясать будет, ты, Анна Тимофеевна, или ребят попросишь?

Письмо было из Москвы, от Николая Ивановича Гагарина, всего несколько слов: где вы, родные?

Он, так же как и я, писать стал сразу же, как узнал об освобождении Клушина. Наши письма разминулись.

В следующем письме он подробно рассказал, как работает (воевать он не мог: был глухим). После эвакуации возвратился в Москву, они с Марией Михайловной ждут нас, может, помощь какую оказать смогут.

Лето только начиналось. Голод был ужасный. Был у меня небольшой запас ржи, несколько фунтов, что уда-

лось от гитлеровцев утаить, немного продуктов Алексей Иванович получал на свой паек, да соорудил меленку. Намелю, бывало, мучки, травы добавлю, что ребята на пригорках собирали,— хлеб пеку. Тем и спасались.

Решилась: поеду в Москву, может, что удастся достать. И пошла. От Клушина до Гжатска дорога знакомая, а там-то как? На поезда не сажали, нужны были специальные пропуска, чтобы билет купить, на дорогах везде патрули. Военное время.

Алеша (он тогда жил на окраине Гжатска, в маленькой хибарке) попытался меня отговорить, но я настаивать стала. Он и согласился.

Несколько дней добиралась до Бородина. Ночевать просилась по деревням к людям, днем шла от патруля к патрулю. Ведь и обойти лесом нельзя было, опасно, на минах можно было подорваться. Подойду, объясню: только что из оккупации, иду к родственникам, хочу добыть кое-что из пропитания. Глядишь — пропустит. Недалеко от Бородина такой строгий солдат попался: не положено, да и все тут! Я аж расплакалась, столько прошла и назад поворачивать? Ему, видно, жаль стало, говорит:

— Я отвернусь, вас не видел!

Перед самой станцией снова наряд:

— Стой! Ни с места!

Остановилась. С места не двигаюсь. Подошли двое с автоматами, расспрашивают, осматривают. Ну, думаю, теперь-то уж не пройти. А как же домой с пустыми руками вернуться? Объяснила, куда иду, зачем. Чувствую — не пропустят. Тогда я говорю:

— Сынки! У меня немцы в Германию детей угнали. Валентин — ваш ровесник, а Зое — шестнадцать.

Тут как раз офицер подошел, посмотрел на меня, кивнул солдатам: пропустить, ко мне повернулся:

— На станции товарный должен остановиться. Желаем до Москвы добраться.

С их пожеланием и добралась.

Тут, в Москве, окончательно поняла: нас не сломили, никогда не сломят. Вот она, Москва-красавица, стоит, незыблемая. Посуровела, к войне приготовилась: дома разными пятнами и разводами раскрашены — замаскированы, стекла полосками бумаги перекрещены для крепо-

сти. Я еще внимание обратила, что фанеры в окнах почти нет. Сразу бросилось в глаза: сколько на улицах инвалидов! Там человек на костылях, а тот с палочкой, у этого рука на перевязи, у другого лицо все сожжено. Вот человек, потерявший ноги до бедер. Сидит он на низкой скамеечке на шарикоподшипниках, а они громкий визг при движении издают. В руках у инвалида деревянные подставки, которыми он отталкивается. Пригляделась я к первому, которого нагнала, лет ему 19—20...

В метро мне идти не захотелось да и привычней както пешком. Дошла до улицы Заморенова, где в полуподвале жили Николай Иванович и Мария Михайловна. Так случилось, что они оба дома были после ночной смены. Угостили меня морковным чаем с черным хлебом. Я, конечно, отказываться стала, но Коля упрекнул:

— Нюша! Мы ж понимаем, как вам тяжело пришлось. У нас карточки рабочие.

Тут же поехали мы с Николаем Ивановичем на трамвае на Тишинский рынок. Купил он мне на свои деньги бутылку подсолнечного масла и несколько «петушков» на палочке (были такие леденцы) для ребят. Мария Михайловна дома приготовила гостинцы: сахар, две буханки хлеба, кое-что из вещей, из которых можно было сшить мальчишкам брюки да рубашки, да еще два куска хозяйственного мыла. Это по тем временам было большой ценностью.

Вечером прошлись мы по московским улицам, на метро проехали, на Красную площадь вышли. Я смотрела, запоминала, чтобы обо всем потом подробно Юре и Борису рассказать. Николай Иванович об Алексее расспрашивал, о жизни в оккупации, сказал, что люди находятся, даже когда родные «похоронки» получили. Я понимала: хотел меня успокоить. Мне тоже хотелось верить, что дети найдутся.

Утром я выехала в Гжатск. Добралась я за день, зашла к Алексею в Гжатске, заторопилась в Клушино, все-таки отсутствовала я несколько дней, о ребятах беспокоилась. Дома был порядок. Юра как старший вполне со своей задачей справился, за Бориской приглядывал, в доме прибирался, обеды кое-какие варил. Гостинцы ребятам понравились. Одну буханку я порезала на сухари, оставила про запас. Ребята согласились. Они очень радовались встрече. Обо мне и говорить не приходилось.

Только при виде младших я чуть успокаивалась, не то что забывала о судьбе старших, но хоть думать о делах могла. А едва оставалась одна — тяжесть опять наваливалась, теснило сердце.

Весточки

«Привет с фронта. Пишет вам сын — Валентин. Я теперь танкист. Мой адрес: полевая почта № 75417 «а». Сообщите, как здоровье отца, мамы, Зои, Юры, Бориски. Жду писем».

Столько раз я это письмо перечитывала, столько радости оно принесло, что в память врезалось. Но письмо пришло в 1944-м, до него надо было дожить.

Пока же я ничего не знала о старших детях.

Есть такое выражение: глаза все повыплакала. Оказывается, оно-то буквальное. Скоро я стала замечать, что у меня с глазами творится что-то неладное.

Обычно женщины наши просили меня читать газеты, журналы, которые доставляли к нам на ферму, в бригады. Говорили:

— У тебя, Нюра, лучше всех получается, ты с выражением читаешь.

Через месяц-другой после освобождения приметила я, что буквы на газетной странице как-то подергиваются, потом и другие предметы стали мелко подрагивать.

Болезнь успокоилась, лишь когда пришли известия о старших. Первое письмо было из Дорогобужа. Неизвестная женщина переслала Зоину записочку. Женщина писала, что в ее хате немцы расположили группу советских девушек, которых гнали на запад, что девушки держатся стойко, все вместе. Но это было известие о прошлом. Так и хотелось спросить: а сейчас-то как, где ты, Зоечка? Но спросить было не у кого, написать некуда.

В начале лета возвратился брат Алексея Павел Иванович с женой. Пригнали они наше колхозное стадо. Конечно, это уж были не те ухоженные коровы, которых два года назад эвакуировали. Но любая скотина в хозяйстве — подмога. Стали их использовать на пахоте, хоть Павел Иванович кричал:

— Не для этого я их спасал, чтобы в тягловую силу превращать!

Покричит-покричит, а потом сам к председателю идет:

— Берите! Понимаю, выхода нет!

Стали получать молоко. В Гжатск прислали семена для колхозных посевов. А как в Клушино доставить? Животных и на пахоту не хватало. Постановили на общем колхозном собрании: носить семена на себе.

Так и ходили мы: из села в Гжатск 12 километров, из Гжатска, нагруженные, шли в колхоз. Мне в городе надо было успеть мужа обстирать, прибраться у него. Нелегко было, но усталости я не чувствовала.

Наработали мы на теленка, потом на поросенка, козу. Потом смогли купить корову.

Летом сорок третьего поздним вечером раздался в окно стук. Выглянула — две женщины стоят, на столбик крыльца оперлись, устали. Много тогда людей бродило, которые без крова остались. Пошла открывать, а сама прикидываю: уложить уложу, а чем накормить-то?

Открыла, а они мне:

— Нюра! Живая!

Гляжу: сестра Мария и тетя моя — Надежда Егоровна. Были они с начала войны в эвакуации, в сорок третьем вернулись с семьями в Москву. Как узнали, что Гжатск освобожден, решили пробраться, родных поискать. Долго сидели, разговоры разговаривали. Мужья их были на фронте. Ничего не известно было о нашей младшей сестре Ольге: осталась она с детишками в оккупированном Брянске. Я поделилась своим горем. Поплакали мы все вместе. Утром они в обратный путь собрались. Отдала я им мешочек сухарей, тех самых, что держала на самую крайность. Рассудила: мы у земли, прокормимся, им тяжелее, чем нам. После войны племянница Надя, дочка Марии, все спрашивала:

— Тетя Нюша! Что вы тогда за сухари прислали? Вкусные!

А когда почтальонша принесла сложенный треугольником листок бумаги — письмо от Валентина,— я узнала, что он сумел бежать из плена, перейти линию фронта. Он стал танкистом, башенным стрелком. Юра и Борис в тот день всю деревню обегали, сообщали всем о письме Валентина, о том, что его часть героически сражается с фашистами, бьет гитлеровцев.

Потом от Вали пришло еще письмо, а в нем — фотография, маленькая такая. Сколько времени прошло, а строчки те все перед глазами.

А следом новое сообщение — от Зои. И ей удалось вырваться из фашистской неволи. Она тоже стала помогать Красной Армии. Поскольку годами не вышла, в действующие на переднем крае части ее не записали, тогда она пошла в ветеринарный военный госпиталь. «Мне очень пригодились мои деревенские знания,— писала дочка.— Я ухаживаю за ранеными лошадьми. Мы возвращаем их в строй, чтобы наши кавалеристы могли громить фашистов, могли отплатить за горе советских людей».

В начале 1944 года пришло письмо от Ольги Тимофеевны. Ее с дочкой Лидой немцы из Брянска хотели угнать в Германию, да не успели вывезти. Красная Армия отбила их невдалеке от советско-польской границы.

«Нюша! Дорогая моя сестра! Твое письмо было первым. Про других родных ничего не знаю. Постараемся вернуться в Брянск, как только сможем».

Помочь сестре я ничем не могла, очень этим терзалась. Ольга в следующем письме успокоила, что жизнь входит в колею. Главное — свободны. Пошла она работать, Лида поступила в первый класс, рассылают они письма с вопросами о Николае, надеются.

Надежды не сбылись. Пришла им «похоронка». Погиб Николай, защищая Родину в боях на нашей земле под Ельней.

Я продолжала работать в колхозе. Дети были при мне, зимой учились в школе, летом помогали в меру своих детских силенок, а точнее сказать, в полную меру своей недетской ответственности. Ребятишки во время войны росли медленнее, а взрослели мгновенно.

Уже в первую весну по освобождении увидела я, как Юра и Бориска на скотном дворе раскопали из-под рухляди плуг.

— Зачем? Это не игрушка,—говорю.

А Юра мне в ответ:

— Пахать надо.

А как пахать? Во всем колхозе ни одной лошаденки.

— А мы вместо лошадей плуг потянем!

Конечно, сдвинуть плуг было не под силу мальчишкам. Вскопали поле вручную, но уж бороновать решили предложенным ими способом.

В один из приходов в Гжатск рассказала я Алексею Ивановичу о нашей затее.

— Нет! И борону вам не сдвинуть!—прикинул он.— Тяжела.

На другой день рано утром смотрю—идет мой Алексей Иванович. Оказывается, удалось ему на день взять увольнительную. Многое успел он в тот день в нашем клушинском доме сделать по хозяйству, смастерил и легонькую борону, которой мы потом не один год с ребятами бороновали. Хоть это так говорится— «легонькая», работать-то не так уж легко было, но все-таки можно.

Отцову борону опробовали мы сразу же, на другой день. Впряглись сыновья, склонились от усилий, к земле пригнулись—и двинулись. Я иду «коренником». До конца поля они дошли, оглянулись—пот по лицам течет, а улыбаются. У Юры улыбка широкая, задиристая:

— Мама! Ты плачешь или устала?

— Не плачу и не устала, солнце припекло.

Огород весь вскопали, только тогда мальчики побежали играть: палки, как автоматы, схватили, начали свои бесконечные бои, которые неизменно оканчивались «нашей победой». Игр этих я остерегалась. Но что скажешь? Не будешь же постоянно предупреждать: с палками поосторожней, со «стрельбой» поосмотрительней. Побаивалась-то не зря. Однажды пришли Юра с Бориской в дом, я глянула—ахнула: лица у них черные от копоти, а у Бориса и брови опалены. Я поняла: самострелом баловались. В те годы ребячьи карманы так и распирало от гильз, осколков снарядов, патронов. Случались трагические истории, от взрывов дети гибли, становились калеками, слепыми. Хотела я наказать сыновей так, чтобы на всю жизнь запомнили, но поглядела в Юрино лицо, вижу: сам все понял. Только одно и сказала:

— Понял, что брат чуть глаз не лишился? Нельзя так!

Это еще в те дни было, когда Валя с Зоей не вернулись, поэтому я с горечью и добавила:

— Или у меня и без ваших игр горя мало?

Надо сказать, что после этого младшие мои ребята с патронами не баловались, хотя иной раз слышала — подсмеивались над ними товарищи. Насмешки сверстников перенести нелегко, но мальчишки держались.

Победа. Дни мира

Весна сорок пятого выдалась ранняя. Сеять мы начали еще перед майскими праздниками. Торопились, а силенок было маловато. Рассчитывали каждый час, учитывали каждую пару рабочих рук.

По снегу еще прибыл в колхоз трактор. График ему был составлен чуть ли не на круглые сутки, обслуживали его три трактористки, чтобы в простое «стальной конь» не был.

Утром девятого мая позвали меня и Анну Алексеевну Дербенкову в правление колхоза. Председатель Иван Васильевич Бурдин говорит:

— Горючее для трактора на исходе, поезжайте-ка, женщины, в Гжатск.

Запрягли мы буренку, на телегу закатили железную бочку, поехали. Подъезжаем к селу Затворову — людей на улице полно, песни поют, нас окружили:

— Куда едете?

— За горючим для трактора в Гжатск.

— Никого там на складах не найдете. Победа!

Мы с Анной посовещались, решили вернуться. Но все-таки местного председателя в Затворове разыскали, взаймы горючего попросили. У них у самих запас небольшой был, но поделились.

Вернулись в Клушино — там тоже ликование. Ребята по улицам носятся, плакаты самодельные развесили на домах: «Ура! Победа!».

Юра ко мне подбежал, глаза горят:

— Мам! Я на нашем доме флаг вывесил!

— Где же,— спрашиваю,— материю взял?

— А я из бумаги. Но все равно здорово получилось. Красиво!

У правления колхоза женщины собрались, смеются, переговариваются, планы строят, думают: когда теперь мужья домой вернутся? Это, конечно, те, кто «похоронки» не получил.

Председатель на крыльцо вышел, поздравил всех с великим праздником, а потом тихо добавил: «Товарищи, время не ждет!»

Мы с Аней поехали в поле, к трактористкам, а потом объехали и другие бригады. Весть-то надо было донести до всех.

Когда говорят о Дне Победы, мне видится, как деловито в этот день идет по полю наш колхозный трактор, как сноровисто пашут на коровах клушинские женщины.

Урожай, что заложили в победном сорок пятом, собрали богатый. Но раны, нанесенные вражеским нашествием, затягивались трудно — уж очень много их было!

Алексей Иванович после окончания войны остался работать в Гжатске. В городе присмотрелись, что он на все руки мастер, пригласили плотничать в квартирно-эксплуатационную часть. Решили мы с ним дом в город перевезти.

Под новый, 1946 год перебрались мы в Гжатск. Построили на выделенном участке по Ленинградской улице небольшой, временный домик, стали готовиться наш деревенский перевезти.

Опять написала я сестрам в Клязьму, пригласила прислать детей на лето на деревенское молоко. Ольга ответила: у вас, мол, своих забот много. Но я снова приглашение написала. «Хорошо,— согласилась сестра,— как только переезд закончите, обязательно детей привезу».

Более двадцати лет была я к тому времени замужем за Алексеем Ивановичем, но вот начинал он новое дело, к которому, кажется, подступиться невозможно, и я невольно любовалась им, как, бывало, в молодости: до чего

же у него все складно да ловко получалось! Так и с переездом на новое место. Решили перебираться, я похолодела: сколько забот, трудов, мороки! Подумать боязно — с насиженного места стронуться! Алексей Иванович успокаивает:

— Нюра, это только кажется, что трудно. Одолеем!

Стал перечислять: «Яму под фундамент да под печь в начале лета выкопаем, а уж там дела пойдут. Фундамент сложим. Избу клушинскую разберем, пронумеруем все бревнышки, собрать — проще простого. Не один дом строил. Никто, сама знаешь, не жаловался. Себе неужто не сделаю? Балки в доме крепкие, полы не гнилые, крышу подлатаем. Чего же ты, Нюра, боишься, я же все эти работы, считай, с закрытыми глазами могу делать. Так говорю?»

Не спорю. Успокаивать успокаивал, но заметила: сам готовился загодя, осмотрительно, непоспешно. Видно, крепко спланировал, какую работу за которой выполнять. Юра с Борисом ему помогали по-взрослому. Землю копали, раствор месили, песок таскали, глину мяли, кирпичи подавали.

> Однажды пришел меня проведать Павел Васильевич Дёшин — старший мастер нашего ГПТУ. Я его давно знаю, с детских лет, он с Юрой в одном классе учился в базовой школе. Разговор наш постепенно на те годы и перешел:
>
> — Знаете, Анна Тимофеевна, как однажды мне Юра сказал? — спросил и тут же слова сына привел: «Все-таки, Паша, здорово нам с учителями повезло». Разговор уж после полета был, взрослые мы стали, оценить могли.
>
> — Я всегда знала, что учителя у вас — замечательные, — ответила я.

В середине учебного года привела я своих мальчиков в школу. Елена Федоровна, заведующая, видно, прикинула, что мальчики мои деревенские могут заробеть перед гжатскими городскими ребятами, поэтому сказала:

— Я как раз в третий класс собираюсь, идемте вместе.

Пошли в класс. Ученики Елену Федоровну увидели, сразу же примолкли. Я почувствовала: уважают, вольни-

чать при ней себе не позволяют. Раздался звонок, ученики вмиг по местам разошлись.

— Садитесь,— спокойно сказала Елена Федоровна.— Я привела к вам новенького. Юра Гагарин.

Осмотрела класс и подошла ко второму ряду, потом к Юре обернулась, позвала его:— Тут будешь сидеть. Паша — человек серьезный.

Юра мой прошел, сел. Я еще поглядела, как он под столом руку товарищу протянул, по губам поняла, имя назвал. Так они с Дёшиным познакомились.

Потом мы Бориса во второй класс определили.

После уроков дети пришли радостные, возбужденные, о порядках в школе, об учителях рассказывают.

Учительница Юрина мне сразу же понравилась. Нина Васильевна Лебедева весной 1946 года закончила наше гжатское педучилище, Юрин класс был у нее первым. Она была совсем молоденькая, но к работе своей относилась с большой ответственностью.

Особенности послевоенной учебы представить трудно. В школе не хватало самых необходимых вещей. А возраст? Те третьеклассники очень отличались от нынешних. Война, оккупация, разруха, переезды ни одному ученику не позволили своевременно начать учиться. Юра-то самый младший был: всего год пропустил. Были в третьем классе ребята по тринадцать-четырнадцать лет. А учительнице — восемнадцать! Вот, поди, справься с такими переростками! Но тут, правда, мы, родители, помогали: внушали своим детям уважение к учителям.

Ребята Нину Васильевну очень любили. Это сразу же замечаешь. О любимом учителе ребята постоянно говорят, на него ссылаются. Вот Юра часто повторял: «Нина Васильевна сказала», «Нина Васильевна объяснила», «Нина Васильевна рассказала...».

Рассказывала она им много и о многом. Как-то Юра прямо с порога поспешил поделиться: «Мама! Я учусь в историческом доме!»

Оказывается, базовая школа располагалась в доме, принадлежавшем когда-то одному купцу. Именно сюда был приглашен гжатчанами Кутузов, когда он, назначенный главнокомандующим, ехал через Гжатск к войску в Царево-Займище. В Отечественную войну 1812 года принял на себя наш смоленский край немало ударов, как немало славных страниц вписал он и в историю Великой

Отечественной войны. Тут, под Гжатском, начали действовать партизанский отряд Дениса Давыдова, отряды крестьян, которые немало досаждали французам. В отместку наполеоновские войска сожгли Гжатск и окрестные селения.

Но более всего Юре запали в душу рассказы учительницы о Владимире Ильиче Ленине, о его детстве, семье, родителях, старшем брате, о ленинской справедливости и доброте, которые формировались еще в детские годы. Помню, как однажды Юра сообщил: «Нина Васильевна читала нам книжку о детских годах Володи Ульянова, там была фотография табеля с отметками. Сплошные пятерки».

Юра и до того дня занимался хорошо, а тут стал особенно стараться. Пока все на дом заданное не выполнит, спать не ложился. Тетрадки у него были аккуратные. Учебников тогда было мало, выдавался один на несколько человек.

Немало Юра рассказывал о своих одноклассниках. В рассказах Юры часто звучало: «у такого-то отца убили», «у такой-то брат не вернулся с фронта», «тот — сирота».

Много рассказывал о дёшинской семье, о том, как брат Паши был партизаном. Однажды сожгли они большой гитлеровский склад в конце Ленинградской улицы. Немцам удалось поймать брата и его товарищей. Пытали их, но комсомольцы никого не выдали. Расстреляли их на стадионе. А мать с двумя сыновьями — Павлом и Алексеем — погнали в Германию. Освободила Красная Армия их в Белоруссии.

Послевоенная жизнь стала приносить и радости.

Однажды весенним вечером глянула я в окошко, вижу — идет к нам девушка. Еще и сообразить не смогла, кто же это пожаловал, а сердце застучало радостно. Девушка уверенно толкнула дверь, вошла — Зоечка! Бросилась я к ней, от радости слезы льются, всю-то ее потрогать хочу: живая, целая, невредимая? Потом отстранилась, чтобы получше рассмотреть, а у нее у самой все лицо мокрое. Ребята за столом сидели, уроки готовили. Смотрю, Юры нет. А он вмиг на печку бросился, где его школьная форма висела, оделся, даже галстук повязал. И вот он тут как тут стоит принаряженный. Хотел своей сестре-наставнице во всей красе показаться, похва-

статься, что уже и в пионеры принят. Зоя глядит на них, глаза сияют.

— Неужели Юрка так вырос?! А Бориска-то взрослый стал! Отец...

Смотрю на Алексея Ивановича, он просто помолодел от счастья. Но, чтобы слез не заметили, отвернулся, говорит:

— Вот и еще подмога прибыла. Теперь и вовсе легко будет с переездом.

Усадили мы Зою за ужин, а ей есть некогда, все рассказывает. Как удалось им бежать из плена, как скрывались девушки на польском хуторе, где их освободила Красная Армия.

Зоя рассказывала, что видела по дороге домой. С печалью слушали мы о разорении, с удовлетворением — что идет везде стройка и восстановление. Засиделись за полночь. Ту ночь я впервые с начала войны спала спокойно.

Дом в Гжатске был таким же, как и в Клушине: три небольшие комнатки, с вместительной кладовкой, с погребом, пристроенным скотным двором. Нам, сельским жителям, даже и в голову не приходило, что можно в хозяйстве обойтись без коровы, кур, поросенка или без собственной картошки, овощей, яблок.

Юра в школе освоился быстро. С Пашей Дёшиным подружился, хотя разница в возрасте у них была три года. Оба учились хорошо.

В те годы школьники сдавали экзамены после четвертого класса. Юра получил за годовые контрольные по арифметике и диктанту «отлично», перевели его в пятый класс с похвальной грамотой.

Я пришла на утренник по окончании учебного года. Грамоты, которыми ребят за хорошую работу поощряли, вручали родителям, благодарили за помощь школе. Вызвали и меня. Я к Елене Федоровне подошла, руку мне она пожала, слова торжественные сказала. После утренника еще раз подошла, говорит:

— Нюра, сын весь в тебя: читать любит, памятливый. Очень нас радует.

— А с младшим что делать?

— Боря мальчик хороший, добрый, но с ленцой. Выучим, Нюра, выучим.

Строители

Прочитала я однажды выражение: «Жизнь стала налаживаться» и подумала, что какое-то оно не такое, вялое, что ли? Чтобы жизнь налаживалась, ее надо налаживать. Алексей Иванович всегда говорил: «Построим», «Сделаем», «Вскопаем». Правильно он говорил. И говорил и делал правильно.

На лето, когда дни длинные, намечали мы большие дела. Было это рабочее время, а не время летних отпусков. Тем более лето 1946 года, когда решили мы перенести клушинский дом.

Голодное было лето. Продукты еще выдавали по карточкам. Запасы у нас подходили к концу.

Алексей Иванович как-то сел обедать, посмотрел в чугунок, который я вытащила из печки. Я думала, неудовольствие выскажет, а он говорит:

— Нюра, что же это твоя сестра ребятишек не везет? Если уж у нас на земле голодновато, то им и вовсе нелегко. Ты напиши-ка понастойчивее, да и я от себя припишу, что ждем, очень ждем, будем рады приезду.

Ольга Тимофеевна послушалась. После окончания школьных занятий приехала с Лидой. Встречать мы их вышли всей семьей. Постарела моя младшая сестра, худенькая стала, как тростиночка. Племянница Лида тоже здоровьем не блистала. Алексей Иванович их обнял, расцеловал, печаль их захотел отогнать:

— Главное, чтобы кости были целы. Мясо нарастет. У нашей Зорьки молоко полезное. Помнишь, Лида, как тетя Нюша прямо в кружку вам доила?

Лида довоенное время вспомнила, заулыбалась.

Сестра побыла недолго. Ей надо было торопиться на работу. Работала она тогда почтальоном. Да и Галка маленькая могла заскучать.

Ольга Тимофеевна извинялась, что никаких гостинцев привезти не смогла. Но уж тут Алеша мой строго прервал:

— Не затем уговаривали приехать, чтобы подарки получать, а чтобы помочь. Помнишь, Ольга, когда я к вам в Брянск приезжал, вы не знали, как получше меня устроить?

Но все-таки привезла Ольга то, что нас очень порадовало. Два альбома с фотографиями. Возила она их с собой в немецкий угон вместо документов. Посчитала, что, если погибнет, альбомы останутся, по ним Лида родных разыскивать будет. Весь вечер рассматривали мы довоенные фотокарточки. Рассказали, что у нас тоже пропали документы. Спрятал их Алексей Иванович перед вражеским нашествием на скотном дворе за стреху. На первый постой были определены к нам гитлеровцы-обозники. Кони у них были крупные, как-то дотянулись, все повытаскали да затоптали. Из спрятанных бумаг одно мое свидетельство из Путиловского училища потом обнаружилось. По нему мне позже паспорт выписали.

Ольгу Тимофеевну проводили, вернулись домой, тут я ненароком услышала, как Алексей Иванович с мальчишками разговаривает:

— Чтобы никаких там «девчонка», «неумеха»,— выделил он слова, будто кого-то передразнивал,— я не слышал. Она к нам в гости приехала, я ее маме слово дал, что Лидочке у нас будет хорошо.

— Пап! Да что ты говоришь, мы что, не понимаем?— это уж Юра ответил.

— Говорю, чтобы ни разочка не было. Лидочка и без того много горя перенесла. Вот и все.

Может быть, и предупреждать не надо было? Но я промолчала, посчитала, что прав Алексей Иванович, лучше предупредить, чем потом исправлять. Тем более что раны души зарастают нескоро.

Не знаю, что подействовало: слова Алексея Ивановича или собственное решение ребят, но прожили они лето с Лидой дружно. Исчезали — так все вместе, появлялись —

разом: то с мелкой речной рыбешкой, то с лукошками грибов или щавеля.

Но исчезали ребята ненадолго. Ведь в то лето они, как и всегда, немало работали по дому. Постоянно и с удовольствием трудились вместе с Алексеем Ивановичем на строительстве. Алеша мой сам работал с такой охотой, умением, даже какой-то особой красотой, что и помощники подражали весело, с шуткой. Случалось, даже одноклассники приходили к Юре поработать.

Я как-то говорю:

— Вы, Гагарины, на работу соблазняете, как Том Сойер.

Алексей Иванович и Юра книжку вспомнили, рассмеялись, ребятишкам рассказали. Несколько дней ребята играли в «Тома Сойера», прибегали, просили Алексея Ивановича:

— Дайте покопать яму! Дадим за это половину яблока!

— Разрешите помесить глину, подарим дохлую кошку!

Алексей Иванович разрешал бескорыстно.

Стройка продвигалась споро. Помогал строить дом возвратившийся с фронта сосед—Дмитрий Бруевич. Алексей Иванович прежде не соглашался, а потом сказал мне:

— Нюра! Пожалуй, он для себя строит. Как думаешь?

Я тоже замечала, что часто Дима к нам «на огонек» заглядывает.

Перед началом учебного года собирали мы Лиду в Москву. Девочка окрепла за лето, загорела, вытянулась. Раны на руках, что от недоедания открылись, затянуло, только чуть белели рубцы. Отвозила Лиду Зоя.

Вернулась, объявила об их с Димой решении жениться. К тому времени дом был уже почти готов.

Базовая школа была начальной, четвероклассники чувствовали себя старшими. На старших ответственность всегда большая возлагается. Вот те же посадки. В послевоенные годы ни одного питомника в округе не было. Пионеры ходили на разведку, узнавали, где можно выкопать молоденькие деревца. Недалеко от города обнаружили погорелье—усадьбу фашисты сожгли, а деревья вокруг сохранились.

На совете дружины, как рассказала Елена Федоровна Лунова, ребята вместе с учителями, пионервожатой Аней Тихоновой обсудили, где что сажать. План начертили.

Потом по пути, найденному «разведчиками», пошли пионеры с лопатами и носилками за кустами акации, липками. Сажали старательно, поэтому с первого раза прижились кустики, деревья до сих пор зеленеют.

На окраине Гжатска был когда-то лес. Немцы вырубили его, партизан боялись. А после войны решили ребята: «Лес посадим!» Он и сейчас стоит стеной у Столбова. Как памятник ребячьей непреклонности.

А расчистка улиц? Разборка разрушенных зданий? С этим недетским трудом справлялись их повзрослевшие за войну руки. Как азартно ребята работали! Соревновались по классам, отрядам. Зато с какой гордостью, бывало, Юра показывал чистый участок улицы, аккуратно уложенные кирпичи, которые потом использовались на стройках города.

Дети постоянно выезжали на подмогу в колхозы, на уборку картофеля, овощей. Участки для школьников отводили наравне со взрослыми. Ребята не отставали. А в воскресные дни уходили в лес. Нет, не в походы. Разыскивали могилы наших бойцов, украшали их цветами, устанавливали памятные доски. И все это без подсказки, без напоминаний. Наоборот, сами, бывало, учителям, пионервожатой предложат:

— Пойдемте с нами!

Говорю об этом потому, что стараюсь и сама разобраться, откуда самостоятельность у детей рождалась. От труда наравне со взрослыми? Не только. Потому что труд этот они сами организовывали, продумывали.

И учились ребята активно. Конечно, сказывалось, что, побыв в немецкой оккупации, детишки военного, да и послевоенного времени школу ценили высоко, хотели учиться. Учились тоже как-то весело. Уроки, бывало, делали сообща, помогали друг другу. Если кто-то не успевал, то товарищ над ним опеку брал, был в ответе за него.

Юра рос компанейским, учился хорошо, в этом ему память помогала. Он раз-два прочтет — уже чуть ли не наизусть помнит. Знаниями любил делиться, поэтому частенько занимался с отстающими. Вообще чув-

ство долга у сына, у товарищей его было развито сильно. Оно сказывалось во всем, даже в том, как следил Юра за своим внешним видом. Пионер должен быть примером! Товарищи выбрали его председателем совета отряда. Каждый вечер он наглаживал свой пионерский галстук.

К концу учебы в четвертом классе заболел Паша Дёшин, его ближайший товарищ. Тогда многие ребята малярией мучались. Высокая температура, озноб так выматывали, что человек силы терял. Юра ходил к другу каждый день. Когда приступ у Паши закончится, станет уроки объяснять, вчерашнее задание спрашивать. Подбадривает.

Через месяц Дёшин вернулся в класс. Вызвала его Нина Васильевна к доске, задание дала, он все примеры, задачи решил. При всех учительница Юру поблагодарила. Потом даже на родительском собрании отметила, что Гагарин — хороший товарищ.

Экзамены за четвертый класс Юра сдал на «отлично», а Паша — на «хорошо» и «отлично».

Но это все серьезные дела. Было и другое.

Об одной Юриной проделке узнала я не сразу. Как-то незадолго до окончания урока вошел в учительскую пожилой человек, был он явно чем-то рассержен, в руках держал какие-то покореженные деревянные детали. Протянув их Елене Федоровне, с гневом заговорил:

— Это что же такое происходит? Здесь школа или запретная опасная зона? Иду мимо — и вдруг из углового окна прямо на голову вот это падает.

Елена Федоровна разглядела «это» и увидела модель планера. Взяла заведующая школой «это» и пошла в класс. Ребята поднялись и, рассмотрев в руках Елены Федоровны модель, затихли.

— Чей это планер?

Минуту висела в классе напряженная тишина, а потом вперед выступил мальчишка.

— Хорошо, Юра Гагарин, что сознался, — сказала Елена Федоровна, — но завтра приходи с мамой.

— Я и сам все понял, — упрямо сказал Юра. — Маму вызывать не надо.

После окончания начальной школы Юра поступил в гжатскую среднюю. Появились у него новые товарищи.

Учителя и ученики

9 мая 1983 года в нашем городе в средней школе № 1 имени Ю. А. Гагарина собирались на встречу люди, окончившие школу в 1953 году. Те «ребята», с которыми Юра учился в пятом, шестом классе. Пригласили и меня на встречу. Вглядывалась в лица, узнавала — не узнавала. Они окружили меня — мальчики и девочки сороковых годов, пятидесятилетние ровесники моего сына.

Разговор пошел шумный, как в таких случаях бывает. Но разобрала я, что работают все хорошо, работу свою любят.

Зинаида Александровна Комарова — бывшая учительница математики — посмотрела на своих питомцев и говорит:

— Все-таки повезло нам с учениками. И учились они старательно, и нам помогали стать хорошими учителями.

Гордились они взаимно. Ученики — учителями, учителя — учениками.

Вот и сопоставишь Юрины слова: «Все-таки, мама, нам здорово повезло с учителями» и слова учительницы: «Все-таки нам здорово повезло с учениками».

Человеческое понимание — как много оно значит! В любом деле, в воспитании особенно. Учитель, встань на место ученика, пойми его трудности, его неуверенность, помоги ему! Ученик, пойми, что перед тобой не стальной робот, а живой человек, лишь более мудрый и опытный, чем ты, но, как и ты, нуждающийся в поддержке, похвале, теплоте. Думается, в тех коллективах, где учился сын, был такой контакт.

В пятый класс Юра пошел в 1947 году. Базовая еще более или менее под школу была приспособлена, а средняя разместилась в двух больших жилых домах дальше по Советской улице. В одном сейчас живут, а второй, который прозывался «бабикатина изба»,—сломался. В школу они были превращены в силу необходимости: в Гжатске после фашистского нашествия оставшихся пригодными зданий было наперечет. Уцелевшие дома, требовавшие небольшого ремонта, сразу же были отданы под школы, Дом пионеров, детские сады, ясли, больницы.

Сейчас, восстанавливая в памяти события, хочу, чтобы сегодняшняя молодежь представила себе те условия, в которых учились и жили ребята военного детства в разрушенных фашистами городах и селах. Классы — бывшие жилые комнаты — были небольшими, парт в них не было, а стояли сколоченные из досок длинные столы и скамьи. Пришла я на первое родительское собрание, еле протиснулась за стол, думаю: как же ребята к доске выходят отвечать? Скамьи и столы стояли почти вплотную к стенам. Юра на мое недоумение рассмеялся, объяснил:

— А мы под столом пролезаем!

Отапливались классы недостаточно — дров даже для детских садов не хватало. В школу каждый ученик должен был принести по полену дров, но все равно в классах воздух не прогревался, сидели ребята в пальто. Чтобы писать, приходилось им пузырьки с чернилами отогревать на груди.

Но они, пережившие оккупацию, познавшие издевательства врагов, рады были малейшей возможности учиться. Надо сказать, что и мы, взрослые, не считали все мною перечисленное трудностями или какими-то особенными сложностями. Так жили все советские люди. Преодолевая разруху, восстанавливали заводы и фабрики, строили школы, МТС, деревни, больницы и собственное жилье.

У меня такое впечатление, что Юра старался охватить все. Участвовал он и в художественной самодеятельности. В школе они задумали сделать театр теней — сколько же рассказов было о спектакле «Сказка о попе и о работнике его Балде»! Ребята сами вырезали из картона фигурки действующих лиц, прикрепили их к лучинкам, учились

водить за натянутым полотном. Юра исполнял роль Балды, слова учил по вечерам. Его друг Лева Толкалин был главным осветителем. Юра рассказывал, как тот умело использовал большой трофейный карбидный фонарь. Декорации, афиши ребята тоже рисовали сами. Конечно, они были не такие красивые, как рисунки настоящих художников, но детям они были дороги и очень нравились. В день после спектакля Юра так подробно рассказывал дома о представлении, о реакции зала, так выразительно изобразил действующих лиц, что мы все будто побывали на этом спектакле.

Увлекались они с Левой и фотографией. Лева где-то нашел старенький фотоаппарат, напоминающий нынешний «Любитель». Целыми вечерами они его разбирали, чистили, что-то вытачивали, заменяли какие-то детали. Но фотоаппарат никак не поддавался. Потом заработал. Ребята задумали приладить приспособление, чтобы он «щелкал» через несколько секунд и можно было бы самому фотографу запечатлеться на снимке. Задуманное удалось. Ребятишки сфотографировали свои семьи, потом побежали в школу, там рассказали о своем успехе классной руководительнице и даже сфотографировались вместе с ней. Потом для стенгазеты запечатлели своих товарищей на занятиях в классе и на уборке моркови. Стенгазета привлекла внимание всей школы. Юра и Лева были горды тем, что смогли выпустить интересный номер газеты. С фотоаппаратом не расставались. Именно этим нехитрым аппаратом сделаны почти все детские снимки Юры в Гжатске.

Казалось, Юре везде хотелось поспеть. Объявили, что в Доме пионеров создается духовой оркестр. Он туда записался.

Безусловно, такую увлеченность привили ему прежде всего учителя. Литературу и русский язык преподавала им Ольга Степановна Раевская, она же была классным руководителем. Уроки ее были очень интересны, могу об этом судить по тому, с каким увлечением рассказывал о них Юра. Он говорил о Пушкине, Лермонтове, пересказывал произведения, разучивал отрывки, стихи. Ольга Степановна умела донести до ребят смысл творений Гоголя, басен Крылова. Она приучала их любить родной язык, уважать книги, проникать в смысл написанного. Именно Ольга Степановна подсказала ребятам идею те-

невого театра, она же помогала составлять литературные композиции для торжественных вечеров.

Химию и биологию вела Елена Александровна Козлова, математику в пятом классе — Зинаида Александровна Комарова, в шестом — Натан Вульфович Марьяхин, географию — Антонина Васильевна Иванова, военное дело и физкультуру — Леонид Николаевич Головкин, а завучем была Ираида Дмитриевна Троицкая, депутат Верховного Совета СССР.

Но, пожалуй, в нашей семье больше всего звучало рассказов о Льве Михайловиче Беспалове. Это и понятно. Юра увлекался физикой, а Лев Михайлович с увлечением преподавал ее ребятам. Еще не встретившись с ним на родительском собрании, я уже хорошо представляла его по живым Юриным рассказам. Их физик до войны был учителем, потом служил в рядах Красной Армии стрелком-радистом. Демобилизовавшись, пришел в школу, чтобы опять заняться своим любимым делом. Ходил он в военном кителе, только без погон. Было ему лет тридцать. Лицо доброе, но чуть сдвинутые брови делали его строгим.

В школе он вместе с Зинаидой Александровной Комаровой организовал технический кружок, в который Юра тотчас же записался. Ученики под руководством наставников сделали летающую модель самолета, смастерили бензиновый моторчик и как-то отправились на пустырь запускать свою модель. Разговоров о том, как эта машинка — «проворная, как стрекоза» — взяла и полетела к солнцу, было не на один вечер!

В школе по подсказке Льва Михайловича прочел Юра книгу о жизни Циолковского. Любовь к этому человеку, восхищение его одержимостью, страстностью, бескорыстным служением идее космических полетов пронес сын через всю жизнь.

Как усваиваются знания? Как человек учится жизни? Можно сотни раз говорить, что нужно себя отдавать делу. А можно это показать. Юрины преподаватели увлеченностью любимой работой показывали ребятам, как нужно жить.

Все опасаюсь, как бы не представить Юру неправильно. Будут люди читать, вопросом зададутся: что, Гагарин идеальным рос?

Юра был, как все мальчишки в его возрасте, шаловливым, непоседливым, шустрым. Бывало, убегут они с Борисом на рыбалку — нет их и нет. Забеспокоюсь: мало ли что приключилось. Однажды так долго не возвращались, что искать пошла. Все берега Гжати исходила, до собора добежала. Нету! Домой совсем по темноте пришла, а они дома. Сидят за столом такие чинные, такие притихшие, что я сразу поняла: набедокурили.

Юра сразу же ко мне:

— Мама! Борискины ботинки пропали. Только он не виноват. Мы все берега облазили. Украли их.

У меня ноги подкосились. В послевоенное время это была большая потеря. Ботинки только что по ордеру купили. Как же, думаю, он в школу пойдет? Мне ребят жалко и как положение поправить — не знаю. Юра нашелся:

— Мы уж придумали. На носки галоши Зоины наденем — хорошо будет.

И этак тихонечко да ласково:

— Ты, мам, носки потолще свяжешь?

Ругать настроения не было. Видно же: ребята сами мучаются и переживают.

Учителя тоже стали припоминать, что на уроках, случалось, Юра вел себя беспокойно: то кому-то подскажет, то все время руку тянет — отвечать хочет. Не без этого. Зинаида Александровна Комарова вошла однажды в их пятый, а на месте никого: ребята все на переменке «задержались», играли в салочки на улице, звонка «не слышали».

— Выхожу из дверей, а они такой гвалт подняли, что слов моих не расслышать! Бегают, меня будто не замечают. Голос-то у меня был громкий. Но, думаю, перекрикивать не буду. А им, видно, уж очень этого хотелось. Еле-еле одного изловила: «А ну, крикни, что звонок уже давно прозвенел! На урок пора!»

Стали ребячьи шалости припоминать, не так уж много их и набралось. Почему?

— А потому...— ответила Антонина Васильевна Иванова.

Недавно Зинаида Александровна Комарова принесла мне посмотреть книжку «Москва», которую Юра подарил ее маленькому сыну. На книжке над-

пись: «Виктору Комарову с пожеланием в будущем быть на Марсе. Гагарин. 26.11.61 г.».

У надписи своя история. В середине августа 1961 года Юра с женой Валей приезжали в Гжатск. Както идет Юра по улице, смотрит: на штакетник мальчишка лет восьми залез, чтобы получше космонавта рассмотреть. Юра остановился, спрашивает:

— Тебя как зовут?

— Витя.

Юра всмотрелся в него:

— А я тебя знаю. Ты Витя Комаров. Так куда полетим, Витя Комаров?

— На Марс! — ответил мальчик.

— На Марс далеко, долго. Наши мамы плакать будут, — сказал Юра и чуть покосился на стоящую недалеко женщину. — Я знаю.

Юра широко улыбнулся, повернулся к женщине и сказал:

— Здравствуйте, Зинаида Александровна! От имени сыновей обещаю: огорчений не доставлять. Так, Витя?

Через несколько месяцев передал Юра Зинаиде Александровне Комаровой книгу, улыбаясь, сказал:

— В память о нашем с Витей разговоре.

... А потому, — повторила Антонина Васильевна Иванова, — что не было в шалостях Юры вредности, злости, грубости. Деликатным он был. Вообще в классе настрой очень человечный был.

Елена Федоровна Лунова продолжила:

— Почему вспоминается другое? Конечно же, потому что мы знаем, кем стал наш ученик. Потому что память человеческая сохраняет главное. Потому что Юра был шаловливым, но честным, открытым, добрым. Однажды проводил их отряд сбор, посвященный песне. Пели «Три танкиста». Я чувствую — вот-вот расплачусь: сын у меня танкистом был, погиб он. Ребята знали о моем горе, как-то я с ними поделилась. Когда запели про экипаж машины боевой, я своего Валентина вспомнила, а чтобы слез ребята не видели, ушла. Стою в коридоре у окна, слышу: дверь скрипнула — несколько ребят подошли ко мне. Юра остановился рядом. Вижу — утешить

хочет, а слов нет. Вот так мы постояли-постояли... Успокоилась я, вернулись мы на сбор.

Деликатность с опытом жизненным приходит. Человек как бы ставит себя на место другого человека, боль чужую как свою ощущает. Отсюда рождается желание помочь.

Однажды Юра пришел из школы, учился он тогда в пятом классе, рассказывает, что Зинаида Александровна Комарова плакала. Я, конечно, забеспокоилась, подумала: ребятишки довели, расспрашивать стала. Оказалось, к их классной руководительнице, Ольге Степановне Раевской, прибежала Зинаида Александровна в «бабикатину избу», жалуется: шестой класс ее совсем не слушается. Юра рассказывает, сам даже удивляется: учительница — и вдруг плачет. А я ему объясняю: разве учителю легко? Разве он растеряться не может? А Зинаида Александровна тем более—молоденькая, да недавно из деревни, помочь ей, говорю, надо. Юра опять удивился: «Как? Что тут сделать?»

— А вы шестиклассникам пример покажите, сидите тихо, не шумите, уроки готовьте старательно. У Зинаиды Александровны сил да уверенности прибавится, старшим ребятам стыдно, может, станет.

Так пятиклассники и поступили. Вот о каких событиях припомнил Юра почти пятнадцать лет спустя.

Заговорили о «бабикатиной избе», о ветхости школьных зданий. Антонина Васильевна Иванова припомнила, что потолок здорово провисал, и она с опаской посматривала на балки. Заметили ребята ее тревожные взгляды:

— Не беспокойтесь, Антонина Васильевна, мы с верхним классом договорились, чтобы они не топали, не стучали, ничего не двигали. Объяснили, что учителя очень нервничают.

Другие случаи припоминали. Вроде бы мелочи, знаки уважения, внимания, но, проявленные с теплотой, они приносили радость.

Баба Катя—уборщица, по имени которой изба прозывалась, была старательной: лестницы, коридоры до блеска драила. И хоть на улицах было грязно (асфальт в городе появился в шестидесятые годы), в школе поддерживалась чистота: бабикатиными стараниями, внима-

нием ребят, ни один из которых с грязными ногами в школу войти себе не позволял.

Юра не то что выделялся своей добротой, а, скорее, к доброте других призывал. Не словом (призывов ребята не любят), а делом. Он не стеснялся быть внимательным, вежливым, отзывчивым. А ведь обычно ребята в этом возрасте любят показаться грубее, чем есть на самом деле.

Юру в школе окружали деликатные, добрые взрослые. Ни одного случая неуважения, которое бы учителя к ребятам проявили, не припомню. А уж Юра бы обязательно сказал (не пожаловался, а поделился). Не было такого. Вообще детская деликатность в ответ на доброту рождается.

Юра с детства был по-особенному чутким, умеющим распознавать, что человек чем-то обеспокоен, расстроен. Хоть был ребенком — знал: взрослый тоже теплоты ждет. Я, во всяком случае, теплоту эту ощущала. Оказывается, другие тоже замечали.

Однажды (было это уже после космического полета) Ольга Степановна Раевская меня спросила:

— А помните, Юра однажды на вечере, посвященном Международному женскому дню, читал отрывок из «Молодой гвардии» про мать, руки ее?

Я помнила.

— Мне кажется, что Юра читал о вас. Я даже уверена в этом. Потому что как-то во время репетиции он застенчиво сказал: «Ольга Степановна, Фадеев как будто в нашем селе бывал». От мальчика большей откровенности не дождешься.

Мне тоже казалось, что, когда Юра учил этот отрывок, он как-то по-особенному взглядывал на меня. Теперь я часто перечитываю это место романа, вспоминаю те далекие вечера, детский голос сына, со скрытым волнением и теплотой произносящий:

«...Мама, мама! Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознавать себя на свете. За лето их всегда покрывал загар, он уже не отходил и зимой,— он был такой нежный, ровный, только чуть-чуть темнее на жилочках. А может быть, они были и грубее, руки твои,— ведь им столько выпало работы в жизни,— но они всегда казались мне такими нежными, и я так любил целовать их прямо в темные жилочки».

Все в сборе

Герман Степанович Титов приехал накануне моего восьмидесятилетия без предупреждения. Так неожиданно любил приезжать Юра.

— Двадцатого декабря вырваться никак не смогу,— объяснил,— а не поздравить вас не имею морального права.

Дни были суматошные. Но Герман-то свой человек, поэтому никакого неудобства не внес, а радость своим посещением доставил.

Разговор затянулся за полночь. О новостях друг другу порассказали, о здоровье да делах, ну и, конечно, об их молодости вспомнили.

— Анна Тимофеевна! Я ведь вначале Юре завидовал,— признался Герман.— Умом понимал, что выбор первого космонавта правильный, а в сердце холодок какой-то стоял.

— Это же понятно,— говорю.— Человек, коли что-то умеет, всегда хочет умение это показать. Вы с Юрой вровень шли.

Никогда меня Герман Степанович не перебивал, но тут, вижу, не терпится ему продолжить, я и замолчала, а он горячо так заговорил:

— Теперь знаю: был неправ. Время показало: только Гагарину по плечу было стать первооткрывателем. Нам легче было следовать за ним.

Я поблагодарила за такие слова о сыне. Особенно приятно было услышать это от Германа Степановича, которого Юра уважал, ценил и так хорошо понимал.

Герман возразил, что говорит не для красного словца, а убежден в этом.

— Так это! — Герман по-командирски рукой рубанул, как будто мои возражения предвидел. Тут же голос его смягчился.

— Анна Тимофеевна,— говорит,— меня вот спрашивают, как стать космонавтом, как вырасти таким, как Гагарин. Знаете, что я говорю? Надо полностью повторить его путь. Трудиться с детства. Учиться старательно. Приобщиться рано к рабочему классу — пойти в ремесленное. Заниматься в аэроклубе, как бы тяжело это ни было. Словом, следовать его уникальным путем. Не сдаваться перед обстоятельствами. Быть убежденным комсомольцем, коммунистом, самоотверженным, честным товарищем, прекрасным сыном, братом, мужем, отцом.

В 1947 году вернулся из армии Валентин. Ребята как завороженные слушали его рассказы о танках, о боях, о победе. Валя привез с собой шлем и в знак особого поощрения разрешал то одному, то другому братишке пощеголять в нем.

Теперь вся наша семья была в сборе, да еще с прибавлением: у Зои и Димы появилась дочурка — моя первая внучка Тамара.

Малышка так к своему юноше-дяде привязалась, что в шутку его прозвали «крестным», что по нашему деревенскому обычаю обозначает большую степень участия в воспитании. Тамара так всегда его и звала.

Валентин стал работать электриком: восстанавливали старые линии в селах, прокладывали новые. Однажды забрался он на «кошках» (крюках, которые крепились к ногам и, врезаясь в деревянный столб, удерживали монтера) на самый верх, чтобы навешивать провода, столб подломился, рухнул, придавил Валентина. Несколько часов пролежал он, пока его хватились. Привезли в больницу, перелом оказался тяжелым.

После окончания войны было такое чувство: все беды позади. Несчастье с Валентином обескуражило: не должно быть такого, раз война окончилась!

Пришло письмо из Клязьмы.

Стала я читать, обмерла.

— Мама! Что?! — увидел мое лицо Юра, забеспокоился.

Весть была тяжелая — дальше некуда: Мария писала, что ее муж погиб. Возвращался поздно ночью с работы и попал под поезд. Остались вдовами обе мои сестры с четырьмя ребятишками на руках.

Дни шли за днями. В 1948 году, едва поправившись, объявил Валентин о женитьбе. Присмотрел он свою Марию, когда еще линии электропередачи в гжатские деревни проводил.

— Ну, коли о жене задумался, значит, совсем здоров!— пошутил Алексей Иванович.

Валентин и Мария решили построиться рядом. Этот дом быстро возвели: мужиков было много, в лето подняли.

Наступила весна сорок девятого. Юра окончил шестой класс, как всегда, на «отлично» и вдруг ни с того ни с сего заявил:

— Поеду в Москву, буду поступать в ремесленное училище.

Мы с отцом старались его отговорить. Казался он мне еще совсем мальчиком. Очень уж не хотелось отпускать от себя. Наконец-то семья вся собралась, а тут опять кто-то из детей будет не со мной.

Но Юра, оказывается, все продумал. Рассуждал он, как взрослый, говорил, что хочет учиться дальше, образование думает получить, в то же время понимает, что нам с отцом трудно. Вот он овладеет какой-нибудь профессией, встанет крепко на ноги, учиться будет по вечерам. К этому времени и многие его одноклассники, которые были старше Юры, поступили в ремесленное.

— Насчет учебы, мама, не беспокойся,—говорил Юра.—Вот Паша Дёшин работает и в вечерней школе учится. Да еще на «отлично»!

Конечно, свою роль сыграло и то, что в ремесленном училище выдавали форму, полностью обеспечивали учащихся. Мальчишки наши заглядывались на аккуратно одетых в форму сверстников. Многие мечтали поступить в суворовское училище. Но таких училищ еще было мало. Тогда-то и задумался о ремесленном.

Мне не хотелось соглашаться. И Алексей Иванович тоже насупился, молчит, не согласен. Юра не отступает, примеры приводит. Но сразу сразил меня, когда заявил:

— Ты, мам, столько про своего отца, про дядю Сережу рассказывала, почему же сейчас противишься? Разве не хочешь, чтобы я, как дядя Сережа и дедушка, стал рабочим?

Брат мужа, Савелий Иванович, еще до войны переехал в Москву, работал на заводе имени Войкова. Списа-

лись мы с ним, он Юрины планы одобрил, пригласил остановиться у них в семье. Собрала я Юре все необходимое. Попросила Валентина отвезти в Москву, да не уезжать, пока окончательно брата не устроит. Коли с ремесленным не выйдет (я на это очень надеялась), просила быстренько домой возвращаться.

Уехали они в Москву, на Радиаторную улицу, где в маленькой квартирке жили Гагарины.

В рабочем строю

«Я, член ВЛКСМ, учащийся городского профессионально-технического училища № 10 имени Юрия Алексеевича Гагарина, участвуя в социалистическом соревновании за присвоение почетного звания «Гагаринец», торжественно клянусь:

— настойчиво овладевать своей профессией, в совершенстве постигать секреты рабочего мастерства;

— всеми своими силами, учебой, трудом, отношением к товарищам свято хранить традиции училища, помнить о том, что я вступаю в ряды рабочего класса;

— дорожить званием «Гагаринец», вырабатывать в себе волю, смелость, стойкость, учиться военному делу, чтобы в любую минуту по зову Родины быть готовым с оружием в руках встать на ее защиту».

Такую клятву дают сейчас учащиеся СГПТУ № 10. В это училище — тогда двухгодичное ремесленное — поступил в 1949 году Юра.

Встретили их в семье Савелия Ивановича приветливо, радушно. Дочки Савелия Ивановича — двоюродные се-

стры моих сыновей — Тоня и Лида взяли над ними опеку. Дня два-три возили по Москве, показывали достопримечательности, знакомили с городом, по доске объявлений изучали, где, в каком ремесленном училище идет набор. И вдруг выяснили: набор-то везде окончен. Муж Тони подсказал: в Люберецком ремесленном, что при заводе сельскохозяйственных машин, прием еще идет, но уже заканчивается. В Люберцы Юру повезла Тоня. Юра все твердил, что станет токарем или слесарем.

Когда приехали в Люберцы, выяснилось, что на эти отделения принимают с семилетним образованием, а Юра закончил лишь шесть классов. Кроме того, учащиеся этих отделений не обеспечивались общежитием.

Юру эти новости очень расстроили. Но директор училища успокоил Юру:

— Не горюй, парень! — сказал он. — Возьмем тебя в литейщики.

Юра вначале не очень-то обрадовался, а директор, видно, почувствовал его колебания, стал уговаривать:

— Видал в Москве памятник Пушкину? Это, брат, работа литейщиков.

Юра согласился. Экзамены он сдал на одни пятерки, был зачислен в ремесленное училище, жить переехал в общежитие.

Валя вернулся из Москвы, меня успокоил, а следом — письмо от Юры, он подробно рассказывал о житье-бытье, распорядке дня, в письмо вложена фотография: Юра в форме ремесленника. Показался он мне повзрослевшим, форма ему была очень к лицу, тем более что он ее подогнал по росту, выглядел в ней аккуратно.

Написала я своей старшей сестре Марии, которая жила недалеко от Москвы, попросила разрешения, чтобы Юра воскресные дни проводил у нее. Хотелось, чтобы мальчик не ощущал одиночества.

Юре тоже написала, поздравила с поступлением, предупредила, чтобы на выходные ездил к родным. Алексей Иванович письмо мое прочитал, вижу, чем-то недоволен остался.

— Дай-ка я кое-что допишу.

Выводил буквы с непривычки долго. К письму добавил, чтобы Юра не забывал, что о женщинах и детях надо ему заботиться, определить мужскую работу по дому, да без понукания выполнять.

Заклеивал Алексей Иванович конверт, на меня не глядя, приговаривал будто про себя, но так, чтобы я слышала:

— Мальчик-мальчик... Может, кто еще скажет: «ребенок»? Или там «дитя»? Ма-а-альчик...

Мария Тимофеевна вскоре ответила, что съездила в Люберцы, пригласила Юру гостить.

Письма он писал подробные, понимал, что матери и отцу любая мелочь в жизни сына интересна. Да и привык советоваться с нами. Мне его тоже не хватало: у меня ведь вошло в привычку обсуждать с детьми жизненные планы, так и эдак прикидывать.

Большущее письмо было о первом посещении завода. Такие цехи он видел впервые в жизни. Некоторые поразившие его машины он даже зарисовал, чтобы мы могли лучше представить. Писал он о своем мастере Николае Петровиче Кривове, о том, как он привел ребят к месту будущей работы — в литейный цех. Захватывало все: куда ни глянь — огонь, дым, струи расплавленного металла. Рабочие ходят в специальной жаронепроницаемой одежде, на головах у всех каски. Привел он в письме слова старого рабочего, который приветливо встретил новичков: «Огонь силен, вода сильнее огня, земля сильнее воды, но человек сильнее всего!»

Конечно, ребятам все показалось в диковину, они даже побаивались, опасались, что раскаленный металл может их обжечь. В страхах своих Юра не признался, я сама поняла, когда прочитала: «Но ты не волнуйся, мама, вели мы себя дисциплинированно, от Николая Петровича не отходили». Потом Юра сообщил, что его определили к станку, стали учить на формовщика. Рассказывал он о товарищах, с которыми вместе живет в комнате, о книжках, которые удалось прочитать. Чувствовалось, он сразу же вошел в новую жизнь.

Месяца через два-три я собралась в Москву. Сердце матери неспокойно, пока само не убедится: у сына все в порядке.

Приехала я в Люберцы рано поутру, группа была на теоретических занятиях. Нашла я воспитателя, Никифорова Владимира Александровича, рассказала, зачем приехала. Он меня понял, стал знакомить с училищем. По минуткам объяснил воспитатель распорядок дня, повел в общежитие. Помещалось оно напротив училища, в од-

ноэтажном деревянном здании. На зарядку они бегали во двор училища.

— Посмотрите, какой порядок в комнате! Юра у них старостой выбран, он следит за тем, чтобы тут чисто, уютно было. Мы очень им довольны, очень грамотный рабочий растет. Советуем в вечернюю школу поступить, чтобы у него среднее образование было завершено. Думается, что ему следует продолжить обучение. Отличников мы направляем в индустриальный техникум, их зачисляют без экзаменов.

Пришел Юра с занятий, обрадовался встрече. Гостинцами (привезла я окорок, яблок из сада, варенье) поделился с товарищами. Бывает, что иные ребята вроде бы матерей стесняются. Юра, наоборот, в комнату привел, со всеми ребятами познакомил. Сказала я ему насчет вечерней школы, он согласно кивнул:

— Пусть не волнуются. Я и сам чувствую: надо учиться.

Разузнал, что дома происходит: о том, что любимая его племянница вовсю лопочет, Борис неважно учится. Спросил:

— Может, мне удастся его урезонить? Я ему отдельное письмо напишу.

Из училища поехала я в Клязьму, сестер проведать да о Юре порасспросить.

Здесь, в Клязьме, Юра проводил все воскресные дни. Я, конечно, интересовалась, как он ведет себя, не в тягость ли его приезды для моих сестер. Они мне сказали: наоборот, Юра всегда по хозяйству помогает, всю мужскую работу делает—то забор поправит, то крыльцо починит, то печку подмажет. Да и с двоюродным своим братом Володей занимается, помогает ему по русскому языку.

Недавно Надя, Мариина дочка, привезла старую тетрадь, в которой Володя писал диктанты под Юрину диктовку. Листали мы эту тетрадку, заметили: диктантов много, а ошибок в них к концу все меньше да меньше. На последних страничках Юра даже пятерку брату вывел, подписался: Ю. Гагарин.

Ольга тоже порассказала о Юре, о том, что он ласковый, заботливый и очень веселый.

Уехала я из Москвы успокоенная: сын мой на верном пути.

Писала я ему раз, а то и два в неделю. Он отвечал часто и подробно. Товарищей по группе описал; у кого что произойдет — тоже опишет. С Лидой ходил в театр — какое же длинное письмо прислал: и о театре Советской Армии, и о спектакле «Летчики», и о своих впечатлениях.

А иногда письма были коротенькие — будто он торопился все перечислить. Так, перед Новым годом было письмо, полное радостных сообщений: 14 декабря 1949 года его приняли в комсомол, за отличные успехи в учебе и практике наградили билетом на елку в Колонный зал Дома Союзов.

Новый, 1950 год семья наша встречала почти в полном составе: Алексей Иванович, я, Валентин с женой, Зоя с мужем и дочкой, Борис. Не хватало только Юры: билет на елку в Колонный зал был выдан на второе или третье января.

Встречать его к поезду пришли я, Борис и Тамара. Смоленский поезд остановился в Гжатске на короткие минуты, едва стал — бежит мой мальчик: полы форменной шинели развеваются, шапка на затылок сдвинута, сам румяный, довольный и, как всегда, улыбается во весь рот. Тут же у поезда открыл маленький фибровый чемоданчик. Чувствую — сразу всем хочет поделиться. Тамаре вынул гостинец — пакет со сладостями.

— Такой подарок вручают на елке.

А потом говорит: «Ты уж всем дай полакомиться. Здесь много, тебе останется».

Пока до дома дошли, он про Колонный зал рассказывал. Все его там поразило: красивые лестницы, огромные хрустальные люстры, блестящий паркетный пол. Но более всего, конечно, елка — лесная красавица и все аттракционы, игры, хороводы. Говорил взахлеб: «Представляете? Нет, вы представить не можете!» Очень уж ему хотелось, чтобы мы вместе с ним будто бы поприсутствовали на этом торжестве. Юра не уставал говорить о елке в Колонном зале. Но рассказал и о том, как весело встретил он Новый год. Конечно, отправился в Клязьму. Перечислил все радостные заботы: и как елку украшали, и как они с Надей винегрет готовили, и какие вкусные пироги тетя Маруся напекла. За столом собрались обе семьи: Мариина и Ольгина. Не хватало только самой Марии. Так уж выпало, что она дежурила в поликлинике в эту ночь.

Ребятишкам очень хотелось, чтобы семьи были в полном сборе, но в поликлинике работал очень строгий вахтер, он, зная Марииных ребят, даже не вызвал бы сестру к ним.

Юра дошел до этого места рассказа, на минуточку замолк, обвел всех задорным взглядом и сказал:

— А я говорю: «На спор — вызову тетю Марусю!»

В половине двенадцатого ребята гурьбой пошли к поликлинике, нажали звонок, сами отошли, на крыльце только Юра остался. Выглянул вахтер, Юра голосу своему тревогу придал:

— Мама рожает! — И вроде бы заплакал.

Вахтер сразу же заторопился:

— Сейчас, мальчик! Сейчас фельдшер-акушерка придет.— Заспешил в поликлинику, зовет: — Мария Тимофеевна! Срочный вызов! Роды!

Мария вышла. Юру увидела — сразу, конечно, все поняла.

Юра заразительно смеялся, да и нам всем было весело, когда мы представляли, как он роль свою играл.

— Да! Я спор выиграл. Тетя Маруся тоже довольна была. На самый Новый год с нами успела. А потом мы все ее проводили. Это уже в 1950 году было.

В каникулы повстречался он со многими друзьями, сходил в школу на бал-маскарад, помог мне по хозяйству: наколол дров столько, что хватило их до весны, почистил скотный двор, разметал снег на участке, на улице рядом с домом. Особое удовольствие доставляли ему игры с Тамарой, он ей и сказки читал, и какие-то фигурки клеил, и рисовал. Дочка Валентина была еще маленькой, чтобы играть с ней. Но я часто замечала, что Юра забегал посмотреть на нее. Случалось, жена Валентина просила Юру присмотреть за девочкой. Он это делал с удовольствием. Это у него наше, семейное,— любовь к детям.

Уехал он после зимних каникул, опять полетели письма из Люберец в Гжатск, из Гжатска — в Люберцы. Бывает, что разлука отдаляет, разъединяет людей. У нас такого не произошло, письма помогали все знать о сыне, радоваться вместе с ним, переживать огорчения от его неудач, ошибок, невзгод. Он понимал и описывал подробно: от больших событий до мелочей.

Как-то написал, что у товарища купил фотоаппарат. Не новый, но очень хороший, «Любитель». Стал присы-

лать фотографии. Проявлял и печатал он в Клязьме, так что получала я снимки, видела, как выглядят мои сестры, племянницы и племянник. Однажды Юра покаялся, что от фотографирования пострадала Мариина гортензия. Ребята, оказывается, все растворы выплескивали за окно, прямо в сад. «Мама, не беспокойся,— писал он.— Мы с Надей пересадили на прежнее место другой куст, не хуже. Тетя Маруся успокоилась».

Юра всегда так. Если допускал ошибку, всегда сознавался, сразу же исправлял.

Я, конечно, ему выговор сделала, Марии написала письмо с извинениями. И она ответила, что не сердится, да и новый куст сразу прижился, обещает быть не хуже загубленного.

Эта гортензия растет в Клязьме и по сей день. Когда Надя приезжает ко мне, она захватывает цветущую ветку. Летом ли, зимой. Ведь зимой засохшая гортензия выглядит очень нарядно.

Мария писала мне не реже Юры, сообщала о его посещениях, говорила, что часто она рассказывает племяннику о жизни в Петербурге, о революции. Марии было что рассказать.

Моя младшая сестра Ольга рассказывала о своей комсомольской юности, о работе в Вязьменском райкоме комсомола.

Юра делился с ними своими новостями, впечатлениями о прочитанных книгах. Он, как и все ребята, старался побольше узнать о революционерах, о людях, совершивших подвиг.

В 1970 году накануне Юриного дня рождения поехала я в Люберцы. Давно уж туда приглашал директор СГПТУ № 10 Василий Михайлович Быков.

Прочитала я отзыв сына, который он оставил во время празднования 25-летия училища. «Рад побывать в родном училище. Здесь многое изменилось за эти годы. Училище стало лучше, краше, культурнее. Хорошо оборудованы учебные классы и кабинеты. Созданы хорошие условия для приобретения знаний и профессиональных навыков. Желаю коллективу училища дальнейших успехов в подготовке кадров, спорте, общественной жизни. Гагарин. 30.9.65».

В музее училища показали мне отчет мастера их группы Николая Петровича Кривова за 1951 год. 16 человек в производственной группе. Только двое справились с нормой выработки. Чугунов — 103 процента, Гагарин — 102 процента. По теоретическим предметам у них двоих все пятерки.

Как о каком-то особенно важном, торжественном событии сообщил Юра, что у них началась производственная практика, что работу они выполняют наравне с рабочими («только, конечно, помедленнее» — уточнил в письме), литейщики относятся к ним как к равным. Встает рано, быстро умывается, завтракает, выходит на улицу, а там вливается в рабочий поток.

Я представляла, с какой гордостью идет мой сын в рабочем строю.

Через месяц пришел денежный перевод из Люберец. Юра получил первую зарплату, часть послал «на хозяйство». Алексей Иванович поворчал немного:

— Чего выдумал, пусть бы себе, что необходимо, купил.

Но я видела, что отец доволен этим поступком сына.

Вообще надо сказать, что Алексей Иванович очень ревниво относился к мужской чести, считал, что мужчина должен взять на себя тяжелую работу, прежде всего позаботиться о близких, а потом уж о себе, не ждать помощи, а стараться самому такую помощь оказать. Высшей похвалой в его устах были слова: «Самостоятельный мужик».

Вечером в день получения перевода Алексей Иванович сказал:

— Нюра! Ты в письме-то Юру похвали, скажи, что поступил он по-мужски. И, знаешь что, отпиши, на что деньги его пошли, список составь. Пусть человек видит: деньги не на пустяки потрачены. А уж потом добавь, что пока больше не нужно присылать, мол, здоровы, работается хорошо.

После завершения первого года обучения в ремесленном училище Юра приехал в Гжатск на каникулы. Привез всем подарки на деньги, заработанные на заводе: мне — платок, отцу — нарядную рубашку. Валентиновой дочке — игрушки. А Тамаре привез трехколесный велосипед. Зимой Тамара болела, исхудала, ослабла. Вот Юра и

решил позабавить племянницу дорогой игрушкой. С какой же гордостью вручал он привезенное! Я радовалась подаркам, доброте и внимательности сына. Он вытянулся за эти полгода, стал ростом почти вровень со мной. Обычно ребята в этом возрасте угловаты, а Юра всегда ходил ровнехонько, как-то по-особенному подтянуто. Наверное, сказывалось то, что он много занимался спортом. Он и дома всегда делал зарядку, говорил, что это хорошая привычка, не надо ее терять.

В этот раз Юра очень много фотографировал своим «Любителем». Бывало, старые телогрейки, одежду на полу постелет, чтобы все щели закрыть, сам с Бориской в подпол залезет, учит его там фотоаппарат перезаряжать. Проявлял он дома, но вот печатать было негде. Помню, тогда мы все пленки на свет рассматривали. А потом Юра уже из Люберец фотографии прислал.

Разговоров, особенно первое время, только и было, что об училище. О практике, о теоретических занятиях, о товарищах, о комсомольской работе. Несколько раз заговаривал о том, что после ремесленного училища можно поступить в техникум, институт. Сказал, в общем, вроде бы безотносительно к себе, я же почувствовала: это его мечта. Он твердо решил поступить в вечернюю школу, хотя, конечно, одновременно учиться и в ремесленном, и в вечерней школе было бы нелегко.

Знать больше!

Конверт был объемистым. Сразу было видно: не один листок вложен. В конверте письмо: «Дорогая Анна Тимофеевна! Очень сожалею, что мы с Вами до сих пор не встретились, а возможность была.

В 1950/51 учебном году Ваш сын Юрий учился в Люберецкой средней школе рабочей молодежи № 1

при заводе имени Ухтомского. Я, Гурьева Марина Федоровна, в те годы была директором этой школы, вела уроки истории, часто встречалась с Юрой и помимо уроков, он был в редколлегии стенной газеты, случалось, обсуждал и со мной ее план.

В ноябре 1982 года наша школа отметила свое сорокалетие. Открыта она была во время войны, во исполнение решения Советского правительства о создании школ для работающей молодежи. Мы гордимся, что ученики нашей школы получали в ней крепкие, прочные знания. Посылаю Вам экземпляры нашей газеты об этом юбилее, воспоминания. Надеюсь, что задуманное мною осуществится и мы встретимся. Сообщите, пожалуйста, в какое удобное для Вас время мне приехать. Желательно летом.

16 февраля 1984 г.».

В конверте были газеты. В заметке о сорокалетнем юбилее этой школы рассказано, какие славные люди окончили эту школу, как школа помогла им в жизни. В первый, 1944 год выпустила она 15 учащихся, а ныне — по 90—100 человек ее оканчивают. 29 выпускников получили золотые медали, 38 — серебряные. «Вот тебе и вечерняя школа!» — подумалось мне.

Открыла я Юрину книгу «Дорога в космос». Там о вечерней школе написано: «Преподаватели и здесь попались хорошие. На преподавателей мне везло всю жизнь».

В другой заметке было написано то, что не только я, и Юра не знал. Оказывается, еще в 1951 году Марина Федоровна Гурьева отметила Юрину хорошую учебу в печати. Шли выпускные экзамены, она написала в заводской газете 6 июня 1951 года: «В седьмом классе сдают экзамены 32 учащихся. Все они хорошо написали изложение и выполнили письменную работу по алгебре. Первыми до установленного времени сдали работы по алгебре Гагарин, Чугунов, Черножуков, Золотов, Напольская и другие. По этому предмету и по геометрии они получили пятерки».

Юра, видно, не прочел эту заметку в горячее время экзаменов. Так и не узнал о ней.

Едва Юра уехал после летних каникул в Люберцы — письмо: «Задуманное осуществил, подал заявление в седьмой класс Люберецкой вечерней школы». Потом одно, второе письмо, а о школе — ни слова. Я, конечно, сразу же вопрос: как занятия? Сын ответил не сразу, потом объяснил, что с первого сентября не удалось посещать школу, так как на заводе была вечерняя практика. Но потом пошли в ремесленном им навстречу, расписание составили так, чтобы школу они могли посещать. И тут же Юра, зная мое беспокойство, добавил: «Обязательно уроки нагоню!»

Юра писал, что объясняют учителя очень хорошо, он старается слушать внимательно, так, чтобы дома только закрепить материал. А в следующих письмах — известия об отличной учебе, да и в ремесленном тоже не отставал, наоборот — в первых рядах шел и по теории и по практике. Знаю, нелегко ему было. В одном письме он обмолвился, что заниматься приходится много, когда в их комнате в общежитии выключают свет, он выходит на лестничную площадку, доучивая там.

Слушал-слушал Алексей Иванович, как я Юрино письмо читаю, и говорит:

— Что-то давно ничего не писал он о твоих сестрах.

— Некогда, наверное,— объясняю.

— Некогда, это понятно,— кивнул Алеша,— но ведь и женщинам, верно, надо помочь по хозяйству.

Я аж руками всплеснула. Куда ж Юре еще помогать? Жалуется, что двадцати четырех часов не хватает, чтобы все уроки да задания выполнить. Алексей Иванович не перебивал, переждал мою горячность, говорит:

— Так ведь, Нюра, сама знаешь, помогают, когда помощь нужна. Все-таки Юре напиши... Ты умеешь ласково сказать, но точнехонько, чтоб он понял, что помогают не от нечего делать.

Не сразу я нужные слова нашла, такие, чтобы сын не подумал, что мы им недовольны, но и мысль Алешину, правильную, прочувствовал.

Понял. Описал, как был в Клязьме, починил крылечко, подправил зимние рамы.

В вечернюю школу он пошел не один, еще двух товарищей уговорил. Они так и держались втроем: Юра, Тимофей Чугунов и Саша Петушков. Помогали друг другу. Мне их дружба нравилась. Все трое закончили

ремесленное с отличием, получили уважаемую рабочую специальность, были аттестованы на пятый разряд литейщика-формовщика. Да и седьмой класс в вечерней завершили с похвальной грамотой.

Конечно, перед экзаменами он волновался. Я это почувствовала по письму, уж очень много он о трудностях в тот раз писал. Ну, думаю, готовит оправдания, если не все «на отлично» сдаст. Потом сообщил, что хотелось эти дни как-то выделить. Вот он и предложил всем ребятам ходить на экзамены в белых рубашках. Получилось празднично и торжественно. Свидетельства об окончании семилетки и похвальные грамоты вручали им в Доме техники. Юру вызвали первым. Директор спросила, кем он хочет быть, он ответил — летчиком.

Вообще-то этот 1950/51 учебный год был у Юры какой-то суматошный. Чем он только не увлекался, куда его только не тянуло, планы менялись постоянно. То пишет, что собирается продолжить учебу, то поступить на завод, то уехать в далекий город. Раз он нам написал, что ему предложили по окончании ремесленного училища поступить в Ленинградский физкультурный техникум, потому что он к этому времени был неплохим спортсменом, участвовал вместе с рабочими Люберецкого завода сельскохозяйственных машин в соревнованиях, занимал призовые места, получил грамоты и вымпелы.

Читала письмо я, как всегда, вслух. Услышал Алексей Иванович о Юриных планах, помрачнел:

— Что же это за работа — бегать? Ты ему напиши, Нюра, что мужчине такое не к лицу.

Я попыталась объяснить Алексею Ивановичу, что он заблуждается. Хотела заступиться за сына, тем более что тот сообщал, что даже отборочные испытания уже прошел, экзамены вступительные выдержал на круглые пятерки (это место письма я Алексею Ивановичу не читала, решила прежде подготовить). Но муж уперся:

— Напиши, Нюра. Если он в моем совете нуждается, слова моего ждет, так вот оно: я не согласен! Пусть бегает или там во что хочет играет, если останется свободное время от нужных дел.

Переубедить мужа я не смогла, не знала, как к разговору приступить, уведомить его, что Юра уже сам все решил. Но тут, слава богу, пришло новое письмо. Кто-то из друзей разузнал, что отличники учебы могут быть

направлены в техникум по специальности. Литейное отделение имелось в Саратовском индустриальном техникуме. Пошли они к директору училища, попросили дать направление. Тот с пониманием отнесся к желанию ребят: выдал необходимые документы, направления, рекомендации, бесплатные билеты на саратовский поезд и пожелал успехов.

Повез ребят в Саратов их воспитатель Владимир Александрович Никифоров. Учел директор училища, что ребята, хоть годами не дети, но могли бы растеряться в новом городе, что-нибудь напутать. Воспитатель домой не возвратился, пока своих подопечных в общежитие не устроил.

«Конечно, все решилось правильно,— писал Юра.— Каждый спортсмен, каким бы он ни был мастером, должен иметь какую-то специальность, заниматься производительным трудом. Не человек для спорта, а спорт для человека!»

Алексей Иванович был удовлетворен:

— Правильно Юрка сделал, что совета послушался. Ты, Нюра, напиши, что мы его поздравляем.

В Саратовский индустриальный техникум приняли трех друзей из Люберец без экзаменов как отлично завершивших обучение в ремесленном училище и седьмом классе школы.

Юра был поражен могучей Волгой, описывал город, где ему предстояло четыре года жить и учиться, делился, что в группе они, пожалуй, самые молодые, так как поступают люди, уже поработавшие на заводе, несколько человек были в военных гимнастерках — видно, участники Великой Отечественной войны.

Вот какое письмо написал Юра в Клязьму моим сестрам Марусе, Ольге и их детям:

«Привет из Саратова!

Здравствуйте, тетя Маруся, тетя Оля, Надя, Лида, Вовочка и Галочка. Привет всем остальным.

Сегодня у меня свободный вечер, и я решил написать письмо вам и домой.

В техникум я уже зачислен, еще 18-го нам об этом сказали. С 15 по 17 сдавали пробу в мастерских. 18-го сообщили, что зачислены, и отправили в колхоз на два дня на работу. Этот колхоз расположен в 200 км от Саратова. Мы ездили на своей машине и помогали кол-

хозникам вывозить хлеб на элеватор. Несмотря на засушливый год, хлеба в колхозах много. Овощей же и фруктов в Саратове немного, и они немного дешевле, чем в Москве. В этом году на овощи и фрукты повлияла засуха. Местные жители говорят, что такое жаркое лето бывает здесь очень редко. Жара сейчас стоит такая, что жарко ходить в одной рубашке. На небе почти не бывает облаков. За все время, сколько я здесь нахожусь (с 10 по 23), выпал утром лишь один маленький дождь. Одно спасение — сидеть в Волге. Я загорел так, что Наде теперь далеко до моего загара. Как на юге.

Сейчас помогаем в подготовке техникума к учебному году. Пишем лозунги и т. д.

Мой адрес: г. Саратов, ул. Мичурина, д. № 21. Гагарин Ю. До свидания. Пишите все о себе. С приветом. Ваш Юрий.

Жду ответа. 23.VIII-51 г.».

Так что этим летом нам свидеться с Юрой не удалось. Я очень скучала без него.

Только заботы отвлекали от мыслей о сыне. А забот этих прибавилось. В семье Валентина после Люды появилась вторая девочка, Галинка. Сын к этому времени отделился, но дом он поставил рядом с нашим, так что девочки постоянно были у бабушки с дедушкой.

Родился второй ребенок и в семье Зои и Дмитрия. Когда привезли мы Зою из роддома, она сказала:

— Назовем мальчика Юрой.

Я поняла, что и она тоскует по любимому брату.

Осенью 1952 года Борис объявил, что задумал тоже идти в ремесленное училище. Мне не хотелось его отпускать, он-то не такой организованный был, как Юра. Но Боря настаивал, пожаловался даже Юре, что ему препятствуют. Юра тут же пришел брату на помощь, написал, что хоть учился Боря не так уж прилежно, но человек он работящий и не надо, мол, его будущее губить.

Уехал Боря в Одинцовское строительное ФЗУ, которое проводило у нас в Гжатске набор ребят. Стал обучаться на каменщика. Закончил ФЗУ успешно, получил высокий рабочий разряд, вернулся в Гжатск отстраивать родной город. Так что его рабочая биография началась с шестнадцати лет.

Я несколько раз приходила на стройку. Постою, издалека — чтобы он не приметил — посмотрю на млад-

шего. Напоминал он моего Алешу в его молодые годы. Вроде бы неторопливы движения каменщика, а сноровисты: стенка незаметно, но ровнехонько поднимается.

Вплоть до того времени, как ему пришла пора в армию идти, поработал Борис на стройках, стал опытным рабочим, люди его за труд уважали, молодежь выбирала в комсомольское бюро.

„Взлёт разрешаю!"

Летом 1981 года пригласили нас, родных Юрия Гагарина, на встречу в Саратовский индустриальный техникум. Приехали и товарищи Юры по СИТу. Гидом стал у нас один из Юриных товарищей, Виктор Сидорович Порохня, кандидат наук, преподаватель Московского авиационного института.

Приехали в саратовский парк «Липки», Виктор Сидорович спросил:

— Как вам нравятся эти чугунные решетки?

И указал на ограду вокруг парка.

Я поняла, что вопрос неспроста.

— Хорошие,—говорю,—старинные, что ли?

— Не старинные, но примечательные. Стоят около тридцати лет. Выполнены по заказу горисполкома учащимися техникума. Между прочим, первые решетки отливали как вступительную пробу отличники из ремесленных училищ. В том числе — выпускники люберецкого училища Гагарин, Петушков, Чугунов.

— А вы?—спрашиваю.

— Я тоже,—ответил Порохня и пояснил:

— От экзаменов, как положено отличникам, мы были освобождены, профессиональную пробу выдержали успешно. Мы сами делали формовочную

смесь, формовали, варили в вагранке чугун, заливали в опоки, выбивали и вчерне обрабатывали готовые решетки. Заказ был выполнен хорошо.

Виктор Сидорович не спеша перечислял, я видела, что ему приятно рассказывать, приятно, что дело их молодых рук до сих пор служит людям.

Я подошла, положила руку на тяжелый, такой основательный металл...

Юра понимал, что мы без него скучаем, поэтому старался, чтобы мы поменьше ощущали его отсутствие. Письма по-прежнему приходили обстоятельные. Его, Петушкова и Чугунова прозвали «неразлучными москвичами», учеба у них ладилась. Но у многих учеба шла трудно, особенно у тех, кто в последний раз сидел за школьной партой еще до войны.

Зоя в этом месте письма вздохнула:

— Могу себе представить, как трудно припоминать. Я уж на что хорошо училась, а, кажется, заставь учиться — не смогу. А если человек раньше занимался не ахти как?

Юра тоже это понимал. Они, «неразлучные москвичи», изо всех сил помогали своим друзьям — бывшим фронтовикам восстановить забытые знания. Но не все смогли выдержать учебную нагрузку, особенно те, у кого были семьи. Вот и случилось, что отсеялось больше половины студентов. «Осталось нас пятнадцать человек!» — сообщил Юра.

Жили они все в одной комнате. На тесноту не обращали внимания, наоборот, считали, что так удобнее заниматься, помогать друг другу. Как о своих победах сообщал Юра о том, что у товарищей по группе все меньше становилось двоек, а скоро стали бороться и с троечками.

Поделился Юра, что переписывается с Павлом Дёшиным — Паша к тому времени поступил в Торжокский индустриально-педагогический техникум.

Рассказывал Юра о своих новых товарищах. В техникуме дружил он с одногодками Витей Порохней, Женей Стешиным.

Немало было в письмах об общих увлечениях. «Спортом занимаемся с самого утра,— писал Юра.— От общежития до училища путь в километр. Преодолеваем его за 5 минут».

Валентин, прослушав это письмо, усмехнулся:

— Мировые рекорды ставят.

Но Юра учел, что читать будем все, пояснил: километровый отрезок приходится сокращать. Получается бег с препятствиями — через заборы, зато намного короче.

Но это были шутки, а по-серьезному поделился, что все в группе занимаются спортом. Увлек их директор техникума.

Юра любил подвижные игры, поступил в баскетбольную секцию, прислал фотографию команды. Стоит он первым. Самый невысокий, но видно — сильный. Стал в команде капитаном. Играли хорошо. Команда в соревнованиях всегда отличалась, занимала даже первые места. Другие увлекались лыжами, третьи, конечно, футболом. И об их успехах Юра не забывал написать.

Сначала Алексей Иванович слушал новости о спортивных успехах с молчаливым осуждением, думал, что Юра не бросил еще мысль о спортивной профессии. Но потом понял, что сын спорту отдает только свободные часы.

В Саратове хороший оперный театр, и Юра стал ходить на спектакли. Я прикинула, что выкраивать ему на билеты нелегко из маленькой стипендии, послала ему денег. Но Юра тут же откликнулся: мама, не беспокойся, не отрывай от себя, знаю — вам тяжело достаются деньги. Нас обувают, одевают, даже кормят бесплатно, так что стипендия полностью идет на развлечения.

На самом же деле они часто ходили разгружать вагоны, чтобы заработать на кино и театр. Но то, что достается нелегко, больше ценится. Юра, его товарищи особенно ценили театр, потому что путь к нему лежал через работу для покупки билетов.

Только в Саратове он впервые услышал оперу. О спектакле напишет, о композиторе тоже сообщит. Так в Юриных письмах прочитала я о Глинке, Чайковском, Даргомыжском, Бизе.

Организовывала эти посещения их классный руководитель, преподаватель математики Анна Павловна Акулова.

Однажды всей группой пошли они в театр, возвратились поздно, учить математику не стали — посчитали, что раз вместе с Анной Павловной были на спектакле, она поймет, что готовиться им было некогда.

На другой день студентам пришлось туго. Чуть ли не всей группе выставила Анна Павловна двойки. Юру она вызвала последним. Память у него была цепкая, даже не готовясь, он все запоминал, потому и получил пятерку. Но случай этот на Юру очень подействовал. Многими вопросами он задавался. Чувствовалось, что где-то в глубине души он осуждает Анну Павловну за строгость, но в конце написал, что — нет, поступила преподавательница очень правильно. Готовятся ведь они, учащиеся индустриально-педагогического техникума, к педагогической работе, а педагогу-преподавателю, мастеру ПТУ, знания нужны, ребята пробелов не простят.

Неспокойно ему было, что вроде бы противопоставил он себя другим ребятам, получив пятерку. Они обсудили это, решили: надо на лекциях и занятиях получше слушать, поактивнее работать, тогда дома закреплять придется немного. Юра эту науку еще в ремесленном приобрел.

Но это — в конце обсуждения. А вначале были такие, что здорово набросились на него. Поэтому он писал: «Иногда, мама, правильно поступать труднее, чем неправильно. Но я никогда не отступлю от принципов».

Много писал Юра о книгах, которые удалось прочесть, — «Овод», «Повесть о настоящем человеке». Рассказ о подвиге и жизни бесстрашного летчика потряс его. После чтения книги, как рассказал в письмах Юра, они размечтались: вот бы увидеть Маресьева, вот бы поговорить с ним, вот бы посоветоваться о пути в авиацию. Конечно, понимали, что мечтания неосуществимые. Привел эти разговоры Юра, чтобы показать, что думы об авиации, о подвигах живут в нем.

В техникуме литературу преподавала Нина Васильевна Рузанова. Об этой учительнице, об ее интереснейших уроках Юра стал писать чуть ли не в первых письмах. Она смогла обязательное чтение сделать увлекательным предметом. Так проходили они роман «Война и мир» Льва Николаевича Толстого. Юра писал о героях, об их судьбах, несчастьях, свершениях, писал о них как о знакомых, живущих рядом людях.

Как-то Юра прислал длинный список книг, которые им рекомендовала прочитать преподавательница. Читал он много, наверстывал то, что в детстве не успел.

Писал он так интересно, что некоторые перечисленные им книги я взяла из библиотеки. Зато когда Юра приехал на каникулы, мы не только говорили о домашних разных разностях, но и делились впечатлениями о прочитанных книгах. Юра сказал:

— Я, мама, так и знал, что чтением тебя увлеку. Список специально переписал.

Вот и получается, что не только родители воспитывают своих детей, но и дети — родителей.

Уехал Юра в Саратов, и опять я получала объемистые конверты, листки, исписанные его четким, разборчивым почерком. Я не была в этом городе, но после Юриных писем, кажется, многое о нем знаю. Выбрали Юру в бюро комсомольской организации, был он также секретарем спортобщества «Трудовые резервы».

Домашние посмеивались, что теперь я вслед за сыном должна заняться спортом, в баскетбол играть. Я не обижалась.

В музее Саратовского техникума лежит записка преподавателя физики Николая Ивановича Москвина.

«Директору техникума т. Коваль А. М.

Учащийся группы Л-21 Гагарин в течение 1951/52—1952/53 учебных годов состоял председателем физического кружка, за эти два года сделал три доклада. За указанную работу прошу вынести ему от лица дирекции благодарность с занесением в личное дело.

15.06.53 г. Москвин Н.»

Я читала короткие строки, вспоминала рассказы сына, с благодарностью думала о преподавателях, которые не забывали отметить добрым словом дела своих учащихся.

Приехав на каникулы, Юра особенно увлеченно рассказывал о физике, о преподавателе Николае Ивановиче Москвине, об организованном им физическом кружке.

— В который ты, конечно, ходишь,— тут же заметил Алексей Иванович.

— А как же! — подтвердил Юра.

— И как это ты везде поспеваешь?— не то спросил, не то осуждающе сказал отец.

— Когда интересно, все можно успеть. Нужно только время поточнее рассчитать.

— Гляди-ка, как просто оказывается...

Мне показалось, что Алеша хочет немного осадить сына. Так он делал, если слышал хоть намек на похвальбу. Я вмешалась. Ведь Юра не хвастался — рассказывал.

— Ведь он, отец, запоминает все сразу. Я вот тоже книгу раз прочту — все имена, фамилии помню, события подробно могу рассказать. Или надо памятливость скрывать?

Тут Алеша примирительно проворчал:

— Не защищай, не защищай! Не ругаю я, расспрашиваю.

Юра писал часто о занятиях в физическом кружке, о докладах, которые делают студенты, о том, как приборы готовят к докладам, многое делают своими руками. Вот и ему поручили доклад, товарищам он понравился. И тогда он сам предложил новую тему — о Константине Эдуардовиче Циолковском.

Еще в гжатской школе, по совету Льва Михайловича Беспалова, читал Юра об этом ученом, даже небольшую лекцию для ребят приготовил.

Но в техникуме все было серьезнее. Юра сам стал взрослым, хотел, чтобы его доклад был глубоким. В одном письме делился: прочел то-то о Циолковском, прочел такую-то работу самого ученого. Много он мне выписок из его работ присылал, восхищался, что Циолковский смог многое предвидеть. Доклад его захватил, это чувствовалось.

После космического полета Юра в своей книге «Дорога в космос» этому докладу на студенческом кружке посвятил много строчек. Очень большое значение имел он для Юрия.

«Циолковский перевернул мне всю душу,— писал он.— Это было посильнее и Жюля Верна, и Герберта Уэллса, и других научных фантастов. Все сказанное ученым подтверждалось наукой и его собственными опытами. Циолковский писал, что за эрой самолетов винтовых придет эра самолетов реактивных. И они уже летают в нашем небе. Циолковский писал о ракетах, и они уже бороздили стратосферу. Словом, все, прозорливо предви-

денное Циолковским, сбывалось. Должна была свершиться и его мечта о полете человека в космические просторы. Свой доклад я закончил словами Константина Эдуардовича: «Человечество не останется вечно на Земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы стратосферы и затем завоюет себе все околосолнечное пространство».

Когда я прочитала Юрину книгу, вспомнила, что именно эту фразу выписал мне Юра в своем письме из Саратова в 1953 году.

Но значение работ Циолковского в жизни Юры ни я, ни даже он в те дни не осознавали. Было это одним из увлечений сына. Время потом позволило все оценить.

В 1983 году одноклассники Юры по гжатской средней школе пришли ко мне. Посетовала я, что письма Юры пропали. А ведь писал он часто, подробно. Позже одноклассница сына передала в Мемориальный музей Ю. А. Гагарина его письма к ней. Как же благодарна я ей — Аиде Александровне Лукиной!

Есть в письмах строчки: «Из Гжатска, кроме мамы, никто не пишет». Товарищам они в упрек. Мне — как привет.

Разложила я письма по числам: 7, 11, 26 февраля, 7, 27 мая, 8 июня 1954 года.

Когда Юра перешел на третий курс техникума, его школьные товарищи закончили среднюю школу, некоторые поступили в институты. А Юра всегда так мечтал о серьезном образовании. Сообщил он мне об учебе друзей вроде бы вскользь, но я почувствовала его беспокойство.

— Было бы желание у человека — он всегда учиться время да силы найдет, — написала я ему.

— Знаю, — ответил.

Так мы перебросились словами, писали вроде бы не о его судьбе, но на самом деле — о ней.

Письма помогли выделить это время. Он все больше и больше писал об учебе своей и товарищей по группе.

Жили студенты коммуной, дружно. Помогали друг другу во всем. Как когда-то с отставшим после болезни

Пашей Дёшиным, занимался Юра по математике с Витей Порохней. Тот увлекся футболом так, что обо всем на свете забыл. Анна Павловна Акулова сразу же это двойками отметила. Нагонять товарищу пришлось не одну неделю. Выправил. Да не кое-как. До пятерок дошел. «Зато Виктору наука,— писал Юра.— Время надо распределять с умом. Не ребенок».

Недавно, вспоминая с Виктором Сидоровичем годы их учебы в техникуме, я об этом эпизоде сказала, спросила, ругал ли его Юра.

— Не без этого,— ответил Виктор Сидорович.— Мне ж исключение из техникума грозило! Отчитывать — отчитывал, но, главное,— помог. Он ведь математику знал очень хорошо, каждое задание готовил вместе со мной. Иногда приходилось заниматься до полуночи. Я запустил основательно, поэтому объяснения он начинал издалека. Объяснит, потом книгу закроет, говорит: «Теперь извлекай теорему из своего серого вещества. В учебник не подглядывать!» Если он видел, что до меня материал «дошел», садились врозь решать задачи. Но в конце Юра обязательно проверял мои ответы. Если что-то было не так, снова объяснял, поправлял. Исчезли у меня из тетрадей двойки, потом тройки стали редкими. Дошло до того, что сессию я сдал чуть ли не на все пятерки. Юра ведь помогал не только мне,— добавил Виктор Сидорович.— Всегда спешил на помощь нашим фронтовикам, которым учеба давалась трудно. Для Леонида Котова он оставался главным наставником в учебе с первого до последнего курса. В том, что тот стал специалистом, немалая заслуга Гагарина.

С восхищением рассказывал Юра о племяннике Василия Ивановича Чапаева, Валентине Чапаеве, о его боевых делах, о том, что Валентин в семнадцать лет стал курсантом танкового училища, закончил его. Фронт уже был на Украине, Валентин Чапаев получил именной танк «Василий Иванович Чапаев», громил фашистов в Польше, дошел до Берлина. После войны не постеснялся сесть за студенческую парту. Очень скромный человек, отмечал Юра. Очень упорный. «Я беру с него пример, мама,—

писал сын.— Если бы ты с ним познакомилась, он тебе бы понравился. Ты ведь любишь людей, которые к знаниям тянутся».

Вот и в письме к однокласснице 11 февраля 1954 года он писал: «Сейчас и на тренировки-то ходить некогда. Тренируемся с пяти часов вечера, а в это время занятия. Да к тому же пошли все специальные дисциплины. Из общеобразовательных остались литература, история и немецкий язык. Так что занятия ради тренировки не пропустишь».

Когда стал летом сдавать экзамены, писал мне о каждом. И в письме к другу поделился: «Экзамены все сдал... Все, кроме сочинения, сдал на 5, а сочинение — на 4. Осталось сделать курсовой проект по деталям машин и сдать по этому предмету экзамен. Сейчас у нас началась практика, на которой я еще не был. Практику проходим на саратовском заводе. Желаю тебе все зачеты и экзамены сдать только на 5. Для этого придется немало поработать. Но ведь человек может всего добиться, если захочет».

Много в тех письмах о спорте. «Сейчас наш областной совет проводит кубок области по баскетболу, а меня назначили главным судьей,— писал он в майском письме.— Вот и приходится разъезжать. У нас сейчас и в городе проходят большие соревнования по баскетболу. Нам осталось сыграть две игры. Пока мы находимся на третьем месте по Саратову».

В письмах домой писал он и о комсомольской работе, об интересных делах.

В саратовских институтах и техникумах училось много студентов из социалистических стран. Юра и другие комсомольские активисты решили провести в техникуме вечер дружбы. Откликнулись на приглашение с охотой, вечер получился веселый, интересный. А каждое выполненное дело человека делает все более самостоятельным.

Приближалось лето. Юра написал, что, может быть, задержится с приездом, спортом, мол, нужно заниматься. Мне, конечно, стало обидно: я всегда так ожидала встречи! Алексей Иванович тоже, смотрю, остался недоволен. Отписала я сыну о нашем ожидании.

Об этом в письмах друзьям-одногодкам он написал так: «Практика у нас кончается пятого июля. Но мы думаем закончить ее к первому и выехать домой. Меня

уже уговаривали сегодня в областном совете ехать тренером и представителем на всесоюзные соревнования в Брянск. Я пока согласия не дал. Не знаю, удастся ли отказаться. Выезжать туда нужно будет 8 июля и быть там числа до 25. Придется ездить почти месяц. На меня дома и так уже обижаются, что редко и мало бываю».

На соревнования он не поехал. Но и домой попал не сразу. Решил отправиться физруком в детдомовский пионерский лагерь. О предложении сообщил с некоторой опаской. Но против такого серьезного дела ни я, ни Алексей Иванович не возражали. Как и к каждому поручению, отнесся серьезно: книжки по воспитанию посмотрел, подолгу беседовал с воспитателями об особенностях ребячьих. Хотя и сам, кажется, ненамного от них ушел по годам. Но ребята эти были особенные. Следы войны, раны сиротства сказывались. Я ему в письме посоветовала: «Только не сердись на них. Даже если, на твой взгляд, они вредничают. Прежде всего пойми их, внимание на что-нибудь полезное переключи. Спорт тебе поможет».

Юра проработал все лето, его работой были довольны, с ребятами он подружился, они даже звали его к ним в детдом вести кружки. Но ему было некогда. Предстоял последний курс в техникуме.

Приехал домой Юра ненадолго. Как всегда — с подарками, рассказами, смехом и шутками. Увлеченно говорил о ребятах из детдома. Отметил, что это его первая педагогическая практика. Не была она запланирована в программах, но Юра не забывал, что учится он в индустриально-педагогическом техникуме. При разговорах слово «педагогический» особенно подчеркивал, говорил, что придется работать с ребятами, готовить их в рабочие. Поэтому радовался, что эту практику прошел отлично.

Обо всем говорили мы с сыном. Бывало, что-то делаем по хозяйству и разговариваем. Однажды в грустный вечерний час я сказала, что, боюсь, отвыкает от меня Юра.

— Мама! Пойми, что письма нас не разъединяют. Ближе делают. А мне даже помогают. Я, когда пишу, стараюсь слова поточнее подобрать, ярче мысль выразить. Вот и получается — словом овладеваю. А уж твои письма я по нескольку раз перечитываю.

— И я тоже, сынок.

— Не грусти, мама. Мы с тобой по-прежнему советуемся друг с другом, помогаем. Я без тебя ничего бы не смог. Даже если совет не успею спросить, все равно прикидываю: а что мама, отец скажут?

Грусть-то, конечно, была. Видела я его только время от времени, взрослел сын без меня. Но успокоил он, как всегда, ласково и мягко. Советоваться о делах тут же стал. В лагере он заработал деньги. Хотел себе костюм купить, ботинки, часы.

— Не возражаете?

Как я могла возразить? Валентин присмотрел красивый темно-зеленый костюм в клушинском магазине. Оказался Юре впору. Надел сын костюм—сразу солиднее стал.

Наступил последний год учебы в техникуме. Юра писал, куда направляли выпускников предыдущего года, ждал, видно, «свидания с металлом», как он выражался. Год был насыщенный. Вначале их отправили на практику на завод имени Войкова. Работал он много, готовился к своим будущим обязанностям серьезно. Но не забывал и о родных: съездил в гости и к моим сестрам, и к дяде Савелию Ивановичу, раза два приезжал к нам в Гжатск.

С удивлением и гордостью Юра поделился:

— Оказывается, с меня берут пример.

Мы все пили чай за столом, так Алексей Иванович аж поперхнулся.

— Это кто же такой?

— Лида поступила учиться в ремесленное, говорит, по моим стопам решила пойти.

Алексей Иванович только собрался по своему обычаю выговор сделать, как Юра, вроде бы не заметив намерения отца, спрашивает его:

— Пап! Что это ты ребенка стал баловать?

Тут уж Алексей Иванович растерялся. Юра-то не в бровь, а в глаз попал. К этому времени у нас в семье было четверо ребятишек: у Зои—семилетняя Тамара и трехлетний Юрик, у Валентина—Люда и Галинка, пяти и двух лет.

Сын сразу уловил, что внук—слабость деда. Я сама своего Алексея Ивановича не узнавала: все маленькому Юрику он разрешал.

Юра, видно, захотел смущение отца увидеть. И вот ведь правда: Алексей Иванович укорять — укорял, а сам возражений не любил.

Отец, действительно, растерялся, даже запинаться стал, объясняя:

— Так ведь... мальчик... внук...

У Юры глаза от сдерживаемого смеха блестят, а говорит серьезно:

— Значит, так: нас в строгости держали, потому что — мальчики; внуку дедушка потакает, потому что мальчик. Нелогично.

Тут Алексей Иванович на другое разговор перевести постарался.

Обсудили мы и главную Юрину новость — поступление в аэроклуб. Пишу «главная» не только потому, что годы выявили: увлечение Юры привело его к намеченной цели. Он и тогда, в 1954 году, говорил об аэроклубе, как о чем-то очень важном. А ведь если рассудить, в то время это было лишь одно из Юриных увлечений: баскетбол, литературный и физический кружки, аэроклуб.

«Мама! В аэроклуб объявили прием четверокурсников техникумов. Аэроклуб — это то, о чем только можно мечтать!»

В тот же вечер Юра, Виктор и их товарищ Женя Стешин подали заявления. Если бы был с ними Тимофей Чугунов, тоже обязательно подался бы в аэроклуб. Но Тимофея призвали на третьем курсе в ряды Советской Армии. Жалел Юра, что не сразу их допустили к полетам. Поначалу все те же занятия, все те же часы за партами. Наверное, ребята заскучали, но вида Юра не подал.

— Ничего. Преодолеем! — говорил он. — До полетов дойдем!

Юра уже однажды (еще на втором курсе) вместе с Виктором Порохней поступал в саратовский аэроклуб, позанимались они месяца два-три, аэроклуб закрылся. Желание летать от неудачной попытки только укрепилось. На четвертом курсе, накануне дипломов, думалось, не до посторонних занятий. Но ребята радовались предоставившейся возможности попробовать свои силы в небе. Даже предстоявший отъезд на практику не помешал. Договорились в аэроклубе, что пропущенные занятия нагонят.

В ту осень Тамара пошла в первый класс. Юра, пока у нас гостил, провожал ее в школу. К тому времени отремонтировали разбитое во время войны двухэтажное здание.

— Теперь школа на школу похожа! — отметил Юра.

Преподавали в средней школе многие учителя, которые учили еще Юру.

— Ты уж меня не подведи, Тамарочка! — предупредил он свою племянницу. — Учись отлично.

Юра рассказывал, что скоро поедет в Ленинград, куда ему выпала вторая преддипломная практика. Мечтал увидеть крейсер «Аврору», Смольный, памятники, музеи. Осторожно так спросил: «Мама, а ты что из детства помнишь?»

Помнила я многое, все это касается жизни путиловских рабочих, их борьбы. Жили мы на петербургской заводской окраине шесть лет, но в музеях, загородных дворцах и парках мне побывать не пришлось. Не для рабочих они строились. Да и жизнь была такая, что времени на прогулки, развлечения не оставалось.

Уехал Юра в Ленинград. Письма его оттуда приходили подробные, наверное, ему хотелось вновь познакомить меня с городом моего детства, городом революции, который тогда, в далекие годы, мне не удалось узнать. Одна из его первых самостоятельных экскурсий была на бывший Путиловский завод. Все намеченное он осуществил, очень красочно, живо описал. Да и практику завершил на «отлично».

Вернулся он в Саратов незадолго до нового, 1955 года.

Юре предстоял нелегкий год — последние месяцы перед дипломом. Теперь письма сына стали короче. Я понимала: он трудится на два фронта. Понимал, что без известий от него мне будет одиноко, поэтому свою сыновнюю обязанность выполнял неукоснительно. Сообщал, как продвигается работа над дипломом. Много ему приходилось чертить. Юра добрым словом вспоминал старенького учителя, который преподавал им черчение в ремесленном училище.

Не знаю уж, как он успевал, но занятия в аэроклубе не пропускал. В письмах часто упоминалось имя его летчика-инструктора Дмитрия Павловича Мартьянова. Все привлекало Юру в этом человеке. То, что окончил

Борисоглебское училище военных летчиков, в котором когда-то учился Валерий Павлович Чкалов. То, что он после демобилизации не расстался с небом, стал инструктором аэроклуба. То, что дисциплинированным, точным, подтянутым он оставался и после армии. То, что умел подбодрить ребят, учил их преодолевать страх. Мартьянов готовил своих курсантов и к первым парашютным прыжкам.

Так часто бывало с Юрой: в какое-либо дело влюблялся он благодаря тому человеку, кто это дело олицетворял. В школе любил физику, потому что обожал Льва Михайловича Беспалова. В ремесленном приворожил его к раскаленному металлу мастер Николай Петрович Кривов, в техникуме упоенно изучал законы физики — он с особым уважением относился к преподавателю Николаю Ивановичу Москвину. А может, все происходило наоборот? Может, эти люди, увлеченные своим предметом и будучи истинными воспитателями, умели перед учениками раскрыть красоту своего дела, страстно увлечь им ребят?

Наставниками в аэроклубе были очень опытные летчики. Сергей Иванович Сафронов в 1943 году стал Героем Советского Союза, теперь обучал курсантов летному мастерству, говорил о том, что летчику нужны крепкие нервы, твердый характер, спокойствие, разум. «Сильная воля — не врожденное качество, ее можно и надо воспитывать!» — эти слова Юре показались очень важными. Он их записал.

Начальником аэроклуба тоже был Герой Советского Союза — Григорий Кириллович Денисенко.

Юра, Виктор, Женя уважали своих учителей, преклонялись перед их военными подвигами. Получить замечание от таких людей считали стыдом.

Зная Юрину натуру, я по письмам поняла: его неудержимо тянет аэродром, самолеты. Не забросил бы учебу в техникуме, ведь идет последний год, решается судьба! Осторожно, чтобы не обидеть Юру, написала, спросила, как бы между прочим, когда окончание работы над дипломом, куда направят трудиться.

Юра, конечно, сразу же все понял, успокоил, что дипломная работа продвигается успешно, назначен день защиты. Но все равно бо́льшая часть письма была отведена аэроклубовским впечатлениям.

Среди писем, пришедших в апреле 1984 года, было одно из Саратова.

«Анна Тимофеевна! Мы, работники Саратовского аэроклуба, гордимся Вашим сыном, а нашим учеником. Аэроклуб сыграл решающую роль в становлении Юрия Алексеевича как летчика. Очень важно, как начинается путь. Юрий Гагарин с первых летных шагов показал и доказал свою любовь и преданность авиации. Из того набора, где был Юра, ему первому был доверен самостоятельный полет...»

В конце автор сообщил, что за первоначальное обучение первого космонавта Земли Федерация космонавтики СССР наградила медалью имени Ю. А. Гагарина его первых учителей-авиаторов. Под письмом стояла подпись: Константин Филимонович Пучик. Для меня эта фамилия связана со словами: «Взлёт разрешаю» и с годом 1955-м.

Однажды распечатываю я письмо от Юры, а там — номер молодежной газеты. Развернула, ищу глазами заметку, понимаю — не зря же ее Юра прислал. «День на аэродроме» называется. Я ее столько читала и перечитывала, что запомнила дословно:

«Сегодня учащийся индустриального техникума комсомолец Юрий Гагарин совершает свой первый самостоятельный полет. Юноша немного волнуется. Но движения его четки и уверенны. Перед полетом он тщательно осматривает кабину, проверяет приборы и только после этого выводит свой Як-18 на линию старта. Гагарин поднимает правую руку, спрашивая разрешения на взлет.

— Взлёт разрешаю! — передает по радио руководитель полета К. Ф. Пучик.

В воздух одна за другой взмывают машины. Инструктор, наблюдая за полетами своих питомцев, не может удержаться от похвалы:

— Молодцы, хлопцы!»

На овальной фотографии — Юра в кабине самолета. Фотография небольшая, но хорошо видно Юрино лицо.

Алексей Иванович выслушал письмо из Саратова, рассмотрел газету. Конечно, мы были несказанно рады, что о сыне в газете напечатали. Честь это большая. Но

подумал-подумал, поразмышлял мой Алеша и, нахмурившись, говорит:

— Нюра, а почему, думаешь, именно о нем напечатали?

Я предположила, что у него лучше, чем у других, обучение идет. Алексей Иванович кивнул:

— И я так думаю. Вот ты и пропиши, чтобы он носто не задирал, не вообразил, что он особенный.

Так я, конечно, говорить ему не стала. Радость сыну омрачать не хотела, но все-таки предостеречь надо было, вот я и написала: «Мы гордимся, сынок. Но смотри, не зазнавайся...»

Наверное, слова мои материнские запали Юре в сердце, если спустя десять лет вспомнил он о них, привел в своей книге «Дорога в космос».

Вот и в письмах тех лет другу сын пишет: «Ты почаще критикуй, а то без критики человек может испортиться. Я же на нее нисколько не обижаюсь, наоборот, приветствую». Зная Юрину натуру, подтверждаю: говорил он не ради красного словца, а действительно ждал правдивых оценок своих поступков.

Наконец долгожданная весть: Юра закончил техникум, получил диплом с отличием. Мы его ждали домой, но сын сообщил, что наступил заключительный этап в аэроклубе, живут курсанты по-военному, в лагерях рядом с аэродромом, почти каждый день полеты. Все лето тренировались они. Подошла пора выпускных экзаменов. Юра все сдал на «отлично».

Теперь, когда документы о Юриной учебе собраны в его мемориальном музее, в нашем прежнем доме, я, случается, остановлюсь у стендов, перечитаю знакомые строки:

«Отзыв о выполнении дипломного задания учащимся 4 курса Саратовского индустриального техникума Главного Управления трудовых резервов при Совете Министров СССР Гагариным Ю. А.

При выполнении проекта учащийся умело использовал данные технической литературы и опыт советских литейных цехов и передовых заводов.

Учащимся самостоятельно решен ряд технических вопросов, а также вопросы учета, планирования и организации производства.

Представленный проект свидетельствует о хорошей подготовке учащегося и об умении самостоятельно и вдумчиво решать технические и методические вопросы.

Оценка проекта:

Пояснительная записка — 5.

Графическая часть — 5.

Общая оценка — 5».

Рядом — характеристика:

«За все время пребывания в техникуме тов. Гагарин был исключительно дисциплинированным учащимся, успеваемость его отличная.

Хороший физкультурник. Его общественная работа — секретарь ДСО «Трудовые резервы».

Принимал активное участие в общественной жизни техникума и группы. Выступал с докладами на литературных конференциях техникума, являлся активным участником физико-технического кружка, относился исключительно добросовестно к порученной работе».

А вот выписка из сводной ведомости успеваемости учащегося IV курса литейного отделения группы Л-41 Гагарина Ю. А.: «отлично», «отлично», «отлично», и так все 32 предмета, одна лишь четверка в этом ряду — по психологии. Вот почему вывод преподаватели сделали такой:

«Присвоить квалификацию техника-технолога литейного производства, мастера производственного обучения и выдать диплом с отличием».

Так Юра учился, а ведь в это же время он страстно, увлеченно овладевал и другим делом — летным.

Имеется в музее и «Выписка из ведомости индивидуальных оценок пилотов первоначального обучения», окончивших Саратовский областной аэроклуб ДОСААФ 24 сентября 1955 года. Юрины отметки такие:

«...оценка теоретической успеваемости: самолет Як-18 — отлично; мотор М-11р — отлично; самолетовождение — отлично; аэродинамика — отлично; радиосвязь — отлично; средний балл — отлично». Там же сказано: «Оценка летной подготовки — отлично; общая оценка комиссии — отлично». А в конце написано: «Решение комиссии о дальнейшем использовании по специальности: курсанта Гагарина Ю. А. направить для дальнейшего обучения в 1-е Чкаловское военно-авиационное училище».

Читаю — и хочется мысленно сказать ему слова похвалы, слова поощрения, слова, которые при жизни Юры мы всегда с Алексеем Ивановичем произносили с оговоркой. Поощряли, конечно, но тут же добавляли: мол, не гордись, сынок, нос задирать негоже. Перестраховывались, как теперь выражаются. Наши опасения объяснимы, понятны. Родители всегда за детей беспокоятся, предостерегают, опасность хотят от них отвести. Предостерегали, предостерегали, а Юре, видать, опасность нескромности, которая сразу же вызывает людское осуждение, и не грозила.

Так получается, что от беды отводили, а зато ласки недодали. Как же я горюю теперь, что на ласковые слова скупилась! Особенно по ночам. Но утром, когда мысль яснее работает, понимаю: все было правильно! Алеша мой с его скромностью хороший урок ребятам давал. Предостерегать надо. Ведь когда ошибка произойдет — поправлять поздно. Загладить ее можно, а переделать так, чтобы и следа не осталось, нельзя. Жизненный путь один, и вернуться к началу дороги, чтоб ее заново, подругому пройти, невозможно.

Правильно поступали. Но сейчас, когда моих младших в живых нет, постоянно мучаюсь невысказанными ласковыми словами.

От курсанта до офицера

Познакомилась я с ними 27 марта 1984 года в лесу под Киржачом. Они — шестеро пятидесятилетних мужчин — подошли ко мне. Оказалось, вместе с Юрой учились в авиационном училище. Сказали, что прочитали «Повесть о сыне» — мою первую о нем книгу, как раз говорили о ней. Один из летчиков чуть замялся. Я поняла — есть какое-то замечание.

Критика — вещь неприятная, но нужная. Попросила продолжить.

— Анна Тимофеевна! Получается, что Юрий был добрым, чутким, отзывчивым...

— А разве не так? — спрашиваю.

— Так! Но он был настоящим командиром: требовательным, не терпящим никаких компромиссов в вопросах, касающихся службы. Если что не так случалось, шел до конца, отстаивая правду. Напишите об этом.

— Что написать? Какие случаи были? Ведь я не знаю.

— Ну, просто укажите, что был он твердым, умным командиром, что эти качества закладывались в училище, где ему впервые было поручено командовать людьми.

Летчик протянул листок с фамилиями, номерами телефонов: Юрины товарищи, которые вместе с ним начинали военную службу, которые, как и он, с авиацией связали всю жизнь.

Юрино сообщение об училище мы с Алексеем Ивановичем встретили по-разному. Он, как бы между прочим, заметил:

— Что ж это такое? Опять учеба! Работать-то когда?

Вопрос был важный, жизненный вопрос, поэтому я возразила Алексею Ивановичу:

— Есть желание у сына — пусть учится. А у Юры больше, чем просто желание, у него все так хорошо получается!

Рассказала мужу, какое для меня было потрясение в детстве, когда я поняла после окончания Путиловского училища, что никогда уж мне за парту не сесть. Рекомендации были, способности были, желание так и переполняло меня. Но не было главного для продолжения обучения — денег в нашей рабочей семье.

Так неужели же сыну своему отсоветуем учиться? Тем более что семейные обстоятельства благоприятно складывались.

Жили мы в это время одной семьей с Зоей, ее мужем, детишками. Валентин с женой поставил рядом дом и, хоть в семье его уже было трое детей, в тяжелой, мужской работе нам не отказывал.

Убедила я моего Алешу. Написала Юре, что мы рады его решению, прямо сказала: «Есть, сынок, желание — учись. Чем сможем — поможем».

Первое письмо из Чкалова (ныне — Оренбург) заняло несколько страничек. Еще бы! Город-то был для Юры совершенно удивительным. Он отметил, что на улицах встречаются лошади и... верблюды. Но, конечно, больше всего в письме было об училище. Я уже заметила, что Юра всегда находил повод, чтобы гордиться делами того коллектива, в котором жил, где учился. Вот и сейчас он описывал славные дела людей, окончивших его военное училище. Здесь получили путевку в небо летчики, имена которых гремели еще до войны: Михаил Громов, Андрей Юмашев, Анатолий Серов. Более ста тридцати выпускников училища стали Героями Советского Союза.

Юра писал, что от вступительных экзаменов он освобожден, потому что у него диплом об окончании техникума с отличием, да и рекомендации из аэроклуба очень крепкие. Но он помогал готовиться товарищам. Отсеялась почти половина поступавших. Юра сожалел о неудачах ребят, с которыми уже успел подружиться. Прошедших испытания зачислили, подстригли под машинку, выдали форму. Она очень понравилась Юре. С какими подробностями он перечислял атрибуты новой одежды! Началась его новая жизнь. «Работа в училище предстоит большая»,— писал сын.

Это сразу же стало ясно, потому что первые месяцы из Оренбурга, кроме поздравительных, праздничных открыток, ничего не приходило. Значит, так был занят, что лишней строчки черкнуть было некогда.

Но тут, когда волнения у нас в доме улеглись, Юра сам чуть не ушел из училища.

В конце пятьдесят пятого тяжело заболел Алексей Иванович. Однажды утром почувствовал он слабость, прилег и едва не задохнулся — горлом пошла кровь. Думал отлежится — пройдет, но слабость не проходила. Врачи не смогли сразу определить заболевание. День-другой не садилась я за письмо Юре. Алексею Ивановичу становилось все хуже. Зоя укорила:

— Разве можно от Юры скрывать? Почему не сообщаешь?

Я-то знала, почему. Написала. Он сразу же ответил: подаю рапорт, обязан приехать, помогать.

Но тут запротестовал Алексей Иванович:

— Напиши, Нюра, чтобы не приезжал. Зачем это? Напиши: помирать не собираюсь, справлюсь,—говорил он негромко, прерываясь, но твердо.—А лучше пошли-ка телеграмму. А то учудит, не посоветовавшись.

Разговор Алексея Ивановича утомил, полез он по деревенской привычке на печку, заснул, проспал долго. Что случилось, не знаю, а только пошло здоровье на поправку.

Я сразу же поторопилась Юре все описать. Он ответил: отлегло, мол, от сердца, а то уж стал планировать, где смог бы работать, какую специальность предпочесть: литейщика или мастера в ремесленном, чтобы быть с отцом, чтобы маме помочь.

Вслед за поздравлением с Новым годом в 1956 году пришло долгожданное письмо. Юра поделился, что готовились к важному событию в жизни каждого советского воина: принятию присяги. Это произошло 8 января 1956 года. В письме дата была подчеркнута. Сыну хотелось, чтобы мы ее запомнили. Мы запомнили этот день!

Алексей Иванович сказал, что сам напишет Юре. Было понятно, что отцу хочется дать напутствие сыну-воину и окончательно успокоить. Алексей Иванович редко писал. Если брался за письмо, то по очень важной причине. Юра запомнил это письмо, даже в книге своей «Дорога в космос» о нем подробно написал. Он отметил, что, неся впервые караул у знамени училища, вспомнил это письмо, полученное накануне из Гжатска. Вот что написал он:

«Давая мне советы и напутствия, отец писал: «Юрий, где бы ты ни был, помни одно: колхозники и рабочие уважают честных, мужественных и храбрых людей, каждый советский человек ненавидит и презирает трусов. Малодушный никогда не поборет врага, потому что не верит в свои силы, не верит в стоящих рядом товарищей, не верит в победу».

Письма не было перед глазами, и прочел-то я его всего один раз, но припоминал из него фразы, сразу вдруг пустившие глубокие корни: «Честный воин бьется с врагом до последнего дыхания, до последней кровинки, предпочитает смерть бесчестию и полону».

И хотя письмо было написано рукой отца, я знал, что писалось оно вместе с матерью. «До последней кровинки» были ее слова.

Отец и раньше давал мне умные наставления, говорил, что честность, как солнечный луч, должна пронизывать собою всю жизнь, учебу и службу солдата, войти в его плоть и кровь. Отец требовал, чтобы я соблюдал порядок не только при начальниках, но всегда и всюду, при всех условиях.

— Военная гордость — глубокое народное чувство,— говорил он Валентину, мне и Борису — своим сыновьям.

И мы на всю жизнь запомнили его слова».

Слова Юры из его книги для меня как привет из прошлого от моего сына и как свидетельство его неизменного внимания и уважения к родителям.

С уважением писал он нам о своих командирах, о распорядке, дисциплине. Никогда не жаловался на строгость военных требований. Мне кажется, что он не чувствовал какого-либо стеснения от выполнения правил. Он был очень организованным, любил порядок во всем и всегда: в занятиях, одежде, делах. Я неизменно любовалась: какие же у него аккуратные тетради, конспекты, чертежи! Посмотреть приятно! Самые обычные, а будто на выставку приготовленные. Подтянут и строен он был в любой форме — учащегося, студента, курсанта.

Накануне мартовского праздника пришло мне из училища письмо. Командир Рябиков писал: «Уважаемая Анна Тимофеевна! В Международный женский день 8 Марта командование части, где служит Ваш сын Гагарин Юрий, поздравляет Вас со всенародным праздником. Вы, Анна Тимофеевна, можете гордиться своим сыном. Он отлично овладевает воинской наукой, показывает образцы воинской дисциплины, активно участвует в общественной жизни подразделения. Командование благодарит Вас за воспитание сына, ставшего отличным воином, и желает Вам счастья в жизни и успехов в труде».

Каждой матери приятно, когда слышит она похвалу своему ребенку. Отрадно было получить такое поздравление именно в начале марта. Для меня в эти дни двойной праздник: 8 марта наш общий, а 9-го — день рождения Юры.

Вот передо мной его письмо двоюродному брату Володе, написанное в марте 1957 года. Володя тогда плохо выступил на лыжных соревнованиях и очень переживал это.

«Вова, здравствуй! Вчера вечером получил от тебя письмо, за что большое тебе спасибо. Решил сегодня написать письмо, хотя времени свободного у меня не больше, чем у тебя. Я недавно послал письмо Лиде, в котором просил узнать, почему от тебя нет долго ответа. ...Живем мы сейчас среди широкой оренбургской степи. Кругом метель, вьюга да ветер воет, как в трубе. В феврале у нас была отличная погода, а с самого начала марта и до сих пор даже не хочется носа наружу высовывать. Все время ветер, вьюга, бураны. Порой бывают такие, что в десяти метрах ничего не видно. В такую погоду даже никого никуда не пускают из казармы. Уже надоела такая канитель, скорей бы приходила весна. Спасибо за поздравление с Днем Советской Армии.

...Вообще-то печально у тебя с лыжами получилось. Знаешь, бывает так, что кажется: все складывается против тебя. Но главное — не сдаваться и добиваться своего. Я думаю, ты так и делаешь. Конечно, обидно бывает, когда так получается, но ты не волнуйся. Сейчас ведь у тебя главное — учеба. И я рад за тебя, что все идет хорошо. Вот когда будешь учиться в институте, тогда дашь полную волю своим спортивным способностям. Куда ты думаешь идти после окончания десяти классов?»

«Гла́вное — не сдаваться и добиваться своего». С таким настроением Юра жил всегда. Он и окружающих заражал бодростью, уверенностью.

А потом в письме — речь о разных событиях и, конечно, об учебе. «Сейчас некогда разъезжать. Учим серьезную технику. Требуется много серьезного труда, чтобы знать. А знать ее необходимо хорошо. Вот и приходится поднажимать. Приближаются экзамены, будет вообще горячая пора».

Письмо это большое. Идет серьезный разговор, а потом Юра добавит: «Ну, понял что-нибудь?» Будто над собой усмехнется. Он любил шуткой, улыбкой перемежать разговор. Так и в письмах.

В отпуск Юра приехал вскоре после ноябрьских праздников. Приехал он с уже отросшей шевелюрой, в форме с нашивками сержанта. Конечно, ему сразу же захотелось все осмотреть, повидать. Привез нам подарки. Вообще ни разу не было случая, чтобы Юра приехал с пустыми руками. Даже когда учился в ремесленном, где денег у него было — меньше некуда.

Я чувствовала, что Юра хочет о чем-то поговорить со мной наедине. И догадывалась, о чем. В последних весточках из Оренбурга часто мелькало имя: Валя Горячева.

Я сама в его годы познакомилась с гармонистом Лешей Гагариным. Вот только радостью мне с родителями не пришлось поделиться: отец и мама к тому времени умерли. Не с кем было посоветоваться.

В один из вечеров, когда мы с Юрой остались одни в доме, подошла я к нему. Поняла, что сам он все никак не решается начать, и спросила:

— Расскажи, сынок, про Валю.

Он обрадовался — трудное начало пройдено, поведал, что познакомился с девушкой на танцевальном вечере в училище. Юра рассказал о Валиной семье. Там было шестеро детей.

— Хорошо, когда в семье много ребятишек! Значит, все к труду приученные, неизбалованные,— сказала я.

Это я знала по опыту.

Валя была самая младшая среди трех братьев и трех сестер. Она работала на телеграфе, а теперь поступила в медицинское училище.

— Я у них часто бываю,— сказал Юра,— эти праздники тоже отмечал у Горячевых.

Разговор у нас был откровенный, я спросила:

— Думаешь расписаться?

Юра неопределенно пожал плечами. Но мне показалось, что вовсе не от нерешенности, а потому, что он очень ответственно относился к своему слову. Сказал — значит, так и будет. Он же еще был курсантом, не мог содержать семью, поэтому, видно, считал, что о женитьбе говорить рано.

Мне хотелось напутствовать его. Знала, что и не спрашивая, он ждет моего слова. Поэтому сказала:

— Если любишь, то женись. Только крепко, на всю жизнь, как мы с отцом. И радости и горе — все пополам.

Говорила я с ним о женитьбе как о деле решенном, и Юре это было по душе. Разговор у нас с ним был долгий. Семейные дела сложные, всяко бывает.

На другой день Юра сказал, что хочет возвратиться в Оренбург. Я поняла его, не стала упрашивать остаться: его ждала любимая девушка.

Теперь он, уже не таясь, писал из Оренбурга о крепнущей любви, о планах. Об учебе сообщал в общих чертах — ведь был он военным человеком, да, пожалуй, мне не все было бы и понятно.

Но как-то сообщил, что у него произошло ЧП: получил он тройку. В следующей строчке уточнил: «Мама, не волнуйся, я ее исправил». Знал, что мне это сообщение будет неприятно. Это была первая тройка за все время его учебы. Поставил преподаватель справедливо, а Юра извлек урок. Серьезно подготовился и пересдал на пятерку. В этом же письме было написано: «Мы все потрясены полетом спутника».

Конечно, сейчас можно присочинить, что это его выражение обозначало предопределение судьбы. Нет! Тогда все мы, вся наша страна, весь мир были потрясены этим событием. Не мог его не отметить и Юра. «Не буду пересказывать статьи, знаю, читаете. Но как же здорово! Победа!»

Юра сдавал выпускные экзамены, как всегда, успешно. Его аттестация: «За период обучения в училище показал себя дисциплинированным, политически грамотным курсантом. Строевая и физическая подготовка хорошая. Теоретически подготовлен отлично. Государственные экзамены по теоретическим дисциплинам сдал со средним баллом 5. Приобретенные навыки закреплял прочно. Летать любит, летает смело и уверенно. Училище окончил по 1 разряду. Делу КПСС и социалистической Родине предан. Вывод: достоин выпуска из училища летчиком истребительной авиации с присвоением офицерского звания лейтенант. 26 октября 1957 г.».

С документами я познакомилась значительно позже. Тогда знала: Юра стал лейтенантом, с Валей они расписались, свадьбу будут играть и в Оренбурге и в Гжатске. Чтобы никому из родителей не было обидно.

Мы стали готовиться к встрече молодых. Закололи поросенка, приготовили окорока. Продуктов с нашего огорода хватало.

Юре, как отлично закончившему училище, было предоставлено право выбора места службы. Он выбрал Заполярье. Мне было понятно решение сына поехать туда, где труднее. Молодость его звала поступать так да пример комсомольцев, отправлявшихся на освоение целины, на строительство высотных плотин, мартеновских цехов.

Приехали наши молодожены. Невестка нам с Алексеем Ивановичем очень понравилась. Зоя, Валентин, их семьи сразу же как родную приняли ее в наш гагаринский круг. Алексей Иванович «для порядка» поворчал:

— Это что же свадьбу-то играли не в доме жениха?

— Папа, не могли же все мои подруги и Юрины товарищи приехать к вам в Гжатск. Ведь у нас была комсомольская свадьба.— Валя так мило улыбнулась, что Алешину суровость как рукой сняло.

Я оценила ее такт, умение ласковым словом напряженность снять. Алексей Иванович согласно покивал: «Так, так».

За праздничным столом собрались родные, друзья. Было весело, просто да легко.

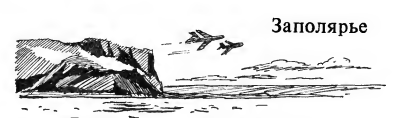
Долго задерживаться они в Гжатске не могли. Валя торопилась на занятия в медицинское училище, Юра — к новому месту службы. До Москвы они поехали вместе, там должны были расстаться. Ненадолго. Вале до окончания училища оставалось каких-то полгода, а там она приедет в Заполярье, чтобы жить вместе с мужем.

Мне, расставаясь, Юра сказал:

— Мама, мы с Валей решили отпуск делить пополам, проводить и в Гжатске, и в Оренбурге. Поровну.

Так всегда и бывало.

Заполярье

Летчиков я узнаю сразу, даже когда они не в военной форме. Чувствую: человек в чем-то с Юрой схож. А уж когда приехавшие летом 1983 года летчики стали знакомиться и один представился: Анатолий Павлович Росляков,— я ответила, что, мол, знаю его давно. Анатолий Павлович посмотрел,

вижу, хочет возразить, но считает неудобным. Я пояснила:

— Вашу фамилию Юра часто в письмах из Заполярья называл: командир, секретарь партийной организации, да и рекомендацию в партию ведь вы ему давали?

Вскоре разговор пошел о прошлом, он часто, как и Юра, повторял: «У нас в Заполярье». Так люди говорят о месте, которое им дорого.

Привез Анатолий Павлович несколько Юриных снимков двадцатипятилетней давности.

Мы стали получать письма из Заполярья.

Юра прибыл к месту назначения под самый новый, 1958 год. Стояла полярная ночь. Предвидя мое беспокойство, он сообщил: «Мы, новички, пока не летаем. Ждем солнца. Овладеваем теорией». Сообщал, как они дежурят по столовой и за себя, и за старших товарищей, которые летают и в полярной ночи.

Приехали они втроем, с Юрой были Валентин Злобин и Юрий Дергунов, который погиб через год. Сын очень горевал о нем. А пока они вместе работали.

О службе Юра сообщал скупо, но я уже к этому стала привыкать. Однако поделился, что служит в лучшей части Заполярья, с богатыми боевыми традициями.

В письмах, кроме имен друзей, называл многих летчиков. Чаще всего встречались имена командира звена Леонида Даниловича Васильева, командиров эскадрильи Владимира Михайловича Решетова, Анатолия Павловича Рослякова, секретаря комсомольской организации Лени Хоменко. Юра писал, что берет с них пример. Позже в его книге прочитала я о службе в Заполярье, о полетах на огромных скоростях. О работе, каждый день которой с риском связан. Вот как в его книге рассказано об одном случае:

«Вскоре случилось неприятное происшествие. Я летал по приборам. Синоптики на целый день «дали» хорошую погоду — ничего не предвещало ненастья. Когда я выполнил последнее упражнение, неожиданно стало темнеть. Внизу исчезли островки и заливы. Я понял: приближаются снеговые заряды — самая неприятная вещь на Севере, не только в небе, но и на земле. Запросил аэродром: какая погода? Ответили: пока нормально, но с каждой минутой

видимость ухудшается, запасную посадочную площадку уже захлестнули снежные волны. «Ну что же, поспорим и поборемся с непогодой»,— решительно подумал я и тут же увидел: топлива осталось в обрез. Главное в таком положении — сохранить ясность мысли и присутствие духа.

— Немедленно возвращайтесь,— приказал мне руководитель полетов. В голосе его послышались тревожные нотки.

Невольно вспомнился недавний случай с Васильевым, и как он тогда нашел выход из подобного положения. Я быстро прикинул в уме самый короткий маршрут к аэродрому, учитывая все решающие данные: крепкий встречный ветер, высоту полета, время, запас топлива. Пробиваясь сквозь слепящее снежное месиво, я точно исполнял приказы руководителя полетов. Я отдавал себе ясный отчет, что целость машины и собственная жизнь находятся у меня в руках и зависят от того, сколь правильно будут выполняться мною команды более опытного, чем я, авиатора — руководителя полетов. Его спокойствие передавалось мне...

Приборы показали: самолет вышел в район аэродрома. Но, не видя земли, рассчитать посадку с ходу я не смог. Пришлось, как ни напряжены были нервы, сделать еще один круг, выйти на приводную радиостанцию и снова планировать на посадку. С чувством облегчения я увидел развернувшуюся серую ленту посадочной полосы. Теперь можно садиться.

Потом, на земле, пожав мне руку, руководитель полетов сказал:

— Удача сопутствует смелым!

Это была похвала, в которой так нуждаются молодые летчики».

Читала я книгу медленно. Спустя пять лет переживала каждую опасность.

В книге описан не один такой случай. Сколько их летчика подстерегает! Представить только можно. Я однажды осторожно Юру спросила, он ответил, что да, работа у летчиков особенная, требует дисциплины, точности, умения принимать мгновенные решения.

— Но ты, мама, пожалуйста, не волнуйся. Ведь к полетам мы долго готовимся, идем постепенно.

Но и в этот раз он постарался разговор отвести от

полетов. Вообще разговоры о работе он всегда прекращал. Уже после гибели Юры прочитала я книгу «Психология и космос», которую писал он вместе с медиком Владимиром Ивановичем Лебедевым. Книжка научная, а я и ее прочитала как рассказ о профессии летчика, космонавта, как рассказ о сыне. В книге есть одно место, оно мне показало, что такое скорость, с которой летчикам приходится иметь дело. Вот что написано:

«Недостаточная быстрота нервно-психических процессов особенно стала ощущаться, когда человеку пришлось иметь дело с реактивными самолетами. Так, при скорости, втрое превышающей скорость звука, перед самолетом появляется «слепое» расстояние, которое летчик не в силах воспринять: ему кажется, что предметы находятся еще в 100 метрах впереди него, тогда как на самом деле они уже остались позади. Если два пилота будут лететь навстречу друг другу с такой скоростью и один из них вынырнет из облаков за 200 метров от другого, то летчики вообще не смогут увидеть друг друга».

При встрече я спросила Алексея Архиповича Леонова:

— Вы до отряда летали на реактивных?

— Конечно! И в подготовку космонавтов входят полеты на реактивных самолетах.

Но в тех письмах из Заполярья Юра ни о чем таком не писал, при встречах не рассказывал. Спросишь — отговаривался, что военная служба секретна. Успокаивал, что командиры у него люди опытные, знающие, к ним, молодым офицерам, относятся по-отечески. А чтобы компенсировать сдержанность сообщений, подробно рассказывал о жизни. Писал, что едва появилось солнце и настал полярный день, они стали ходить на рыбалку, ловить форель. По воскресеньям, захватив с собой баян, отправлялись в сопки. Много читал. По давней привычке сообщал о прочитанном. Однажды подробно рассказал о книге французского летчика, особенно об одном рассказе, где показано, как летчик ночью пробивается сквозь бурю, как ждет его молодая жена. Чувствовалось — ожидал приезда Вали. Окончив медицинское училище и получив специальность фельдшера-лаборанта, она прибыла в Заполярье в конце лета. Жить молодой семье вначале было негде, но безвыходных положений не существует. Молодые не унывали. Им предоставила свою комнату уезжавшая в отпуск учительница, потом нашлась комната в

гарнизонном доме. Первое их семейное жилье. Они дружно устраивали его, ремонтировали, готовили к зиме: напилили дров, заклеили окна. Юра сообщал, что они сблизились с семьей Бориса Федоровича Вдовина, заместителя командира эскадрильи. Жена его Мария Савельевна помогла Вале войти в жизнь военного гарнизона.

Много места отводил Юра в письмах спорту. Мне понятно, почему. Он по-прежнему им увлекался, но главная причина — отвлечь наше внимание от опасности, которая летчика поджидает каждый день.

Вот и расписывал, как ходят они в лыжные кроссы, играют в хоккей. Скучал по своему любимому баскетболу. Спортивного зала в гарнизоне не было. Юра предложил построить. Обсудили это предложение на заседании комитета комсомола. Предложение приняли с энтузиазмом, за лето построили отличный зал. Юра возглавил одну из баскетбольных команд, стал капитаном и в волейбольной.

Но, конечно, больше всего в его письмах было о Вале. Даже когда писал о другом — писал о ней. Сообщает о спорте — добавит, что выбираются с Валей на каток, даже гоночные коньки «норвеги» купили. О баскетболе расписывает, обязательно добавит, как Валя болела за его команду, как улыбалась да хлопотала.

Жили они очень дружно. Общественную работу он не забросил: был редактором «Боевого листка», пел в хоре, занимался в вечернем университете марксизма-ленинизма.

Важнейшим событием стал прием Юры кандидатом в члены партии. Это был совсем особый рубеж, особое проявление доверия товарищей к нему. Так он считал. Ручались за него Анатолий Павлович Росляков и Владимир Михайлович Решетов, об этом и в рекомендациях написали. Рекомендовали его — члена комитета комсомола части — и комсомольцы.

При нашей недавней встрече Анатолий Павлович Росляков припомнил, как обсуждалась на партийном бюро Юрина кандидатура. Тогда секретарь комсомольской организации части Леонид Хоменко рассказал, как вел себя Юрий при обсуждении проступка одного молодого летчика, который допустил нарушение предполетной дисциплины. Некоторые склонялись к тому, что стоит лишь

пожурить летчика. Но Гагарин был из тех, кто настаивал на строгом наказании. Он сказал: «Наш отдых перед полетом — это не наше личное время. От того, как мы отдохнем, зависят наши действия в полете, которые требуют особой четкости, собранности». Вынесли тогда комсомольцы парню выговор. Леня Хоменко, приведя этот пример, сказал, что Юра глубоко понимает значение своей работы, высокую ответственность военных летчиков. Со всеми молодыми летчиками он в хороших, дружеских отношениях, но никогда не станет выгораживать приятеля, если тот совершит плохой поступок. И сразу поможет осознать ошибку, исправиться. «На Гагарина можно положиться. Он никогда не подведет!» Решение партийного бюро было единогласным. И на собрании коммунисты решили: принять!

Юра и Валя жили в ожидании большого события. Юра, конечно, волновался, как его молодая жена перенесет роды. А пока писал: «Валя чувствует себя хорошо».

В середине апреля отвез он Валю в роддом, а 17 апреля родилась у них девочка. Назвали ее Леночкой. Ждали мы их приезда с нетерпением. Письма от Юры приходили теперь редко, даже не письма — записочки. Я его понимала: когда в доме появляется малыш, он поглощает все свободное время. Приходят нелегкие заботы. Но какие же они приятные!

Молодые родители приехали летом. Собирались ехать в Оренбург. Но с отъездом пришлось задержаться по неожиданной причине.

Вечером накануне, когда уже все сборы были закончены, вдруг увидели в окно недалекое зарево. Алексей Иванович, Валентин, Юра как по команде бросились на помощь, захватив ведра, багры, вилы. Загорелось в деревне Кормино, недалеко от Гжатска. Когда они подоспели, огонь уже спалил несколько домов. Бросились спасать один дом. Несколько часов гасили, не давали огню перекинуться на другие дома. Отстояли.

Вернулись мужчины под утро закопченные, грязные, усталые, но такие радостные, какими бывают люди, доброе дело сотворившие. Легли спать на рассвете — все рассказывали да обсуждали. Утром стала я Юру к поезду будить, смотрю — он весь красный. Думаю: обгорел. Но Зоя посмотрела:

— Корь.

Болел он недолго. Из дома Юра не выходил. Время коротали в разговорах: больше всего о наших спутниках, космических ракетах. Жгучий интерес к космической теме испытывали все советские люди; вечерами, случалось, высыпали из домов, следили за звездочкой спутника, бегущей по небосводу. Мы не замечали, чтобы Юра проявлял какой-то особый интерес к космосу. Обсуждал, как все.

А он, вернувшись из отпуска в часть, подал рапорт о зачислении его в группу кандидатов в космонавты.

Но мы-то этого не знали. Жизнь шла, полная своими событиями. В конце 1959 года возвратился из службы в Советской Армии Борис. Окреп, раздался в плечах, стал серьезнее. Военная форма и ему, как всем моим сыновьям, очень шла. Он это чувствовал и еще долго после демобилизации не снимал ее. Привез он с собой фотографии, почетную грамоту да похвальные листы. О главной похвале сказал не сразу, выбрал момент, когда не в спешке были, достал сложенную аккуратно газету, попросил Зою прочитать. Она читала вслух: «Когда расчет зенитного орудия сержанта Гагарина занял огневую позицию, все небо было затянуто легкой дымкой. Наводчики ефрейтор Похабов и Чашечкин с тревогой всматривались в линию горизонта, откуда должна была появиться цель. Они знали, что́ при выполнении этой огневой задачи весь результат будет зависеть от их мастерства и сноровки. «Только бы не пропустить цель»,— эта мысль ни на минуту не оставляла воинов. Первым доложил, что цель поймана, ефрейтор Похабов, и через секунду командир расчета уже подавал команду на открытие огня.

Резко прозвучали одна за другой четыре короткие очереди. А когда была окончена стрельба и по телефону сообщили результаты, то оказалось, что цель поражена прямыми попаданиями. Оценка — «отлично». Этот успех — результат длительного и упорного труда командира и его подчиненных. Сейчас расчет Гагарина — лучший в подразделении».

Короткая заметка, но нас всех она очень порадовала. Больше всех, мне кажется, был доволен Алексей Иванович. Он, когда мы остались одни, повторял:

— А Борис-то наш все-таки молодец!

Перед самым 1960 годом Юра предупредил, что едет в командировку в Москву, возможно, ему удастся вырваться к нам на короткую побывку. Удалось.

Чуть ли не сразу же сообщил ему Алексей Иванович о военных успехах Бориса. Юра воспринял сообщение тоже с большим удовлетворением, подробно расспрашивал Борю о товарищах, сослуживцах, командирах, об учебе в армии.

— Боря, хорошо быть отличником?—спросил.

— Замечательно!—открыто ответил младший.— Удивительное это чувство, когда знаешь, что сделал все, как положено и даже лучше. Когда с тебя берут пример.

Про свои дела Юра сообщил, что проходит медицинскую комиссию.

— Вот и хорошо,—сказал Алексей Иванович,— может, что неладное найдут, переведут с Севера. Леночка болеть не будет.

Юра засмеялся.

— Наоборот, папа. Если ничего неладного не обнаружат, тогда, может, переведут.

Накануне

Часто меня спрашивают, говорил ли нам Юра о подготовке к космическому полету. Нет, не говорил. Знали ли мы? Нет, не знали. Догадывались? Так ведь даже представить тогда было невозможно, что в космос полетит человек. Не подозревали до самого дня, когда 12 апреля 1961 года передали правительственное сообщение.

Уехал Юра от нас, возвратился в часть, а месяца через два письмо: «Может, удастся побывать». Значит, опять вызвали в Москву. На этот раз приехал всего на несколько часов. Но нам, родителям, и такое свидание дорого. Юра рассказал, что снова проходил медицинскую комиссию, очень строгую, подробную, многодневную.

— Что ж они в тебе ищут?—спросил Алексей Иванович.

Юра уехал в ожидании каких-то решений. К дню своего рождения 9 марта спешил он к своей семье, к жене, дочурке. Следом в полк пришел вызов. 11 марта Юра с Валей и Леночкой полетели в Москву.

Я с облегчением вздохнула: сбылись, думаю, мои предчувствия, сынок недалеко будет служить, всех детей собрать смогу.

Теперь Юра жил в городке летчиков и парашютистов. Я приехала посмотреть, предложила внученьку взять к себе, пока очередь в ясли подойдет. Вот и снова малыш в доме. Юра с Валей приезжали каждую неделю.

О работе его было нам известно только одно: занят он от зари до зари, упорно учится, занимается спортом, проходит какие-то испытания. У военного летчика работа требует соблюдения тайны, так что мы не мучили сына вопросами.

Сейчас припоминаю: среди множества тем обсуждалась и тема о полете в космос живых существ. Слетали и возвратились на Землю в космическом аппарате собаки.

Однажды Зоя заметила:

— Так, пожалуй, и человек полетит.

— Полетит!—громко сказал Юра.

Алексей Иванович вступил в разговор:

— Ты, что ль, собрался?

Нет! Не было в этом вопросе никакого желания разузнать о Юриных планах. В ответе сына ему послышалась, верно, нескромность, вот он и вмешался. Юра ему ответил:

— Поручат—и полечу.

— Тю-тю-тю, полетишь!—с укоризной передразнил Алексей Иванович.—Там ученый потребуется, не тебе чета.

Юра не обиделся, посмеялся. Алексей Иванович тоже был удовлетворен: воспитательную работу провел.

Летом Валя получила телеграмму, что тяжело заболел ее отец. Как ни велико было Валино горе, она нашла силы подумать и о муже.

— Мама! Я Юре ничего не говорю. У них в группе сейчас ответственные парашютные испытания. Не надо его волновать.

Валя уехала в Оренбург. Ивану Степановичу становилось все хуже. Он умер в июне. Валя сообщила об этом мужу только тогда, когда он из командировки вернулся. Я еще раз убедилась в чуткости своей невестки, порадовалась за сына. Что за испытания, что за группа, догадаться было невозможно.

16 июня 1960 года Юру приняли в Коммунистическую партию.

Конечно, об этом важном событии он поспешил сообщить. В письме написал, что рекомендацию в партию дали ему его командиры, с которыми он летал в Заполярье: Анатолий Павлович Росляков, Владимир Михайлович Решетов, Анатолий Федорович Ильяшенко. Наверное, этот факт имел значение. Алексей Иванович прикинул в уме, сказал:

— Юрка-то на Севере чуть больше двух лет служил, а товарищи ему полностью доверяют. Значит, уважение завоевал.

Юра в то время очень серьезно готовился к полету. Но мы об этом не знали.

Из близких только одному человеку была доверена тайна. Вале. Их, жен будущих космонавтов, собрал для беседы генерал, рассказал о намеченных программах, просил помочь в подготовке: дома создать такие условия, которые бы не отвлекали мужей от серьезного задания.

Я чувствовала, что Юра живет каким-то ожиданием. Но все было, как обычно. Юра приезжал, помогал по хозяйству: огород копал, окучивал картошку, пропалывал огурцы.

Приехали как-то они с Валей и Леночкой. Я Юру даже не узнала. Одет он был в темно-серый костюм. Очень он Юре шел, только непривычно мне было видеть его не в военной форме. Он ответил, что тоже не привык в гражданском ходить.

Привезли они тогда много фотографий об отдыхе в Клязьме, где были в предыдущее воскресенье. Я о том воскресенье знала. Лида, Надя письма прислали, Ольга Тимофеевна тоже написала мне. Вроде бы ничего в письмах не было тревожного, но я забеспокоилась. Писали, что Юра прыгал в реку и поранил стеклом ногу. «Порез был не такой уж большой, Нюра, но Валя очень сердилась, даже ругала его долго. Может быть, они недружны?» — спрашивала сестра.

Я, конечно, разволновалась. Приехали мои молодые. Приглядываюсь к ним. Нет, не ругаются. Нет, не ссорятся. Но решила все-таки проверить.

— Что у тебя, Юра, с ногой?—спрашиваю.

Он захохотал:

— Мама! С каких таких пор ты наши ссадины считать стала?

Я не отступаюсь. Он понял, что я знаю, объяснил:

— У меня сейчас на работе тренировки ответственные идут. Здоровье должно быть стопроцентное.

Тут Валя вмешалась:

— Мама! Это я виновата, не сдержалась, выговаривала, вот всех вокруг и переполошила.

Я успокоилась.

— Хорошо,—говорю.—Царапина заживет. Из-за этого ссориться не стоит.

— Не стоит!—согласился Юра.—Тем более что я буду осмотрительным. Обещаю.

Валя заулыбалась. У меня отлегло от сердца.

На ноябрьские праздники назначил наш младший сын свадьбу. После возвращения из армии он опять пошел на стройку, поднимал завод «Динамик». Захотел на нем работать, выучился на гальванщика. На новой работе познакомился с милой, красивой девушкой Азой.

Юра и Валя приехали на свадьбу Бориса. Юра был весел, шутил. Обратился к молодым:

— Молодоженам принято желать счастья. Таков народный обычай. Я же хочу еще призвать Азу и Бориса быть мудрыми, терпеливыми, добрыми...—Юра говорил как бывалый семьянин, напутствовал младшего.—Можно дать денег, подарить радиоприемник, но никто не может подарить вам счастья, кроме вас самих. Так дорожите взаимным доверием, любовью, будущим. Желаю вам полного счастья!

Сказал мне, что ждут они прибавления семейства. Юра этому очень радовался, к Вале был особенно внимателен.

Командировки его становились все более частыми, все более длительными.

В это время завод «Динамик» направил Борю на курсы в Москву. Мы советовали ему остановиться у Юры. Решили: все-таки в доме будут лишние руки, да и

Юра не так будет волноваться, уезжая в командировки, если будет знать, что жена не одна.

Боря наш совет послушал. Вскоре от Юры пришло письмо:

«Здравствуйте, папа, мама, Дмитрий, Зоя, Томочка и Юрочка! Большой привет Валентину с семьей. Получили ваше письмо, за которое большое спасибо. И вот пишу вам. Времени у меня очень мало, и поэтому буду очень краток.

Все мы живы и здоровы. Здоровье у всех хорошее. Лена в яслях уже привыкла и ходит туда с удовольствием. Я по-прежнему с утра до вечера на работе.

Валя себя чувствует хорошо. Ей уж осталось совсем немного. Тяжеловато ходить и делать все, но ничего, терпит. Недельки через полторы должна разрешиться. На днях приехал Борис. Он решил жить у нас. Ездить ему далековато, а в остальном все будет нормально.

Мама, ты выезжай к нам, как только получишь письмо. Послезавтра получка, я сразу же вышлю деньги, но ты их не жди. На дорогу возьми, а остальное все решим здесь. Можно было бы и обождать, но я боюсь, как бы раньше чего не случилось. Ведь это может произойти раньше. Так что выезжай, пожалуйста, побыстрее. Ну вот, вроде и все.

До свидания. С горячим приветом, Юра, Валя, Леночка и Борис.

13.2.61».

В письме было такое беспокойство о Валином здоровье, о том, кто поддержит ее, когда роды начнутся, что я сразу же поехала. Никаких, конечно, денежных переводов ждать не стала.

Письмо это привожу, потому что, мне кажется, в его простых строчках чувствуется, как заботливо относился сын к семье, как напряженно работал, как просто жил!

Приехала в городок. Возились с Леночкой. Она только училась говорить первые слова, была забавной, подвижной, шустрой.

Валины роды были все ближе, ближе. А Юра отправлялся в очередную командировку и очень волновался, как жена будет без него. Попросил меня не оставлять Валю. Об этом и просить не надо. Но я ему сказала:

— Не беспокойся, сынок! Что нужно будет — передам и внука приму.

Я почему-то ожидала мальчика. А Юра, как и первый раз,— девочку. Отвезли Валю в роддом накануне женского дня. Все не могли уйти из приемной, ждали.

7 марта в семье Гагариных появилась еще одна девочка.

Юра был переполнен радостью. И, как ни был занят, когда бывал дома, заботливо помогал жене. Только по ночам Валя не подпускала его к детям.

— Ты должен выспаться!

Ему иногда хотелось посидеть подольше за вечерним чаем, поговорить с Борей, с которым у него с детства была крепкая дружба.

В конце марта Юра уехал в очередную командировку. Ничего особенного я не заметила. Он только настойчиво, несколько раз повторил:

— Мама! Валю не оставляй!

Мы остались с Валей. Она была как натянутая струна. Я отнесла это за счет ее состояния.

Вдруг из Гжатска пришла телеграмма: Алексей Иванович тяжело заболел. Я не знала, как поступить. Валя стала уговаривать меня ехать к нему. Я все не могла решиться. Но Валя убеждала, что ей помогут все «наши», как выражалась она. В доме Юры тогда часто бывали его товарищи — Алексей Леонов, Павел Попович, Андриян Николаев, Валерий Быковский, Павел Беляев, Владимир Комаров. С Германом Титовым они были соседями: жили в соседних подъездах, но балконы были рядом. Дружили и жены. Кроме Николаева и Быковского, все были женаты. Довод меня убедил. Я уехала в Гжатск, хотя на душе было неспокойно: не выполнила просьбу сына.

Алексей Иванович поправился. Чуть стало лучше, он уже за работу. Я собиралась к Юре, Вале, малышкам.

Было это 11 апреля 1961 года.

На другой день встала я по привычке рано. Надо было приготовить завтрак, отправить всех по делам: Алексея Ивановича в Клушино, Зою и ее мужа Диму — на работу, внучку Тамару и внука Юру — в школу.

Солнце позолотило чистый небосвод, в воздухе пахло набухающими почками. Люблю я эту пору ранней весны! Все в природе ждет пробуждения — и ты живешь в ожидании. Осталось это чувство со времен нашей крестьянской жизни, когда шла подготовка к севу. Бывало, при-

кидываешь, когда же сеять, последний смотр устраиваешь.

Первым посадила завтракать Алексея Ивановича — ему раньше уходить. Сама с ним перекусила, чтоб уж потом не отвлекаться.

Свой плотницкий ящик он еще с вечера приготовил, я поутру только в чистую тряпочку сложила обед: яйца вареные, хлеб, картошку.

— Ну, я пошел, Нюра!— попрощался Алеша, а я вышла его проводить до калитки. Утренний ледок хрустко поскрипывал под ногами, я поглядела ему вслед — Алеша шел легко. Путь ему предстоял долгий — двенадцать километров, но знакомый. Сколько уж хожено-перехожено по этой дороге!

Разбудила, накормила, отправила и остальных. Дома оставалась только Зоя, ей в тот день нужно было выходить на работу во вторую смену. Занялись мы обычными хозяйственными делами. Я начала уборку. Вдруг слышу, как кто-то стучится в дверь, дробно так, нетерпеливо. Слышу — Мария, жена Валентина, кричит:

— Мама! Радио включено? Мама! Вы что молчите?! Радио, говорю, включайте! Наш Юра...

Я к двери бросилась, отворяю, а сама ни жива ни мертва.

— Что?! Юра — что? Что с ним?

А она стоит тоже растерянная, толком объяснить ничего не может:

— По радио сообщение. Первый полет человека в космическое пространство. Юра наш — командир космического корабля.

Байконур

В тот день марта 1961 года, когда Анна Тимофеевна попрощалась с сыном, он вместе с товарищами — Германом Титовым, Андрияном Николаевым, другими кандидатами в космонавты — вылетел на космодром, чтобы присутствовать при запуске последнего беспилотного космического корабля-спутника перед первым пилотируемым полетом. Это была генеральная репетиция. Не знала тогда Анна Тимофеевна ни про космодром, ни про запуски космических кораблей, ни о той новой работе, которой посвятил себя сын.

Решено было провести пять пробных запусков кораблей-спутников типа «Восток» с подопытными животными и манекенами на борту.

Первый полет показал, что космос не прощает малейшей неточности. Когда корабль завершал программу, по радио была передана команда на включение тормозной двигательной установки. Произошло непредвиденное: корабль не пошел на снижение, а перешел на новую орбиту и стал еще одним искусственным спутником Земли. Оказывается, произошла неисправность в системе ориентации, и тормозная двигательная установка придала кораблю дополнительную скорость, а не направила его к Земле.

С. П. Королев стал тщательнейшим образом анализировать причины неполадок, изучал поведение корабля. Он знал: на ошибках учатся, учился сам, призывал учиться других. Говорил, что приобретается опыт маневрирования в космосе.

Второй полет с собаками Белкой и Стрелкой в кабине корабля прошел по программе.

1 декабря 1960 года состоялся запуск третьего корабля. Полет начался успешно. Но на спуске траектория снижения отклонилась от расчетной, и корабль прекра-

тил свое существование при входе в плотные слои атмосферы.

Космонавты понимали, как переживает Главный конструктор неудачу. Попросили принять их. Говорили молодые летчики то, что С. П. Королеву известно было и без них: новое дело не может идти гладко; напоминали случаи из авиационной практики. Каждый из них, становясь летчиком, прекрасно отдавал себе отчет, какие опасности таит эта профессия. Каждый работал над своим мастерством, чтобы свести степень риска к минимуму.

Об этом же всегда думал и С. П. Королев.

«Наш девиз: беречь людей,—писал он жене.— Дай-то нам бог сил и умения достигать этого всегда, что, впрочем, противно закону познания жизни. И все же я верю в лучшее, хотя все мои усилия, и мой разум, и опыт направлены на то, чтобы предусмотреть, предугадать как раз то худшее, что подстерегает нас на каждом шагу в неизведанное».

А в письме товарищу признавался: «Даже тогда, когда, казалось бы, все проверено, остается доля риска, и она не дает покоя».

А до намеченного старта человека в космическое пространство оставалось четыре с половиной месяца.

Четвертый беспилотный полет завершился успешно.

И вот — пятый, при котором присутствуют будущие космонавты.

Байконур встретил их ярким безоблачным небом, зазеленевшей весенней степью и строгой деловитостью подготовки к полету всех служб. Они вшестером ходили, знакомились с космодромом, стараясь все увидеть, ничего не упустить, но и не помешать сложному рабочему ритму.

В день старта провожали до самого лифта пассажирку — собаку Звездочку, которая благополучно вернулась на Землю.

После этой командировки предстояли недолгие дни дома — и новый отъезд на Байконур. Теперь должны были ехать на космодром не наблюдатели запуска, а командир космического корабля и его дублер. Отобрать их было трудно: у каждого были сильные стороны, а слабостей, казалось, не было. Сравнивались медицинские показания, заключения о тех или иных тренировках. Они были неизменно хорошие. Постепенно, не вдруг, начал выделяться один человек.

Все чаще оказывалось, что по всем видам подготовки никаких, самых малейших, отклонений не было у старшего лейтенанта Гагарина. После серии тренировок в сурдокамере врачи записали: «В опыте по длительному пребыванию в замкнутом пространстве Ю. А. Гагарин показал высокий уровень функциональных возможностей нервно-психологической сферы, высокую устойчивость к воздействию экстрараздражителей — помех при выполнении заданной деятельности, адекватные двигательные реакции на новизну, быструю ориентировку в окружающем, умение владеть собой, высокую способность расслабляться даже в короткие паузы, отведенные для отдыха, быстро засыпать и самостоятельно пробуждаться в заданный срок, отсутствие четких суточных колебаний по результатам выполнения заданий при необычном — «перевернутом» — распорядке: ночью — деятельность, днем — отдых. Одиночество перенес легко. Отклонений от нормы не обнаружил».

Затем обратили внимание и на то, что в нерабочей обстановке, не связанные строгими рамками занятий,

около старшего лейтенанта Гагарина постоянно собираются его товарищи, ориентируются на него.

— Неформальный лидер! — заявил один из врачей.

— Нравственный лидер коллектива, — уточнил руководитель подготовки.

Время от времени С. П. Королев собирал на своеобразные совещания-советы тех, кто соприкасался с будущими космонавтами не в обстановке строгих тестов, когда они до предела собранны и контролируют все свои поступки, малейшие движения. Он расспрашивал о случаях, происшествиях, самых малейших проявлениях, которые обрисовывали моральный облик человека. Медики, техники, тренеры делились своими наблюдениями. Руководитель испытаний на центрифуге припомнил, как еще во время отбора пришлось ему «отсеять» летчика, который был близок к зачислению в отряд. Тогда к врачу пришел ходатайствовать старший лейтенант, объяснил, что товарищ, видно, переволновался, вот и подскочили показатели чуть выше нормы, уговаривал проверить летчика еще раз.

— Просил за возможного будущего конкурента? — переспросил С. П. Королев. — Хорошо. Фамилия старшего лейтенанта?

— Гагарин, — ответил врач.

На членов отряда составлялись характеристики. Чем больше занимались и тренировались они, тем подробнее были эти характеристики. О Гагарине было сказано:

«Любит зрелища с активным действием, где превалируют героика, воля к победе, дух соревнования. В спортивных играх занимает место инициатора, вожака, капитана команды. Как правило, здесь играют роль его воля к победе, выносливость, целеустремленность, ощущение коллектива. Любимое слово — «работать».

На собраниях вносит дельные предложения. Постоянно уверен в себе, в своих силах. Уверенность всегда устойчива. Его очень трудно, по существу невозможно, вывести из состояния равновесия. Настроение обычно немного приподнятое, наделен большим чувством юмора. Вместе с тем трезво-рассудителен. Наделен беспредельным самообладанием. Тренировки переносит легко, работает результативно. Развит весьма гармонично. Вежлив, тактичен, аккуратен до пунктуальности. Скромен. Смущается, когда «пересолит» в своих шутках.

Интеллектуальное развитие высокое. Прекрасная память. Выделяется среди товарищей широким объемом активного внимания, сообразительностью, быстрой реакцией. Усидчив. Тщательно готовится к занятиям и тренировкам. Уверенно манипулирует формулами небесной механики и высшей математики.

Не стесняется отстаивать точку зрения, которую считает правильной. Похоже, что знает жизнь больше, нежели его некоторые друзья...»

Были проанализированы характеристики всех кандидатов.

Какими качествами должен был обладать первый космонавт планеты? Многими. Безусловно, волей к победе, выносливостью, целеустремленностью, ощущением коллектива, трудолюбием. Прекрасно, если его трудно, по существу невозможно, вывести из состояния равновесия; если он не стесняется отстаивать точку зрения, которую считает правильной.

Из шестерых были выбраны Гагарин и Титов. Кто из них станет первым космонавтом, официально еще не было объявлено. Окончательное решение предстояло принять на космодроме.

Заседание Государственной комиссии состоялось на Байконуре 8 апреля 1961 года. Было утверждено задание на космический полет, доложено о вариантах в случае неполадок. Руководитель подготовки Н. П. Каманин доложил, что кандидаты в космонавты готовы к выполнению программы, к ручному пилотированию космического корабля в случае необходимости. Назвал имена. Командиром предлагалось утвердить Юрия Алексеевича Гагарина, дублером — Германа Степановича Титова. Комиссия приняла решение единогласно. Полет назначался на 12 апреля, пилотировать корабль поручалось старшему лейтенанту Гагарину. 10 апреля предстояло очередное, заключительное заседание, на котором должны были присутствовать командир «Востока» и его дублер.

В воскресный день 9 апреля Н. П. Каманин пригласил к себе Ю. Гагарина и Г. Титова, хотя кое-кто и предлагал для их спокойствия подольше не объявлять о решении. Он знал, как изматывает неизвестность. Сообщил об итогах заседания. Ю. Гагарин не смог сдержать улыбки, но тут же обернулся к товарищу:

— Скоро, Герман, и твой старт. Ты же знаешь.

На космодроме продолжались проверки всех систем. С. П. Королева в эти дни видели везде. От него исходила невиданная сила уверенности, веры в успех, которой он заражал остальных. Полководец перед решительным сражением обходил боевые порядки своих войск.

Заканчивались комплексные испытания «Востока». Предстояло заправить тормозную двигательную установку корабля топливом, баллоны системы ориентации — газом, проверить герметичность всего корабля в барокамере. После этого нужно было провести стыковку «Востока» с ракетой-носителем, которая ожидала ко-

рабль в монтажном корпусе на специальных ложементах.

Намеченное на 10 апреля заседание Государственной комиссии началось в 16 часов. В небольшом зале монтажного корпуса собралось все руководство. Столы составлены буквой «П». В центре — Председатель комиссии, рядом — Главный конструктор С. П. Королев и Главный теоретик космонавтики М. В. Келдыш. По одну сторону столов — главные конструкторы систем. По другую — Ю. Гагарин, Г. Титов и те, кто готовил их.

Председатель Государственной комиссии открывает заседание:

— Слово о готовности ракеты-носителя и космического корабля «Восток» имеет Главный конструктор академик Сергей Павлович Королев.

С. П. Королев поднимается медленно, внешне он спокоен.

— Товарищи! Намеченная...— и вдруг слегка замялся, выдав напряжение.— В соответствии с программой закончена подготовка многоступенчатой ракеты-носителя и корабля-спутника «Восток». Ход подготовительных работ и всей предшествующей подготовки показывает, что мы можем сегодня решить вопрос об осуществлении первого космического полета человека на корабле-спутнике.

Просто и кратко было сказано об итоге гигантской работы. Встает Ю. Гагарин. Он уже командир космического корабля.

— Разрешите мне, товарищи, заверить наше Советское правительство, нашу Коммунистическую партию и весь советский народ в том, что я приложу все свои силы и умение, чтобы выполнить доверенное мне задание — проложить дорогу в космос.

Отсчет начался уже не на сутки, на часы. 11 апреля.

Последний день перед стартом. На стартовой площадке по четкому расписанию идет сборка-проверка. С. П. Королев около ракеты, время от времени звонит в домик, справляется о самочувствии космонавтов. Там идут сборы в космическую дорогу.

Днем Ю. Гагарин встречается с пусковым расчетом. Говорят обычные слова, но так и звучит в подтексте: «Будь спокоен, командир! Мы не подведем».— «Будьте уверены, товарищи! Я не подведу».

Вечером 11 апреля космонавты возвратились после очередных тренировок в отведенный им домик. Ю. Гагарин говорил Н. П. Каманину, что он совершенно не волнуется. То, с чем он может столкнуться в полете, может быть опасно, коварно своей неизвестностью. Но он готовит себя к этому.

В 21 час 50 минут врач проверил кровяное давление, температуру, пульс у Гагарина и Титова. В медицинской карточке Ю. Гагарина пометил: 115 на 75; 36,7; 64.

В 22 часа Гагарин и Титов уже спали. В течение ночи врач заглядывал к ним. Сон был ровным, спокойным.

В 3 часа ночи в домик пришел С. П. Королев. Приоткрыв дверь в спальню, поглядел на спящих и осторожно закрыл.

На стартовой площадке работали уже по «боевому расписанию». Все проверки систем произведены. На верхнем мостике у кабины «Востока» лежит тяжелая крышка люка. Она плотно упакована в прочный полиэтиленовый чехол, из которого ее вынут через несколько часов, чтобы сразу поставить на место. Это последняя неустановленная деталь кабины.

Заправляют ракету. С. П. Королев внизу. Лицо уставшее, в глазах напряжение. Спал ли он? На рассвете он

опять едет в домик, где отдыхали будущие космонавты. Гагарин и Титов уже сделали физзарядку, позавтракали, начали облачение в космические доспехи. Надеты мягкие легкие комбинезоны, оранжевые скафандры, на головах — белые шлемофоны, поверх — гермошлемы с крупными буквами «СССР». С. П. Королев вошел, приветливо осмотрел командира и дублера в их космических доспехах.

— Как настроение? — спросил.

— Отличное,— Гагарин улыбнулся.— А как у Вас?

Потом всмотрелся в лицо Главного конструктора, улыбаться перестал:

— Сергей Павлович, Вы не беспокойтесь, все будет хорошо. Мы готовы.

Вместе они выехали на заседание Государственной комиссии, которое началось в 6 часов в день старта. Оно было очень коротким: все готово! В 6 часов 50 минут автобус доставил Гагарина и Титова на стартовую площадку. Председатель Государственной комиссии, Главный конструктор, Главный теоретик напутствуют командира «Востока». Гагарин сделал несколько шагов к Председателю Государственной комиссии и доложил:

— Летчик старший лейтенант Гагарин к первому полету на космическом корабле «Восток» готов!

— Счастливого пути! Желаю успеха! — за всех остающихся на Земле ответил Гагарину Председатель комиссии.

В своем тяжелом костюме, неуклюже ступая, Гагарин подошел к лифту, обернулся к провожавшим.

— Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континентов! Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной. Что можно сказать вам в эти

последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением.

Он сделал короткую паузу.

— Все, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты. Сами понимаете, трудно разобраться в чувствах сейчас, когда близко подошел час испытания, к которому мы готовились долго и страстно. Вряд ли стоит говорить о тех чувствах, которые я испытал, когда мне предложили совершить этот первый в истории полет. Радость? Нет, это была не только радость. Гордость? Нет, это была не только гордость. Я испытал большое счастье. Быть первым в космосе, вступить один на один в небывалый поединок с природой — можно ли мечтать о большем?

Было так тихо, что слышалось шуршание ленты магнитофона.

Гагарин продолжил:

— Но вслед за этим я подумал о той колоссальной ответственности, которая легла на меня. Первым совершить то, о чем мечтали поколения людей, первым проложить дорогу человечеству в космос... Это ответственность перед всем советским народом, перед всем человечеством... Счастлив ли я, отправляясь в космический полет? Конечно, счастлив. Ведь во все времена и эпохи для людей было высшим счастьем участвовать в новых открытиях. Сейчас до старта остаются считанные минуты. Я говорю вам, дорогие друзья, до свидания, как всегда говорят люди друг другу, отправляясь в далекий путь. Как бы хотелось всех обнять, знакомых и незнакомых, близких и далеких!

Он сделал несколько шагов, поднялся на площадку лифта, еще раз обернулся к провожавшим:

— До скорой встречи!— и поднял руки в прощальном приветствии.

Один из ведущих конструкторов «Востока» и специалист по автоматике поднимаются с Гагариным в лифте, чтобы помочь ему сесть в кабину, подключить все системы. У крышки люка двое рабочих сняли с нее защитную пленку, чтобы водрузить на место.

И вот командир «Востока» в кабине. Как только подключена радиосвязь, в динамике раздается голос С. П. Королева. Звучат четкие гагаринские ответы:

— Вас слышу хорошо. Вас понял: приступить к проверке скафандра.

Идут подключения, проверки, доклады о них.

Теперь прощаются те, кто поднялся вместе с Ю. Гагариным.

Конструктор наклоняется в люк, обнимает его, похлопывает по плечу. Гагарин улыбается: все будет в порядке.

Крышка накидывается на замки. Втроем, в шесть рук работают они — конструктор и двое рабочих. Одна, пять, восемь, тридцать гаек. Проведена последняя затяжка. И вдруг настойчивый сигнал телефонного аппарата, установленного на мостике. Слышится тревожный голос С. П. Королева:

— Почему не докладываете? Как у вас дела?

— Тридцать секунд назад закончили установку крышки люка,— с облегчением отвечает конструктор.— Приступаем к проверке герметичности.

— Правильно ли установлена крышка? Нет ли перекосов?— спрашивает С. П. Королев.

— Нет, Сергей Павлович! Все нормально.

— В том-то и дело, что ненормально. Нет КП-3,— говорит С. П. Королев. Его сообщение оглушает ведущего

конструктора, как гром. КП-3 — сигнал от специальных контактов. Отсутствие сигнала означает или неисправность самих контактов или неисправность в установке крышки люка. Это значит: опасность разгерметизации кабины.

— Что можете сделать для проверки контакта? — спрашивает С. П. Королев и тут же абсолютно спокойно следует вопрос-предложение:

— Успеете снять и снова установить крышку?

— Успеем, Сергей Павлович! Только передайте Юрию Алексеевичу, что мы открываем люк.

— Все передали. Спокойно делайте свое дело, не спешите. Не спешите.

Они не спешили. То, что делали они втроем у люка, не было похоже на спешку. Они слились воедино, превратились в шесть рук, работавших поразительно слаженно. Вывернуты гайки, снята крышка люка. Короткий взгляд внутрь кабины. Конструктор видит, что Гагарин через зеркальце, прикрепленное к рукаву скафандра для удобства обзора, наблюдает за ними. Из кабины слышатся звуки песни. Гагарин напевает: «Родина слышит, Родина знает, где в облаках ее сын пролетает...»

Был ли он спокоен? Почему он, знавший расписание предполетной подготовки до секунд, понимавший, что означает малейшая неисправность в системе герметизации, напевал песню?

То была не беспечность.

Было другое. Он, командир «Востока», понимая всю сложность ситуации, ясно сознавал, что сейчас от собранности троих у крышки люка зависит успех исторического полета. Он делал все возможное, чтобы успокоить их, помочь им справиться.

И они, поставив на место чуть сместившийся кронштейн, принялись за вторичную установку крышки. Закручена последняя гайка. Одновременно раздается голос С. П. Королева:

— КП-3 в порядке! Приступайте к проверке герметичности.

Закончены все проверки. На стартовой площадке включаются динамики. Идет обратный отсчет времени. С космонавтом поддерживается связь. Его информируют о всех действиях на площадке. Он сообщает о своем самочувствии. Все нормально.

— «Заря», я — «Кедр». Занял исходное положение, настроение бодрое, самочувствие хорошее, к старту готов.

Постепенно от ракеты уходят люди. Последним уходит С. П. Королев с ближайшими помощниками. Они быстро спускаются в бункер.

— Всем службам космодрома объявляется минутная готовность.

Тишину в бункере нарушает команда:

— Ключ на старт!

Гагарин слышит эту команду, отзывается на нее:

— У меня все нормально, самочувствие хорошее, настроение бодрое, к старту готов. Прием...

— Отлично. Дается зажигание. «Кедр», я — «Заря-один».

Гагарин следит за стартом:

— Понял Вас, дается зажигание.

— Предварительная!

— Есть предварительная!

— Промежуточная!

— Есть промежуточная!

— Главная! Подъем!

Из-под ракеты взметнулось море огня. На доли мгновения зависнув над площадкой, ракета ринулась ввысь, неся космический корабль.

И вдруг... Сколько раз описывалось, как сидевшие у пультов сквозь громовой грохот двигателей услышали звонкий голос человека:

— Поехали!

Гагаринское «Поехали!». Часто его отождествляют с непосредственностью, со смелостью, а частенько чуть ли не с молодечеством. Думается, что все не так просто. Не мог Гагарин не думать об огромном нервном напряжении тех, кто управлял полетом. Представив его, он решил разрядить это напряжение. Он хотел подбодрить. Успокоить. Его ликующее «Поехали!» лучше любых датчиков показало, что настроен командир только на победу.

— «Кедр», я — «Заря-один»,— в голосе С. П. Королева теплота.— Все нормально. Мы все желаем вам доброго полета.

— До свидания, до скорой встречи, дорогие друзья!

Запланированы были совершенно определенные команды, отзывы и ответы. Но кроме них звучали в диалоге Главного конструктора космической техники и командира первого космического корабля и иные слова. В этом не было недисциплинированности: у одного — отцовская забота, у другого — желание взять на себя часть нервных перегрузок оставшихся на Земле друзей. Не было недисциплинированности у этих обладавших железной волей и целеустремленностью людей.

ГАГАРИН. Вибрация учащается, шум несколько нарастает.

КОРОЛЕВ. Время 70 (70 секунд от начала старта).

ГАГАРИН. Понял Вас, 70. Самочувствие отличное, продолжаю полет, растут перегрузки, все хорошо...

КОРОЛЕВ. По скорости и времени все нормально. Как чувствуете себя?

ГАГАРИН. Чувствую себя хорошо...

КОРОЛЕВ. Все в порядке, машина идет хорошо.

ГАГАРИН. Сброс головного обтекателя... Вижу Землю. Несколько растут перегрузки, самочувствие отличное, настроение бодрое.

КОРОЛЕВ. Молодец, отлично! Все идет хорошо.

ГАГАРИН. Наблюдаю облака над Землей, мелкие, кучевые, и тени от них. Красиво. Красота-то какая! Как слышите?

КОРОЛЕВ. Слышим Вас отлично. Продолжайте полет.

ГАГАРИН. Полет продолжается хорошо. Перегрузки растут, медленное вращение, все переносится хорошо, перегрузки небольшие, самочувствие отличное. В иллюминатор наблюдаю Землю: все больше закрывается облаками.

КОРОЛЕВ. Все идет нормально. Вас понял, слышим отлично.

...Они встретились на следующий день в домике на берегу Волги. Председатель Государственной комиссии, С. П. Королев, М. В. Келдыш, конструкторы, ученые, инженеры, медики, испытатели и первый космонавт Земли. Встреча была не похожей ни на какую другую. Столько в ней было радости, ощущения преодоления, большой победы. Расспрашивали Гагарина о самочувствии. Каждый интересовался работой «своей» системы. Когда

один из ведущих конструкторов подошел поближе, Гагарин с улыбкой протянул обе руки:

— Ну здравствуй, ведущий! Как чувствуешь себя?

Тот ответил с некоторой долей удивления:

— Почему ты меня спрашиваешь о самочувствии? Сегодня этот вопрос задают только тебе — меня он не касается.

Гагарин на миг перестал улыбаться:

— Положим, касается! Посмотрел бы ты на себя вчера, когда крышку люка открывал...

12 апреля 1961 года

День 12 апреля начался для меня с сообщения по радио: сын мой — командир космического корабля.

Больше я ничего слушать не стала, накинула телогрейку и побежала на железнодорожную станцию. Не помню, как бежала.

Уже на вокзале, когда билет взяла, чуть опомнилась: сообразила расписание посмотреть — оказывается, следующего поезда на Москву ждать придется. Сижу. Себя оглядела и ужаснулась — несуразно одета: в халате, в домашних тапках, поверху телогрейка. Ну да ладно, возвращаться не буду, как-нибудь доберусь, а там Валя свое платье даст. Еще чуть посидела, вспомнила, что сдачу в кассе с десятки не взяла, а встать, двинуться, чувствую, сил нет. Рядом со мной девушка на скамейке примостилась, я ее и попросила:

— Сходите, милая, объясните кассирше, что позабыла сдачу, да извинитесь, скажите, женщина тут одна совсем растерялась.

Она деньги мне принесла, спрашивает:

— Вам помочь?

— Нет. Все в порядке.

А сама сижу, жду — может, по радио что передадут. На вокзале громкая веселая музыка играет, но ничего не сообщается.

Отвлечься от своих мыслей все никак не могу: как он там, мой Юра? Что Валя сейчас делает?

Пришел поезд, села, поехала. В окно смотрю. Вроде бы на станциях все смеются, но обмануться боюсь.

В Москву прибыли, вышла я на площадь у Белорусского вокзала — народу как в праздник, у многих в руках плакаты: «Ура Гагарину!». Люди смеются, кричат: «Приземлился! Ура! Прилетел!» Я заплакала и пошла в метро.

Какая-то женщина спросила у меня:

— Что с вами? У вас горе?

Я улыбнулась — у самой слезы рекой льются — и говорю:

— У меня радость!

Женщина засмеялась:

— У меня тоже. Знаете, человек поднялся в космос! Знаете?

— Знаю,— киваю,— знаю.

А она все говорит:

— Его зовут Юрий Гагарин. Запомните!

— Запомню, милая, запомню...

Спустилась в метро, доехала до Ярославского вокзала. Оттуда уж электричкой до городка.

Но в электричке еще один забавный случай произошел. Я уж тут, как о благополучном приземлении узнала, сдержаться не смогла, сижу, приговариваю:

— Сынок! Сынок! — а сама и плачу, и улыбаюсь.

Женщины, что сидели рядом, видно, решили, что мне поделиться чем-то хочется, спрашивают, в чем дело. Я сказала, что Юрий Гагарин — мой сын. Сразу люди вокруг столпились, расспрашивать о нем, о семье, о детстве его стали. Я рассказываю, рассказываю, рассказываю... Вдруг одна женщина этак подозрительно на меня посмотрела, вопрос задает:

— Вас как зовут?

— Анна Тимофеевна.

— А мужа вашего?

— Алексей Иванович.

Мне вначале странными ее вопросы показались, потом я сообразила, что вид-то у меня больно странный: телогрейка, из-под которой халат торчит. А она дальше расспросы ведет:

— А детей его как зовут?

— Старшую дочку Леночкой, а младшую... не знаю как. При мне еще назвать не успели. Она только 7 марта родилась, а мне к мужу уезжать пришлось,— объясняю.

Женщина кивнула, говорит:

— Галей ее зовут.

— Пусть Галочка, — отвечаю, — имя хорошее.

Народ в вагон все прибывает. Видно, слух по поезду прошел. Люди кричат: «Поздравляем! Желаем счастья!»

Тут, смотрю, пробирается ко мне кто-то в летной

форме. Юрин товарищ — Витя Горбатко. Пробрался, поздоровался, говорит:

— Я вам помогу!

Я объясняю, что вещей-то у меня нет, в помощи, мол, не нуждаюсь. Он вокруг взглядом обвел:

— Посмотрите, что творится! Вам к квартире одной не пробраться!

Прав он был. В Звездном мы сошли — людей видимо-невидимо вокруг дома, где Юрина квартира. Такое плотное кольцо, что не протиснуться. Но Витя звучным, командирским голосом как крикнет:

— Товарищи! Дайте дорогу Анне Тимофеевне Гагариной!

Только так и прошли. В квартире уже народу полно, кто спервоначалу зашел: соседи, друзья, корреспонденты.

— Товарищи корреспонденты! Просим дать семье Юрия Гагарина отдых. Просим всех уйти.

Распорядители обрадовались, что я приехала. Они уже в Гжатск звонили, просили всех родных в городок отправить, а родителей космонавта не было дома. Организаторы взволновались.

Мы с Валей сразу занялись девочками. Приход незнакомых людей растревожил девочек. Мы успокоили, уложили маленьких. Да и Вале необходимо было передохнуть.

Распорядители это понимали, организовали отдых, сообщили, что скоро всех родных привезут сюда из Гжатска. Тут только я сообразила, что Алексею Ивановичу нелегко будет весть передать. Подсказала, каким путем он пошел, но тут же прикинула: он уже в Клушине, там и искать его надо.

Пришел военный, передал слова Юры, что он чувствует себя хорошо, ждет встречи с родными. В подъезде поставили дежурного, чтобы не пропускал посторонних. Семье дали отдых — стало полегче.

Поздним вечером зашли за нами с Валей, повезли на переговорный пункт. Мы вошли в комнату, там какая-то аппаратура, военных много, один, видно, главный, предупредил:

— Товарищи! Потише! Дайте близким с Гагариным поговорить.

Тут же звонок раздался. Дежурный трубку протягивает. Я Валю подтолкнула первой. Она растерялась, только и выдохнула:

— Юра!

Он что-то, видно, говорит, а она в ответ кивает-кивает...

— Тут мама,— только и сказала.

Я трубку взяла, тоже, чувствую, говорить не могу:

— Сынок!

Слышу:

— Мама! Милая! Все хорошо! Все в порядке! Не беспокойся! Береги Валю, девочек, себя. Скоро увидимся, мама!

Поздно ночью из Гжатска приехали Алексей Иванович, Валентин, Зоя, Борис с Азой. Спать долго не ложились, все обменивались впечатлениями. Каждый рассказывал, как услышал новость.

Валя поделилась, что сразу же после сообщения о полете к ней приехал корреспондент «Комсомольской правды» Василий Песков и попросил разрешения сфотографировать жену и дочерей первого космонавта Земли. Она разрешила.

В квартире тесно от журналистов, соседей, знакомых. Валя не успевала отвечать на вопросы, очень устала.

— А ты где услышал?—спросила я Алексея Ивановича.

— Сказали мне еще на перевозе, только я значения не придал, посчитал, что совпадение,—ответил Алексей Иванович.

Вышел ведь он рано, по холодку шагалось легко, дорога была ровная, морозом вымощенная.

Скоро дошел Алексей Иванович до села Ашкова, перед Трубином миновал речку, а там-то перевозчик знакомый спрашивает:

— Алексей Иванович! Не твой ли сын сейчас в космосе летает? Сообщение ТАСС по радио передали.

Алеша расспрашивать стал, тот рассказал, что услышал:

— Сказали: пилотирует майор Гагарин.

— Нет, не мой сын. Мой—старший лейтенант.

— Так имя-отчество тоже совпадает. Юрий Алексеевич.

— Мало ли на свете Гагариных Юриев Алексеевичей?

Юрий Гагарин. Июнь 1960 года.

Напутствия перед стартом.

Дни подготовки к космическому полету были заполнены занятиями, тренировками, медицинскими обследованиями.

12 апреля 1961 года...

С. П. Королев: «Кедр»! Я — «Заря-1».

...9 часов 07 минут по московскому времени.

В 10 часов 55 минут «Восток» возвратился на Землю.

14 апреля Москва встречала Юрия Гагарина.

С. П. Королев и Ю. Гагарин. Лето 1961 года.

17 июня 1961 года в Гжатске.

На митинг в городской парк. Ю. Гагарин с матерью и отцом.

Ю. Гагарин с братьями и сестрой; с учительницей Е. Ф. Луновой.

С племянницей Тамарой; с односельчанами в Клушине. Июнь 1961 года.

А. Т. Гагарина с сыном. Июнь 1961 года.

Поднял Алексей Иванович свой плотницкий ящик и зашагал в Клушино.

Еще час пути оставался. Дошел, а в родном селе, кажется, все на улицы высыпали. Соседка подбежала:

— Дядь Лексей, слыхал? Юрка-то, видать, твой. По радио сейчас говорили.

Он с укором посмотрел на людей.

— Да опомнитесь! Мой-то Юрка старший лейтенант...

Но его перебили, каждый радостно кричал, втолковывал:

— Все, все совпадает! Гагарин, Юрий Алексеевич, родом из Клушина Смоленской области. Он! Наш! Клушинский!

Пробился через толпу председатель колхоза:

— Алексей Иванович! Зайдите в правление. Из горкома партии звонят.

Секретарь горкома сказал, что звонили из Москвы, просьба всем родным собраться в городке. Горком высылает за ними машину. Алексей Иванович мысленно прикинул обратный путь, представил, как солнце растопило ледок.

— Не пройдет машина,— ответил.

— Трактор отрядим. Ждите,— сказал секретарь.

— Ждать я не могу. Пойду навстречу.

— Да подождите же,— настаивал секретарь.

Но Алексей Иванович упорствует:

— Товарищ секретарь, я наши дороги знаю. Трактор того... тоже не скоро подойдет.

Председатель колхоза дал Алексею Ивановичу лошадь, сопровождающего, верхами они добрались до реки. Обратная дорога была неузнаваема — весна буйно растапливала лед.

Трактор уже ждал его за переправой, у Ашкова муж пересел в «газик». Домой он приехал изрядно измученный: шутка ли, в его шестьдесят лет проделать без отдыха такое путешествие.

В избе толпились знакомые и незнакомые люди. Корреспонденты обступили Алексея Ивановича:

— Расскажите, как рос Юра, каков он?

— Обыкновенный мальчишка,— ответил он на вопрос.— Обыкновенный хороший мальчишка. Хороший сын, добрый отец.

Но журналистам этого было недостаточно, они все выспрашивали, выпытывали.

Поздно вечером секретарь горкома партии распорядился прекратить расспросы, рассадил родных в машины и отправил в городок.

Послушала-послушала я Алексея Ивановича и укорила:

— Твой характер, Алеша, тебя наказал. Подумать даже не решаешься, что дети наши что-то особенное совершить могут. От Трубина мог повернуть назад. А ты: «Не мой сын, не мой сын. Совпадение!»

Алеша посмотрел на меня. Глаза у него были усталые.

— Лучше, что ли, было бы, если бы не наш Юрка полетел, а я уже козырем ходил: я — Гагарин, я — Гагарин! Сама, Нюра, не такая, а меня укоряешь. Что по грязи шагал — трудность вовсе не большая. Нам с тобой и не такое пришлось вынести. А начнем сейчас выставляться — с кого Юре пример брать? Его и так со всех сторон расхваливают, голову закружить могут.

Что ж, Алексей Иванович был прав.

Следующий день прошел в хлопотах. Утром нам принесли пригласительные билеты на торжественный вечер в Кремль 14 апреля. Алексею Ивановичу вручили конверт с надписью: «Гагарину А. И. с супругой». Он на меня поглядел и головой покачал:

— Супруга! — слово ему показалось торжественным.— Вы в чем же в Кремль идти собираетесь, супруга?

Я обомлела. Стала прикидывать, успею ли до Гжатска и обратно вернуться. Но распорядитель встречи понял, предупредил:

— Предусмотрели. Начальство выделило деньги на экипировку. Перечислите, что нужно.

Согласиться было нелегко. Ни разу не пользовались мы тем, что нами не заработано. Но выхода не было: времени было в обрез. День 14 апреля был расписан по минутам.

Еще до отъезда из городка нам принесли газеты с Указом Президиума Верховного Совета СССР.

Когда я оставалась одна, то брала в руки газету.

«За осуществление первого в мире космического полета на корабле-спутнике «Восток» присвоить звание «Летчик-космонавт СССР» гражданину Советского Союза летчику майору Гагарину Юрию Алексеевичу».

И тут же:

«За героический подвиг — первый полет в космос, прославивший нашу социалистическую Родину, за проявленные мужество, отвагу, бесстрашие и беззаветное служение советскому народу, делу коммунизма, делу прогресса всего человечества присвоить звание Герой Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» первому в мире летчику-космонавту майору Гагарину Юрию Алексеевичу и установить бронзовый бюст Героя в городе Москве».

Неужели о нашем с Алешей сыне написаны эти высокие слова?! Неужели имя нашего сына известно всем советским людям?! Неужели это он — Герой Советского Союза?!

Он — тот самый мальчик, который далеким мартовским днем в половине шестого дня впервые подал голос «у-а», тот, который спустя неделю лежал у меня на руках — крохотным, теплым и беззащитным кулечком — всю долгую дорогу, пока вез нас Алеша из Гжатска в Клушино. Картины, впечатления, воспоминания сменяли друг друга. Да, тот! Но поверить было непросто.

Встреча

На машинах приехали мы во Внуково, куда ожидался прилет самолета с Юрой. Сколько же было здесь людей! Лица у всех радостные, у каждого — праздник. Каждый гордился успехами советского человека.

Нас переполняло счастье, когда вернулся из своего полета экипаж Валерия Чкалова, когда совершили подвиги Алексей Стаханов, Паша Ангелина, Иван Кривонос...

Нам помогли занять удобное место на возвышении. Смотрю вокруг — руководители партии, члены прави-

тельства. Обомлела, совсем растерялась. На Алексея Ивановича глянула, тоже, вижу, замолк. Но один из стоявших рядом понял наше состояние, заговорил, приободрил. Окружающие, едва узнав, что тут родные Юрия Гагарина, старались устроить нас получше.

Борис говорит:

— Лиды и Юры Ивановых нет. Наверное, не пропускают их.

Гляжу, стоят они у ограждения. Боря им замахал: идите сюда, мол, сюда! Они нырнули под канат, и к нам бегут. Так собрались все родные.

Долгие минуты ожидания прервал гул приближающегося самолета. Сколько раз потом я видела по телевидению, в кинохронике моменты встречи, подробно запечатленные кинооператорами. Но в тот день, 14 апреля, я очень волновалась. Кто-то меня спросил позже, видела ли я, что у Юры на ботинке развязался шнурок. Ничего я не видела. Смотрела только в лицо сына, не могла вздохнуть от волнения.

Прошел он по красной ковровой дорожке, отдал рапорт руководителям партии и правительства и шагнул в нашу сторону, обнял Валю. Мне хотелось одного: прижать его к груди, сердцем ощутить — вот он, живой и невредимый, родной мой мальчик! Сын обнял меня, ласково прошептал:

— Мама, не плачь, все позади. Мама, я тут...

Вручили сыну цветы. Он их взял, чувствуется, непривычно с таким букетом быть. Стал обходить всех, приветствовать. Смотрю, около Лиды задержался, все цветы ей отдал. Я-то поняла, почему. У племянницы накануне, 13 апреля, был день рождения. Юра помнил эту дату.

Мы поехали на Красную площадь. Юра стоял в открытой машине, люди кричали, поздравляли его, а он улыбался в ответ. Не знаю, как я пережила эти минуты гордости и счастья!

Вале, мне, Алексею Ивановичу предложили подняться на боковую трибуну Мавзолея. Как же я там стоять-то буду? Но пока поднимались по лестнице, Юра успел подойти к нам, улыбнулся, понял мое смущение, Валину робость, говорит:

— Надо! Я на вас буду поглядывать, помогать, а вы мне поможете тем, что рядом будете.

Потом шла демонстрация москвичей по Красной площади, они приветствовали Юру, стоявшего на самой главной трибуне нашей страны, он отвечал на приветствия. Я любовалась сыном, видела, что улыбка его добрая, открытая, взгляд прямой, честный. Радость было скрыть невозможно.

Я смотрю на сына, слезы текут. Алексей Иванович ласково укорил:

— Нюра! Нехорошо плакать-то.

— А я не плачу,— говорю,— а что слезы — люди поймут, не осудят.

Долго шли колонны — вроде бы вся Москва хотела пройти через Красную площадь.

После демонстрации нас проводили в Кремль. Никита Сергеевич Хрущев предложил:

— Давайте-ка пообедаем в тишине! Люди вы застенчивые, робкие, на приеме, пожалуй, голодными можете остаться.

В уютной комнате был накрыт стол, подали вкусный русский обед. Мы стали расспрашивать Юру, но он сказал, что прежде должны ответить на его вопросы. Как себя чувствуют девочки? Есть ли у Вали молоко? Почему не видно племянников Тамары и Юры, Валентиновых дочек?

Расспросил и о сестрах моих, своих двоюродных сестрах, Володе. Мария в те дни лежала в больнице с сердечным заболеванием. Юра сказал, что съездит проведать.

— Как же я соскучился! — сказал Юра.

Впечатления Юры от первого космического полета сейчас хорошо известны. Но 14 апреля рассказы его были внове, говорил он о еще неизвестном. Слушали его, боясь пропустить самую малость из сказанного.

Валя сидела рядышком. Я заметила, как время от времени она дотрагивалась до Юриной руки, будто проверяя, тут ли он, живой ли. Я ее понимала. Юра рассказывал всем, но иногда у него прорывалось: «Помнишь, Валя?»

Он всегда хорошо рассказывал — просто, доходчиво, слова находил точные. Так и тогда. Я сама словно его глазами увидела бархатную, глубокую черноту неба, колючее и незнакомое сияние звезд, Землю нашу со стороны — круглым шариком, выплывающее солнце, яркое

и могучее. Он рассказывал о невесомости, о состоянии, которое до тех пор из людей никто не ощущал.

— Чувствовал себя превосходно,—говорил Юра.— Просто все стало легче делать. Ноги, руки ничего не весят, предметы плавают по кабине. Да и сам я не сидел в кресле, а вдруг плавно вроде бы выплыл из него и завис на ремнях. По отработанной на земле программе я стал есть, пить — никаких неприятных ощущений или последствий. Стал писать — почерк ничуть не изменился, хотя карандаш как-то необычно легко шел по бумаге, да и рука была как не своя — веса ее не ощущал, но управлялась легко. Состояние непривычное, а предметы, будто живые, как в детском стихотворении о Мойдодыре,— вдруг убегают от тебя. Приходится сосредоточивать внимание на том, что на земле привычно. Надо не забывать крепко держать блокнот, ручку, тубы с завтраком. Отпустишь — они станут плавать по кабине.

Он подробно рассказывал о своих ощущениях при взлете и приземлении.

— Юрк! Скажи честно,—страшно было?—спросил отец.

— А ты как думаешь?! Когда корабль вошел в плотные слои атмосферы, загорелась обшивка. Ты сидишь в самом центре пекла, за щитками иллюминаторов бушует тысячеградусное пламя. Но я был абсолютно уверен, что все будет в порядке. Я верил в нашу технику. Иначе Главный конструктор не дал бы согласие на полет человека.

Мы стали вспоминать различные события, эпизоды, смеялись, сопоставляя Юрины слова предполетных дней с тем, как мы на них реагировали. Юре же особенное удовольствие доставило, когда мы ему рассказали об отцовском недоверии, что в космос мог полететь именно он, его сын. А уж когда узнал, что отец даже сообщению ТАСС не поверил, Юра вовсе развеселился. Отец тоже смеялся, повторял:

— Я говорю: нет, не мой сын, мой Юрка — старший лейтенант, а этот — майор...

Юра рассказывал о любопытных совпадениях. Оказывается, приземлился он на саратовской земле, примерно в тех местах, где начинал летать шесть лет назад курсантом аэроклуба. Первый ориентир, который увидел,— Волга. Он сразу узнал великую русскую реку — над ней

он совершил свои первые полеты под руководством Дмитрия Павловича Мартьянова. Как Юре было приятно, что на другой день он встретился с Дмитрием Павловичем, который по-прежнему работал в Саратовском аэроклубе и прилетел к своему курсанту на встречу.

А первым, кого Юра увидел на земле, были жена лесника Анна Акимовна Тахтарова с внучкой Ритой. Здесь Юра прервал рассказ замечанием: «Твоя тезка, мама!»

Женщина и девочка стояли около пятнистого теленка, с любопытством смотря на Юру, потом нерешительно направились к нему. Заминка их была понятна: одет-то он был в непривычную одежду — оранжевый скафандр.

— Неужели из космоса? — спросила Анна Акимовна с сомнением в голосе.

— Представьте себе, да! — ответил Юра.

Потом прибежали механизаторы с соседнего полевого стана, окружили Юру, обнимали его. Подъехала машина с солдатами и офицером. Они-то и передали Юре, что он — майор.

Юра воспроизводил свои, их жесты, картина вставала как живая.

...Обед закончился. Наступил акт вручения наград. Мы все прошли в зал. Тишина, и в ней торжественно звучал голос Леонида Ильича Брежнева, читавшего Указы. Он прикрепил награды на грудь Юрию. Сын сказал о готовности выполнить любое задание Родины.

В большом зале, куда все перешли после награждения, Юра сразу подошел к группе людей старше его возрастом, что-то очень уважительно говорил им. Несколько человек отделились, приблизились к нам. Познакомились. Пошел общий разговор.

В январе 1966 года, после похорон Сергея Павловича Королева, Юра приехал в Гжатск, убитый горем, посеревший. До этого он часто с восхищением и преклонением рассказывал о Главном конструкторе космических кораблей, о его таланте, силе воли, оптимизме, доброте. Называл его, как все,— Сергей Павлович, СП, Главный.

В том вьюжном январе он говорил о Сергее Павловиче с чувством глубокого горя, непоправимой утраты.

Юра напомнил:

— Ты же с ним знакома, мама. Помнишь, как 14 апреля шестьдесят первого он подходил к вам с отцом,

расспрашивал о жизни, о деревне, о семье, справлялся, не нужна ли какая помощь.

Я напрягала память. Мне хотелось припомнить, выделить среди множества лиц, окружавших меня в тот день, лицо Королева.

— Мама, Сергея Павловича невозможно ни с кем спутать, невозможно не заметить,— с мягкой укоризной сказал Юра.

Мне хотелось восстановить обстоятельства нашего знакомства, мгновениями даже казалось: помню. Нет, все-таки нет. А он, оказывается, хорошо все знал. Не раз спрашивал Юру о семье, справлялся о самочувствии родителей.

Но нелегко воссоздать, восстановить каждый эпизод, каждое лицо в картине, особенно такой многоликой. Сколько людей было на приеме!

В честь космической победы советских людей лучшие артисты дали концерт.

Мы чувствовали себя немного скованно. Анастас Иванович Микоян, который сидел на концерте рядом с Алексеем Ивановичем, понял наше состояние, помог освоиться, потихоньку рассказывая о выступавших. Танцевала известная балерина. Анастас Иванович наклонился к Алеше, заметил:

— Какая фигура!

Алеша строго ответил:

— Да, да, платье ей надо бы подлиннее!

Анастас Иванович рассмеялся, да и Алеша мой тоже подхватил смех.

А Юра начал жить уже по новым требованиям. Академия наук и Министерство иностранных дел СССР организовали пресс-конференцию, посвященную первому космическому полету. Юра уехал на выступление.

Вернулся, а едва мы остались одни, они с Борей устроили состязания по борьбе. Валя замечание сделала:

— Юр! Ты же тренированнее!

Но Борису перед молодой женой не хотелось лицом в грязь ударить — не сдается, он тоже крепеньким был. Юра обстановку оценил, команду дал:

— Старший сержант Гагарин! Майор Гагарин приказывает разминку закончить!

Наутро собрались мы возвращаться домой. Когда же Юра в родной Гжатск приедет погостить?

— Да я бы хотел прямо с вами ехать. Но из горкома партии просили чуть задержаться, они хотят к встрече подготовиться. Так что на меня не обижайтесь. Да и на них тоже.

Говорят, что о человеке надо судить по тому, как он относится к людям. Я бы добавила, что об известном человеке надо судить еще и по тому, как он относится к родственникам. Ведь как бывает: прославился человек и уж родных начинает стесняться. Нос воротит от тетки родной, от сестры двоюродной. Нет, наш Юра добро помнил всегда, никого своим вниманием не обделял.

Радость тех дней омрачена была лишь одним неприятным эпизодом. Вернулись мы из Москвы домой и обнаружили, что пуст ящик комода, где хранились наши семейные фотографии, письма, Юрины конспекты, дневники еще со школьных времен. Вел он их всегда аккуратно, собирал. Я эту привычку поддерживала.

Спрашиваем у Тамары, Юрика, где же все бумаги. Ребята растерянные, отвечают, что у них «дяденьки» попросили. Издания самые солидные называли, обещали вернуть.

Не вернули до сих пор.

В различных газетах, журналах появляются репродукции. Некоторые копии у меня есть. Но как хочется взять в руки те старые фотографии, которые всегда так бережно хранила...

Через несколько лет, уже после Юриной гибели, передала мне Надюша его письма к ней, брату, Марии. Нашла одно письмо Аза, несколько писем передали Юрины друзья. Поняли, что тоскливо мне без писем, которые мать читает-перечитывает. Вот эти-то, подаренные близкими письма я и привожу на страницах книги.

Писем Юры к нам, которые исчезли из ящика комода, так никто и не возвратил.

Помним мы с Зоей из них отдельные строки, отдельные мысли. Иной раз всплывут в памяти. Так мы теперь их записываем, чтобы сохранить...

Недавно вышла книга Вали «108 минут и вся жизнь». В ней напечатаны строчки одного Юриного письма ко мне. Давнего-давнего. Но такие они ласковые, что вспомню — и сейчас волна тепла окатывает. Так и вижу

их на страничке: «...Мама, я тебя так люблю, я так хочу целовать прожилочки на твоих руках. Спасибо тебе за все».

Сынок! Как ты был щедр на ласку! Спасибо тебе!

Ребятишек тогда укорять не стали. Они не виноваты, что взрослым людям поверили. Да и не до укоров было тогда. Дни были наполнены огромной радостью, ожиданием приезда сына.

Ожидание

Недавно разбирали мы с Зоей фотографии. Зоя отложила одну, на которой я по телефону разговариваю.

— Почему,—спрашиваю,—отложила?

— Памятна,—ответила.

Когда переводили Юру в Москву, рассчитывали мы, что будут они бывать с Валей у нас часто. Но тренировки последних месяцев перед полетом все его время забирали. Стал сын космонавтом, ну, думаем, теперь сможет своим свободным временем располагать. Какое там! Уже первое свидание с родными местами, с близкими людьми пришлось отодвинуть. Не положено. К встрече руководство города должно подготовиться.

Напротив нашего домика стали строить новый дом. Стройка—не такой сюрприз, который можно скрыть. Работники горкома партии советовались с нами, как лучше его поставить, как спланировать. Алексею Ивановичу было в новинку, что жить он будет в доме, созданном не его руками. Люди мы не капризные, никаких особых запросов не высказывали. Строители поставили на фундамент обычную трехкомнатную секцию-кварти-

ру, накрыли ее крышей. Получилась городская квартира в саду. Землю вокруг обнесли заборчиком, предложили разбить цветник.

— А картошку, лук, свеклу, морковь, клубнику где же посадить?—спросил Алексей Иванович.

Работник, который с нами договаривался, засмеялся:

— Понимаете ли, мы подумали: неудобно будет, что родители первого космонавта в земле возятся...

— Чего неудобно-то?—мы с Алексеем Ивановичем не поняли даже.

— Ну... работа в земле грязная...

— Нет! Неудобно было бы, если бы мы, еще полные сил, работать перестали. Трудиться никогда не зазорно.

Вот и существует у нас и сейчас вокруг дома огород, все на нем вырастает и плодоносит.

Сколько же новых знакомых, товарищей появилось у Юры! Думалось об этом с некоторым опасением: не забудет ли прежних? Но, конечно, вслух такое мы даже не произносили. Тут, как бы в ответ на наши мысли, пришло письмо от Лиды. Она рассказала, как они с Надей и мужьями были у Юры в гостях, вместе с его друзьями ездили на реку Ворю, рыбачили. Лида старалась не упустить ничего. Понимала: сам Юра сейчас не напишет, скорее позвонит или приедет. Вот и рассказала, что Юра уже водит машину, притом очень хорошо. Еще пошутил, что заслужил высокую оценку такого строгого ценителя, как жена. Валя заметила, что вовсе не хвалила его. Но Юра возразил: «Раз доверяешь мне не только свою жизнь, но и жизнь детей—значит, оценка за вождение отличная». В Юриной машине ехали Валя с Леночкой, Лида, Надя, а все остальные —в микроавтобусе.

«Как же нелегко теперь Юре отдыхать!—писала Лида.—Как только узнают, что здесь Гагарин, люди сразу же подбегают, смотрят. Резиновую лодку они с моим Юрой накачивали—по берегам народ целой толпой собрался. Одна старушка подошла, говорит: «Юрочка, я ведь за благополучное окончание твоего полета молилась». Он ей очень серьезно ответил: «Большое спасибо. Видите, помогло». Она поняла шутку, заулыбалась: «Не шути, кто знает, что помогло: техника ваша или наши молитвы». Другие тоже стали знакомиться, расспрашивать. Юра ни от кого не отмахивался,—продолжала Лида,—но остальным отдыхать было не-

легко. Предложили подальше уехать. Но Юра предложение не принял: «Никто нам помешать не может. А что люди интерес проявляют — ничего в этом необычного нет». Лида отметила: вспоминали они, что ровно год назад тоже отдыхали вместе на Клязьме. Среди друзей Юрия был один, о котором Лида написала особо: он был старше остальных, обращались к нему с почтением и уважением, называли по имени-отчеству — Владимиром Михайловичем. Чувствовалось, что его выделяют и очень любят. Я догадалась, что это Юрин товарищ Комаров.

Отдыхали до вечера. Дома уже наш всегдашний фотограф Саша Щекочихин попросил Юру надеть китель, чтобы запечатлеть его с наградами. Юра согласился с условием, чтобы сфотографировал Саша всех. Когда он уже спрятал фотоаппарат, посетовал: «Эх, жалко, что не сфотографировал с дальнего расстояния, чтобы видны были, Юра, под столом твои голые ноги». Юра, оказывается, поспешил «приказание» выполнить и надел мундир, не успев натянуть брюк. «Ну нет, ничего бы у тебя не вышло,— сощурился Юра,— я подвох предполагал, следил за объективом».

Читала я письмо, как всегда, вслух. Алексей Иванович вздохнул:

— Нюра, сможем мы теперь с ним одни-то побыть?

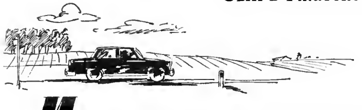
Калужане пригласили Юру на закладку здания Музея истории космонавтики. Юре приятно было это приглашение: еще в космическом полете он решил побывать в Калуге — «колыбели теории межзвездных полетов», как он назвал этот город, где жил и работал Циолковский.

Строительство нашего дома подходило к концу. Юра сообщил, что семнадцатого июня будет у нас.

Я всегда ждала-ожидала его с нетерпением. Бывало, хожу-хожу, вдруг замечу — улыбаюсь вроде бы без причины. В чем дело? Вспомню: Юра написал, что скоро приедет,— вот почему сердце поет, а губы сами собой улыбаются.

А уж этот приезд и вовсе праздничным будет. Лето в разгаре, деревья стояли в густой темной зелени, расцвели розы, что посадили мы у старого дома, да и у нового тоже. Сирень у крыльца, которую когда-то слабым кустиком принес Юра, опушилась, окрепла, славно зеленела.

Сын в Гжатске

Ивана Васильевича Кончакова — нынешнего директора краеведческого музея знаю давно. Еще с тех пор, как ему, работнику горисполкома, приходилось с Алексеем Ивановичем обсуждать строительство дома.

Поделился он, что в музей переданы пленки, где заснят первый приезд Юры в город, митинг в парке.

— Много снимков,— говорит,— на которых идете вы с Юрием Алексеевичем в парк. Он вас вел в первом ряду.

Да, взял он нас с Алешей под руки, сказал:

— Отец! Мама! Это же и ваш праздник! Спасибо вам.

Я сейчас эти снимки частенько разглядываю.

Юру ждали к полудню. Прослышала я, что собирались его у въезда в город встретить и потом понести на руках. Беспокоило меня это. Считала я такую встречу чересчур пышной. Вот только не решалась комулибо сказать. Ведь люди-то от полноты сердца старались!

А Юра всех перехитрил. Взял да и приехал раньше срока. Мы только-только прибрали со стола после завтрака, а тут глядим — машины у дома останавливаются, несколько черных «Волг».

Тут же соседи из домов повысыпали. Немного неудобно было, что нашу встречу наблюдает много народу, но жители Гжатска так искренне радовались Юриному приезду, что замешательство прошло.

Юра вошел в старую избу, опустился на лавку у стола, взглядом обвел комнату:

— Хорошо дома!

Тут, слышим, еще машины подъехали. Входят секретарь райкома партии и другие товарищи:

— Что же вы, Юрий Алексеевич, раньше времени? — поздоровавшись, сказал секретарь. — У нас же планы были...

Юра улыбнулся, отвечает:

— Не сердитесь. В план небольшую поправочку внесем. Необходимую. Но в дальнейшем обещаю быть дисциплинированным. Так какое второе действие?

Нет! На него невозможно было сердиться. Это я не просто как мать говорю. Многие отмечали его доброту и доброжелательность. Юра опередил их потому, что, видно, о встрече проведал да избежать такого хотел.

Народу в доме набиралось. К этому времени уже приехали из Москвы дочери Савелия Ивановича Тоня и Лида.

Мы все вышли, перешли дорогу. Тут нам с Алексеем Ивановичем вручили ключи от нового дома. Как новоселы обошли мы квартиру: большая комната, спальня, кабинет.

— Это и для тебя, Юра! — сказал Алексей Иванович.

— Вот и славно! — ответил Юра и обернулся к организаторам встречи с вопросом:

— Пошли?

Он вывел всех нас из дома и повел в парк имени Федора Федоровича Солнцева — нашего гжатчанина, погибшего в 1918 году в числе двадцати шести бакинских комиссаров.

Много доставляли нам дети приятных минут. Сейчас, на старости лет, я мысленно перебираю их. Вспоминаю прежде всего те мгновения, когда вел нас Юра по улицам родного Гжатска и люди приветствовали его. А улицы были украшены флагами, как в праздник.

Юра говорил возвышенно. Говорил о нашей стране, воспитавшей многих замечательных людей. Быть полезным Советской Родине, советскому народу — большое счастье. Сказал, что во время полета звучали в его сердце слова: «Родина слышит, Родина знает...» Сын горячо благодарил людей, которые готовили его полет. А потом повернулся в нашу с Алексеем Ивановичем сторону, сказал:

— Огромное спасибо моим родителям. Нет слов, чтобы описать тот труд, который вложен в нас, детей; нет слов, чтобы выразить чувство благодарности, которое я испытываю.

После я прочла в одной книге Юрины слова: «Вспомнилась мама. Она словно бы вошла в корабль и наклонилась надо мной, как в детстве, во время сна. Я даже ощутил на лице тихое ее дыхание. Вспомнилось, как целовала она меня на сон грядущий... Вспомнив о маме, я не мог не вспомнить о Родине. Неспроста советские люди называют Родину матерью: она вечно жива, она бессмертна. Всем, чего достигает человек в жизни, он обязан Родине».

В речи на митинге Юра отметил людей, с которых он брал пример, у которых учился, которые учили его.

Выступали вслед за ним многие. Смотрю — недалеко от трибуны Лев Михайлович Беспалов стоит, Юрин школьный учитель. Слов его я не расслышала, а Юра разобрал, закивал:

— Обязательно приду! В школе обязательно буду!

Очень любил Юра своего учителя, в книге «Дорога в космос» писал о нем: «Кто знает, не встреть я его и, может быть, не был бы космонавтом. Это так важно — с детства определить свой дальнейший жизненный путь и идти по нему, не сворачивая в сторону. Лев Михайлович привил мне любовь к физике и точным наукам, познакомил с творчеством К. Э. Циолковского».

После митинга в парке мы пошли домой.

Вдруг Юра бросился вперед.

— Елена Федоровна!

Оказывается, там стояла Елена Федоровна Лунова. Обнял он свою учительницу, приглашает в гости, она застенчиво отнекиваться стала:

— Не могу. Действительно не могу.

Юра осмотрелся, нашел фотографа, попросил:

— Сфотографируйте, пожалуйста. Прошу: карточки не забудьте Елене Федоровне и мне сделать.

Вечером в новом доме за праздничным столом собралась вся наша семья. Много было родственников, Юриных друзей. Не знали даже, как разместиться. В тесноте, да не в обиде.

Во главу стола Юра посадил нас с отцом:

— Новоселам — почетное место!

Новоселье было веселое, лучезарное. Вечером по радио передавали Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении рабочих, конструкторов, ученых,

инженерно-технических работников за успешное осуществление первого в мире космического полета. Многие стали Героями Социалистического Труда, семь из них — дважды, тысячи людей награждены были орденами и медалями Советского Союза.

Я слушала Указ, и мне открылась грандиозность труда, результатом которого был первый полет в космос. Сколько же людей трудились, коли одних награжденных было несколько тысяч!

Юра поднялся очень торжественный и предложил тост:

— За выдающихся ученых, за умнейших инженеров, за самоотверженно трудившихся рабочих, за испытателей техники, за всех, кто готовил дерзкий полет, кто доверил мне плод своего ума и труда, своих мечтаний.

Все за столом встали.

По телефону Юра связался с редакцией газеты «Правда», попросил передать от своего имени, от имени родителей и земляков сердечные поздравления всем награжденным.

На утро намечена была рыбалка. Юра пошутил, что все-таки имеет право на отдых. Я-то думаю, что дело было не в этом. Просто хотел показать приехавшим с ним из города наши смоленские места, которые он очень любил.

Мы с Зоей остались дома. Разве хозяйкам можно гулять, когда в доме гости? Да еще так много, да по такому случаю?

Смотрим — еще одна машина подъехала, выходят двое: один в военной форме, а второй в гражданском, но с Золотой Звездой Героя Советского Союза, знакомятся:

— Николай Николаевич Денисов.

— Сергей Александрович Борзенко.

Сказали, что из «Правды», привезли Юрию Алексеевичу газеты с Указом о награждении, с Юриным поздравлением ученым. Мы объяснили, где наших рыбаков разыскать.

Возвратились они все вместе. Приехали на грузовике. Юра всю дорогу стоял в кузове. Пели.

Смеясь, рассказали, что встречавшиеся по дороге люди заглядывали в окна легковых машин — искали космонавта, а на людей в кузове, среди которых был Юра, внимания не обращали.

В школу Юра пошел на другой день. Вначале подошел он к старенькому двухэтажному дому на Советской улице, где располагались классы в послевоенное время, постоял, посмотрел, потом повернул к новой школе.

Лев Михайлович рассказал мне о встрече. Сын вошел в школу, снял фуражку. Молоденькая учительница обратилась к нему:

— Юрий Алексеевич!

Хотела продолжить, но Юра очень мягко ее поправил:

— В этих стенах я не Юрий Алексеевич, а как был — Юра, Юрка.

Обошел он все классы, посидел за партами, с интересом послушал учителей, расспросил об их жизни, рассказал о себе. Потом Юра в школьном дворе посадил лиственницу, напомнил: «Мы каждый год сажали, восстанавливали изуродованные фашистами леса. Пусть это дерево растет в знак нынешней мирной победы советского народа».

У Льва Михайловича Юра поинтересовался, какая помощь требуется. Учитель поделился, что здорово бы ребят заинтересовала «Школа юных космонавтов». Юра загорелся:

— Наш кружок, только в нынешних условиях! Правильно. Я нужен?

— Очень.

— Считайте, что записан. И с таким же удовольствием, как стремился на ваши занятия, буду ходить в этот кружок.

— И вести работу,— добавил учитель.

— И вести работу,— согласился Юра.

Почему так подробно, стараясь не упустить ни одной детали, описываю первое посещение Юрием Гжатска? По прошествии времени я поняла, что уже с первых дней складывались особенности взаимоотношений сына-космонавта с родным городом. Он приезжал сюда отдыхать, но постоянно помнил о своем долге — долге сына, воспитанника, земляка. А ведь долг-то платежом красен.

В эти дни завязались многие знакомства, которые потом у Юры переросли в горячую симпатию, а с некоторыми людьми — в дружбу.

Ивана Антоновича Денисенкова — председателя колхоза имени Радищева, Героя Социалистического Труда — в те дни видели мы мало. Нам, сельским жителям,

объяснять не нужно, как в начале лета бывает занят председатель. Был Иван Антонович на митинге, вечерами вырывался побыть с нами часок-другой. Но видела я, как потянулся Юра к нему, в суматохе встреч нет-нет да и спросит о хозяйстве. Договорились, что Юра приедет в следующий раз подробно познакомиться с колхозом.

Приятно отметить, что и старые друзья не были забыты. Не обошел Юра вниманием ни учителей, ни одноклассников, ни соседей, ни родных.

В Клушино поехали на нескольких машинах. Юре хотелось, чтобы все вместе мы побывали в дорогих нам местах. Ехали. Сияющими глазами смотрел он вокруг, приговаривал:

— Хорошо-то как! Красиво у нас на Смоленщине!

На полпути в Клушино, у деревни Пречистое дорогу машинам перегородили люди. Оказывается, проходил тут семинар председателей колхозов Сычевского района. Хотят доброе слово космонавту-земляку сказать, вот и букет для встречи приготовили. Юра успеха председателям пожелал, говорил тепло. Но задерживаться надолго нельзя было, ведь и в Клушине нас ждали.

Сколько же там народу собралось! У каждого дома останавливался Юра, потому что людям хотелось поговорить с ним, а ему — порасспросить односельчан.

У большого дома в центре деревни окликнула его старая женщина, лукаво на него поглядела:

— Ну, Юрушка, бога-то там не видел?

— Не видел! — Юра головой качнул.

А она ему:

— А меня-то небось не помнишь?

Все вокруг затихли, а Юра нагнулся к ней, отвечает:

— Да как же я могу вас, Вера Дмитриевна, забыть? Часто с благодарностью вспоминаю. Не только я — уверен, что и другие школьники сорок третьего.

Это была та самая Клюквина, в доме которой на третий день после освобождения стала заниматься школа.

Услышала Вера Дмитриевна Юрины слова и прослезилась. Глаза платком утирает, приговаривает:

— Спасибо, Юрушка, уважил!

Спустились мы с пригорка. Остановились на том месте, где дом наш когда-то был. Юра и говорит:

— Мам! Пройдем к землянке.

Землянка тогда, конечно, обвалилась, яма от нее осталась — примета. Подошли мы. Сколько мыслей пронеслось в голове! О войне, о горестях, о победах, о мире. Юра меня понял, обнял, говорит:

— Ну теперь-то все хорошо!

— Хорошо, Юра!

Теперь у него дни были расписаны намного вперед. В этом расписании встречались названия других стран, о которых мы раньше только в газетах, книгах читали, в кино их видели.

Юра успокоил: «Бывать буду часто».

Обещать-то он обещал приезжать, но я опасалась, что трудно Юре будет это сделать, раз так много у него разъездов. Но опасения были напрасными. Едва выдавался свободный день, являлся погостить. Хотя не так часто, как ему и нам хотелось.

А вот писем его мне стало недоставать. Телефонный разговор отзвучал — и нет его. Письмо же можно читать-перечитывать.

Сейчас часто перечитываю Юрины книги, статьи. Встречаются там упоминания о доме, детстве, семье, родителях — они как привет из далекого далека, от родного моего мальчика.

День дома

Прочла я в одной книге слова Льва Толстого: «Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться... А спокойствие — душевная подлость».

В следующий раз Юра приехал в августе 1961 года. Приехал с Валей, девочками, родителями Германа Тито-

ва, с дядей — Савелием Ивановичем, его женой Ольгой Яковлевной. Считалось, что он приехал отдохнуть. Он играл с Леночкой, с особой трогательной заботой наблюдал за Галочкой, перепеленывал, кормил ее, возился с племянницами и племянником, шутил с соседскими ребятишками. Проведал друзей и учителей. За всем этим не забывал о родителях Германа Титова и других гостях, показал им город, старался быть побольше с ними.

В первый вечер пришел директор завода Александр Иосифович Станкевич. Мы знали его с тех пор, как, демобилизовавшись после войны, вернулся он в Гжатск. Вскоре, женившись, поселился недалеко от нас на Ленинградской улице. С братом его жены Мишей Воеводиным уехал Юра в Москву поступать в ремесленное училище. Так что приходу Александра Иосифовича не удивились. Но немного спустя почувствовали — визит неспроста. Юра напрямик спросил об этом Александра Иосифовича.

— Хочется, чтобы вы, Юрий Алексеевич...

— Только уж, пожалуйста, без Юриев Алексеевичей. Когда вы нас с Мишкой разгоняли, по-другому называли.

— Да просьба у меня по работе. Желательно, чтобы вы со стройкой «Динамика» познакомились.

— Экскурсия?

— Не-ет,— Александр Иосифович немного замялся, а потом как в атаку пошел, напрямую, не хитря, сказал:— Есть предположение, что будете вы нашим депутатом Верховного Совета СССР. Стройке помощь нужна, поддержка.

— Насчет выборов говорить рано...

Александр Иосифович запротестовал:

— Неужели думаете, кто-либо другой может быть избран?

Но Юра отчеканил (вот тут-то я на секундочку увидела, что может сын быть волевым, даже жестким), отчеканил, как отмел:

— О чем говорить рано, о том — рано. Но, согласен, помощь стройке нужна, Борис рассказывал. Начнем с ознакомления.— И тут же заговорил мягче:

— А уж после экскурсии давайте рассмотрим документы. Хорошо?

Александр Иосифович с облегчением перевел дух.

— Конечно, хорошо. Кстати, завтра — 15 августа, в

некотором роде годовщина: год назад сдан первый корпус завода. Но, к сожалению, на этом застопорилось, хотя вопрос о расширении давно решен.

— Посмотрим.

Наутро Юра надел военную форму. Уже по одному этому я поняла: считает дело серьезным.

Вечером после осмотра стройки они дома с Александром Иосифовичем разбирались в планах, чертежах, бумагах. Прикидывали, куда надо идти, где решать, что делать. Юра выписал для себя задания.

Съездили Юра с Валей в колхоз имени Радищева. Вначале Юра выступил перед колхозниками, а затем отправились вместе с Иваном Антоновичем Денисенковым по полям, фермам, мастерским. Потом, считай, ни одного приезда не было, чтоб Юра не завернул в колхоз. Обычно говорил, что хочет посоветоваться с Иваном Антоновичем по какому-нибудь вопросу.

Как-то вечером завел Алексей Иванович разговор о выступлениях сына.

— Ты мне скажи,— обратился Алеша к нему,— почему, считаешь, тебя везде выступать приглашают? Понятно, когда ты перед рабочими, колхозниками говоришь. Это вроде бы отчет перед тружениками. Так? А в школах? Может, ребятишки просто любопытствуют?

Говорит, чувствую, вовсе без какого-либо ехидства, без желания осадить, которое часто у Алексея Ивановича бывало.

Юра понял, что вопрос важный для отца.

— Мне это не раз на ум приходило,— отвечает серьезно.— Вроде бы, думаю, им любопытно на живого космонавта поглядеть. Конечно, не без того. Но знаешь, пап,— тут он заговорил горячо,— я себя на их место поставил. Как же мне в детстве хотелось увидеть Чкалова, Маресьева! Представил, если бы они приехали к нам в школу да, обращаясь к ребятам, сказали: «Надо хорошо учиться! Надо, братцы! Страна нуждается в знающих специалистах, в людях, которые сумеют свой долг выполнить!» Ух, как бы я старался!

— Ты и без того отличником был,— негромко проговорил Алексей Иванович.

— Если бы не был — стал бы. Поэтому мне подумалось: если даже десять — двадцать ребят из присутствующих убедить смогу — хорошо...

— А если побольше?

— Тогда отлично!—звонко сказал Юра.

Алексей Иванович смотрел на него с нежностью:

— Правильно. Я так, сынок, и подумал.

Дни короткого отдыха подходили к концу.

В 1962 году земляки выдвинули кандидатуру Юры в депутаты Верховного Совета СССР. На предвыборном собрании рабочих завода «Динамик» выступил директор и сказал:

— Юрий Алексеевич, еще не будучи избранным, уже помогает стройкам родного города, знакомится с районом, выступает в рабочих, сельских коллективах, ведет работу с ребятами.

В день выборов мы пришли на избирательный участок всей семьей. Соседи, знакомые поздравляли нас.

Наказов ему как депутату было немало. Но Юра и без наказов за работу принялся с энтузиазмом. Первым в списке стояла помощь строительству завода «Динамик»—большой стройке города.

Теперь едва Юра приезжал, дом наш превращался в штаб. Приходил первый секретарь горкома партии Николай Иванович Артюхов, директор завода Александр Иосифович Станкевич, другие руководители. Раскладывали чертежи, схемы, проекты. Юра был в курсе дел, забот, нужд. Считал, что депутат должен знать положение дел.

Стройка постоянно рождает вопросы. Однажды зашел к нам Александр Иосифович. Видим, директор расстроен. В чем дело? Оказывается, заводу фонды на строительство выделяют, а на жилье, детский сад, котельную—срезали. Тут Алексей Иванович категорично сказал:

— Вот уж это точно дело для депутата Верховного Совета СССР. Кому, как не депутату, интересы людей отстаивать?

— Хорошо бы именно сейчас поднажать,—говорит Александр Иосифович.

Говорит, а сам вроде бы чего-то недосказывает.

— С Юрой, что ли, надо посоветоваться?—пришел ему на помощь Алексей Иванович.

— Надо. И не только посоветоваться. Хорошо бы, в совнархозе он поговорил.

Не любил Алексей Иванович вмешиваться в служеб-

ные и общественные дела сына. Тут ко мне за советом обратился:

— Как, мать, позвоним сыну?

— Надо, Алеша,— говорю.— Разве ж это порядок: завод строить, а жилье — нет?

— И я говорю,— добавил Алексей Иванович и предложил:— Может, вам поехать с Борисом? Директор и рабочий, каждый со своей колокольни вопрос-то и осветит.

Позвонили Юре. Он сразу понял, согласился. Только условие поставил: привезти с собой подробные, обоснованные предложения. Сказал, что позвонит председателю совнархоза, попросит о приеме через 5—7 дней.

Через неделю Борис и Александр Иосифович поехали к Юре в Звездный, чтобы на следующий день быть у председателя совнархоза.

Об этой такой важной для нашего города встрече Александр Иосифович рассказал в тот же вечер нам, «главным болельщикам и организаторам», как он выразился.

Мне нравились рассказы Станкевича, потому что, желая ничего не упустить, он описывал все мелочи, которые нам, родителям, дороже всего.

Приехали они к Юре вечером, он припозднился, поэтому разбирать документы пришлось до глубокой ночи. Юра вникал во все вопросы, спрашивал, что нужно, чем обосновано, реальны ли требования. «Въедливый»,— определил Александр Иосифович. Договорились утром еще все обговорить. Завел Юра будильник на шесть часов. Проснулись Борис и Станкевич до звонка. Юры уже не было — выбежал на разминку. К шести прибежал: «Можно за дело».

Еще раз проглядели документы. Отправились в Москву пораньше.

На совещание приглашено было около тридцати специалистов.

— К нам обратился с просьбой Юрий Алексеевич Гагарин,— открыл заседание председатель.

Пауза была небольшая, но Юра сумел вставить фразу так, чтобы не получилось, что он перебил председателя совнархоза:

— Обратился, выполняя депутатский наказ избирателей.

Председатель продолжил:

— Бумаги, думаю, у директора приготовлены? Техническая документация? Обоснования? Выкладки? Доложите, товарищ Станкевич!

Александр Иосифович кратко изложил. Председатель обратился к специалистам:

— Какие мнения?

Один из них ответил:

— Кажется, все учтено.

— Тогда сделаем так: оставляйте записку. Мне тоже кажется, что все в порядке. Точный ответ дадим в кратчайший срок. Удовлетворен, товарищ депутат Верховного Совета СССР?

— Удовлетворен.

— Есть ли еще какие-либо проблемы, Юрий Алексеевич? Не с одним же вопросом приехали?

— Не с одним,—ответил Юра, а Станкевич растерялся: обговаривали только одну просьбу.

— Без промышленности нет города. Хорошо бы еще один завод заложить.

— Подумаем! Случится выбирать место заводу — будем иметь в виду Гжатск.

Первый вопрос был решен через три дня. Не забыл председатель и о втором своем обещании Юре — в городе началось строительство завода трубных заготовок.

> Обсуждали мы как-то с Александром Иосифовичем прошлые дела, он заметил:
>
> — Некоторые думают, что гагаринские просьбы люди исполняли потому, что он ГАГАРИН. А я знаю, что к каждой деловой встрече он готовился, просьбы высказывал только выполнимые, реальные. Вдумчиво работал.

В 1965 году пустили завод. На очереди были другие стройки: кинотеатр «Космос», городская больница, средняя школа № 2, школа-интернат. Первый асфальт был положен в городе по Ленинградской (самой длинной) улице, около парка имени Солнцева.

Бывало, идем мы по улице, проходим мимо какой-нибудь стройки — сын остановится, с рабочими поговорит, и сразу: «В чем загвоздка? В чем нужда?»

Да и села не забывал. В Клушине построили Дворец культуры, благоустроили улицы.

Очень помогал Юра университету культуры. Он считал, что жители небольших городов и сел не меньше, чем столичные, нуждаются в культуре. Сумел заинтересовать родными местами известных артистов, композиторов, писателей. В Гжатск приезжали Тихон Хренников, Александра Пахмутова, Николай Добронравов, Юрий Чичков, Александр Долуханян, Оскар Фельцман, Иосиф Кобзон, Ия Саввина, Евгений Матвеев...

Не только в городе выступали они, ведь в районе было 14 «спутников» университета культуры. Вот артисты, композиторы и побывали в селах Токареве, Карманове, Пречистом, Мишине, Никольском.

Алексей Иванович однажды даже укорил:

— Все Гжатску да Гжатску! Другим что останется?

Юра не согласился.

— Ты, отец, недооцениваешь энергию и силу убеждения других депутатов.

Вел Юра депутатский прием обычно в горкоме партии. В эти вечера он очень уставал. К депутату приходят с предложениями, но чаще за помощью. Да по таким вопросам, которые не сразу решишь. Юре хотелось всем помочь. Но ведь могло получиться — поможешь тому, кто обратился, а другого, кто к депутату не пошел, обидишь. Особенно это касалось жилищных вопросов. Выслушает он человека, вникнет в его нужду, запишет, но пока возможности предприятия в предоставлении квартир не проверит — ответа не даст.

Вот и настаивал он на скорейшем строительстве благоустроенных многоэтажных домов в городе. Добился этого решения. Сейчас наш город неузнаваем. А начали подниматься большие дома в шестидесятые годы.

Немало времени отдавал он депутатским делам. Но ведь ему приходилось ездить и по другим городам, поселкам, стройкам.

Трудно припомнить, да и перечислить те места, где он только ни побывал: Ленинград, Красноярск, Калуга, Рязань, Краснодарский край, Оренбург, Саратов, Ташкент, Смоленск, Комсомольск-на-Амуре, Ростовская область... Каждая встреча, каждая поездка приносила много впечатлений.

С иными людьми бывает, что их воспоминания отъединяют их от слушателей. Случается, такой человек повторяет-повторяет, что мы жили, мол, тяжело, а вот нынешняя молодежь... Юра никогда не противопоставлял свою биографию жизни других людей. Выступит в школе — обязательно сравнит с годами своей учебы; встретится с учащимися ПТУ — вспомнит о традициях трудовых резервов, поедет в колхоз — чувствует себя человеком, в деревне рожденным; отчитывается перед рабочими как один из представителей рабочего класса.

Воспоминания роднили его с людьми. Эти воспоминания на прошлом не останавливались, они были устремлены в будущее.

Что еще отличало его, так это совершенное отсутствие зазнайства. Не раз от него я слышала:

— Мама! Как я еще мало знаю!

Когда я гостила у него, могла наблюдать, как четко организовал он свою жизнь. Всему свое время. Сейчас, вспоминая, я многому удивляюсь. Все планировал, а не выглядел сухим, занятым человеком. Учился, узнавал, не выпячивал знания. На трудностях свое и чужое внимание не сосредоточивал. А они были!

К Смоленску, людям его Юра относился как-то особенно нежно. Причины и объяснять не приходится — родина. Любил повторять: «У нас на Смоленщине!», «Мы — смоляне». Любил говорить, как щедра смоленская земля на таланты, перечислял замечательных революционеров, художников, писателей, полководцев. С гордостью за свою землю говорил о смолянах Петре Алексееве, маршале Тухачевском, Федоре Солнцеве, Вере Засулич, Михаиле Глинке, Александре Твардовском, Сергее Коненкове, Михаиле Исаковском, герое штурма рейхстага Егорове.

А разве не преклонялся он перед талантами людей, не на Смоленщине рожденных? Встретился с Константином Фединым — с увлечением рассказывал о писателе, о его книгах; увиделся с Алексеем Маресьевым — рассказам не было конца; ездил на вечер во Всероссийское театральное общество — с преклонением перед талантами артистов говорил о них. Увидел концерт Ансамбля народного танца, познакомился с артистами, с их руководителем Игорем Моисеевым — поделился с нами восхищением их искусством.

К Михаилу Александровичу Шолохову у Юры было какое-то особенно почтительное отношение.

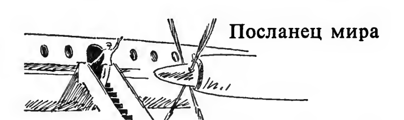
Сын не раз вспоминал ту или иную деталь поездки с молодыми писателями в Вешенскую, реплики, оценки, замечания Шолохова. Михаил Александрович повел их на сельский сход, говорил о работе писателей, о жизни и интересах сельской молодежи, о необходимости живого, тесного общения писателя с народом. К их приезду Шолохов прочитал книги, рукописи писателей—участников семинара, разбирал их строго, но доброжелательно.

— О твоей книге, случаем, не говорил?—спросил Алексей Иванович.

— Нет, специально не говорил. Но когда сказал, что люди интересуются подвигами первопроходцев космоса, я понял, что в этом его оценка значимости наших книг.

Оценки Шолохова Юра ставил очень высоко. Сын любил приводить телеграмму Михаила Александровича от 13 апреля 1961 года. «Вот это да! И тут уже больше ничего не скажешь, немея от восхищения и гордости перед фантастическим успехом родной отечественной науки».

Юра говорил, что Михаил Александрович в космическом полете увидел главное: не мужество одного человека, а успех науки, огромного коллектива людей.

Посланец мира

Немало пришлось Юре поездить по свету. Перед тем как впервые после полета прибыть в родной Гжатск, он уже побывал в Чехословакии и Болгарии. А когда приехал к нам в августе 1961 года, то рассказывал о поездках в Финляндию, Англию, Польшу, Кубу, Бразилию, Канаду.

Половина времени уходила на его рассказы о поездках. Раз он даже шутливо посетовал:

— Мало мне пресс-конференций за границей, так приходится родным отвечать на многочисленные вопросы.

Но вместе с тем не поделиться с нами он не мог. Был полон впечатлений, мыслей, наблюдений.

В скольких странах он побывал! Венгрия, Индия, Цейлон, Афганистан, Египет, Гана, Либерия, Греция, Кипр, Австрия, Япония, Дания, Франция, Мексика, Швеция, Норвегия... Разные были встречи. Юра встречался и беседовал с рабочими, королями, студентами, крестьянами, учеными, миллионерами, летчиками, артистами.

Тогда у нас не возникал разговор, зачем нужны эти поездки. Очень ярки были детали, которыми он делился, они все заслоняли.

Сейчас, по прошествии времени, вижу, что сын уже тогда ощущал себя посланцем мира, человеком, не забывающим, что такое война, какие ужасы несет она людям. Припомнилось, как Юра рассказывал об Австрии. Посетил он небольшой городок Маутхаузен, который известен миру тем, что возле него находился фашистский концентрационный лагерь. В знак памяти, для предостережения люди сохранили это место. Высокая, сложенная из серого камня, обвитая колючей проволокой стена. В лагерь смерти привозили борцов против фашизма, и мало кто вышел живым из его ворот. Высятся сейчас там памятники погибшим. На большой мемориальной доске, установленной у ворот, высечен перечень загубленных в лагере людей.

Юру так поразили тогда эти цифры горя, что он записал их, прочитал нам. С июня 1938-го по май 1945 года там было замучено фашистами 122 767 узников. Из них граждан СССР — 32 180, поляков — 30 203, венгров — 12 923; югославы, чехи, немцы-антифашисты, австрийцы-антифашисты. Тут гибли французы, испанцы, итальянцы, греки, бельгийцы, голландцы, норвежцы... Нашли смерть и 34 американца, 17 англичан. В этом лагере был зверски замучен крупный советский ученый генерал Д. М. Карбышев.

Тот Юрин рассказ мне особенно запомнился. Сидели мы за столом: Юра, Алексей Иванович, я, Зоя. Конечно, тут же прискакали внуки — Тамара да Юрик. Сын говорил негромко, а как до описания издевательств фашистов

над людьми дошел, голос его прервался. Встал он, к окошку отошел... Я чувствовала, что ему виделись дни оккупации, издевательства фашистов над нашей семьей, над Бориской, над нашими соседями, над советскими людьми. Знала, что вспоминал он и об участи Валентина и Зои, угнанных тогда в неволю.

Постоял немного, успокоился, сел рядом с Зоей и обнял ее. Сурово, сдержанно произнес:

— Какое счастье, что наш народ выдюжил в этой борьбе, что он разгромил фашистов, дал молодому поколению советских людей возможность жить такой творческой жизнью, летать в космос, строить коммунизм!

Юра не любил громких слов, стеснялся произносить их, но тут сказал:

— Я дал там клятву отдать все силы борьбе за мир. Все силы! Рассказать, показать, что наша страна делает все, чтобы предотвратить новую войну.

Я понимала: поездки Юры большую пользу приносят.

Люди других стран убеждаются, как добра наша страна, если простой, очень простой человек становится героем. Что главное для нас — мир.

Многие говорили, что улыбка Гагарина — лучшее доказательство наших мирных устремлений. Юра всегда был честным, отзывчивым. Это было написано на его лице.

Враги мира это, конечно, понимали.

В той же Австрии, рассказал Юра, во время его пребывания там одна венская газета поместила заметку, в которой пыталась настроить читателей против визита советского космонавта. В ней с удивлением отмечалось, как же это так — офицер Советской Армии разъезжает по стране, да еще в военной форме? А на другой странице та же газета сообщала, что группа студентов Венского университета будто бы выступила против приглашения Гагарина к ним на лекцию о космосе, будто бы ректор поступил вопреки воле студенчества.

Но Юра поехал на встречу. Конечно, студенты приняли его горячо, слушали внимательно, вопросов задавали много. Никаких провокаций — если они даже кое-кем и готовились — не было.

Люди его везде понимали. Еще при посещении Маутхаузена Юра отметил, что на подходах к бывшему лагерю смерти, на стенах домов в соседних селениях много

надписей: «Мир», «Дружба», «Не допустим больше фашизм!», «Никогда не допустим концентрационных лагерей!».

Австрийские труженики, сами пострадавшие от фашизма, выразили так свою волю.

Вспоминал Юра и другой случай в Австрии.

Однажды им пришлось ночью сделать короткую остановку в придорожной таверне. Народу там было очень много: туристы, шоферы грузовиков, лесорубы. Австрийцы узнали наших, тепло поздоровались с Юрой, Валей. Один молодой лесоруб подошел к музыкальному автомату. Раздался отрывистый счет по-немецки: «Пять, четыре, три, два, один, ноль!», потом шум и грохот, как при запуске ракеты, и голос, похожий на Юрин, сказал по-русски: «Поехали!» Зазвучала веселая мелодия. Оказывается, это была очень популярная в те дни у австрийцев «космическая» пластинка под названием «Полет к звездам».

Так лесоруб приветствовал советских людей. Ставили эту пластинку несколько раз. Все были довольны: и гости и хозяева.

Дружелюбие побеждает. Особенно когда встречаются труженики. Юра щедро делился своими знаниями, впечатлениями с теми, кто его принимал. Встречавшие дарили ему взамен свою теплоту.

В Гаване, когда самолет с делегацией приземлился, разразился тропический ливень. Аэродром сразу же залило водой. Но никто из встречавших—а их были тысячи—не сделал даже попытки укрыться от дождя. Юра, все прибывшие с ним тоже вышли под ливень.

Вместе с Фиделем Кастро ехали от аэродрома к центру столицы в открытых машинах, а на обочинах и тротуарах выстроились тысячи и тысячи радостных людей, наших кубинских друзей.

В Египте Юре вручили высшую награду страны—«Ожерелье Нила», передали на вечное хранение золотые ключи от древних ворот Каира и Александрии. В Либерии одно африканское племя избрало его почетным вождем, ему сказали, что совет вождей доверяет мудрости молодого советского космонавта.

На Кипре выступавшие на митингах особенно горячо говорили о мире, о необходимости за него бороться, выпустили в небо стаи голубей. Президент республики

архиепископ Макариос, сказал Юра,— энергичный, живой человек с умными, добрыми глазами. Он расспросил Юру о подробностях космического полета.

Часто, когда Юра рассказывал о какой-нибудь стране, то говорил об ее истории, особенностях. Чувствовалось, к поездкам он готовился.

Нравилось мне, что в каждом народе, в истории каждой страны он отыскивал замечательные черты.

Индия была первой страной Азии, где побывал Юра. Полетели они с Валей. Вернулись незадолго до нового, 1962 года. Юра так живо рассказывал, а иной раз даже чертил что-нибудь, фотографии показывал, что и я увидела широченный Ганг, сказочные города Индии, кварталы университетов, женщин, одетых в яркие одежды, смуглых, яркоглазых мужчин, венки из цветов.

— С огромным почтением в Индии относятся к учителям,— сказал Юра.

— Слово «гуру», которое переводится как учитель, обозначает Учитель с большой буквы. Это наставник, человек, с которого следует брать пример.

Потом сказал, что в Индии поделился своими мечтами о полете интернационального экипажа, выразил уверенность, что индийский гражданин побывает в космосе.

3 апреля 1984 года, накануне Дня космонавтики, смотрела я телепередачу о старте космического советско-индийского экипажа. Волновалась, радовалась, ожидала возвращения Юрия Малышева, Геннадия Стрекалова, Ракеша Шармы.

Я взяла тогда в руки Юрину книгу, перечитала слова, с которыми он обратился к молодежи Индии: «Мне бы хотелось принять участие в полете на космическом корабле с группой молодых космонавтов разных национальностей — русскими, индийцами, американцами,— говорил Юра в 1961 году.— Это был бы мирный научный космический корабль. Давайте будем все вместе стремиться к тому, чтобы эта мечта осуществилась... Не является ли наша Земля таким космическим кораблем, который несется в просторах Вселенной? Этот корабль принадлежит всем нам, всем народам, и его команда должна жить в мире и дружбе».

Предвидение Юры сбылось.

Земные якоря

Шестого августа 1961 года было передано правительственное сообщение о начале полета корабля «Восток-2». пилотируемого Германом Титовым. Наша семья следила за полетом с волнением, переживая за Германа, как за родного. Я близко познакомилась с Юриным соседом еще до полета, оценила мягкость, предупредительность, ум Германа. Мне как жене и матери нравилось его отношение к Тамаре, детям. Всей душой желали мы ему успеха, поэтому вздохнули с радостным облегчением, когда по радио сообщили о его благополучном приземлении.

Сопоставив кое-какие свои наблюдения, вспомнив, как часто вместе уезжали на занятия и в командировки Юра, Герман и другие летчики, я поняла, что немало еще будет космических рейсов. А значит, немало еще предстояло работы и у Юры. К тому же летом 1961 года его назначили командиром отряда космонавтов. В конце декабря 1963 года он стал заместителем начальника Центра подготовки космонавтов. На руководителях всегда лежит большая ответственность. Можно только предполагать, как она велика. Конечно, космические полеты — дело особенное. А когда приходили к Юре домой космонавты, из их бесед — хотя никогда в глаза они сына моего не хвалили — можно было понять, что его помощь и опыт служат им большой подмогой.

Юра был наставником Андрияна Николаева и Павла Поповича, готовил их к полету, провожал на космодроме. Был техническим тренером Валентины Терешковой, участвовал в подготовке экипажей космических кораблей «Восход» и «Восход-2» — Владимира Комарова, Константина Феоктистова, Бориса Егорова, Павла Беляева, Алексея Леонова. Может, кому-то мало посвященному казалось, что полеты отличались друг от друга только

Дж. Неру с Ю. Гагариным и В. Гагариной.

Ф. Кастро и Ю. Гагарин.

Ю. Гагарин на заседании совета Гжатского народного университета культуры.

На сессии Верховного Совета СССР. Депутат Ю. Гагарин встречался с композиторами Д. Д. Шостаковичем, Д. Б. Кабалевским...

с председателем колхоза И. А. Денисенковым.

Ю. Гагарин в украинском колхозе.

На XIV съезде ВЛКСМ.

В пионерском лагере «Энергетик».

Ю. Гагарин на охоте с космонавтами В. Комаровым и А. Николаевым.

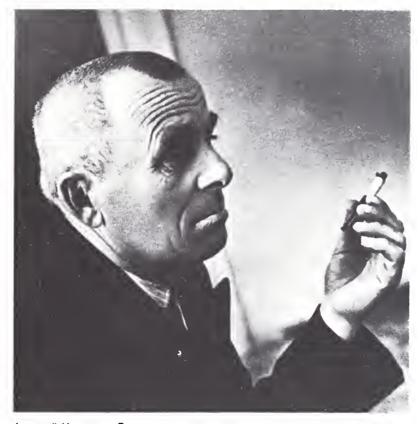
Ю. Гагарин с сослуживцем по Заполярью А. Росляковым и его семьей. (Публикуется впервые.)

Ю. Гагарин поздравляет А. Леонова после тренировочного полета на вертолете.

Алексей Иванович Гагарин.

Анна Тимофеевна Гагарина. (Фото Ю. Гагарина. 1961 год.)

Анна Тимофеевна Гагарина с внучками в Звездном.

Дорожные хлопоты.

Ю. Гагарин с дочерьми Галей и Леной.

А. И. Гагарин на открытии новой школы в Клушине.

Ю. Гагарин с учителем Л. М. Беспаловым.

На занятиях в Военно-воздушной инженерной академии им. Н. Е. Жуковского.

Ю. Гагарин на защите дипломного проекта.

После защиты.

длительностью, увеличением размеров корабля и числом членов экипажей. Но Юра говорил, что каждый полет — это открытие неизвестного. А неизвестное всегда коварно, таит в себе разные неожиданности.

Андриян Николаев первым должен был покинуть пилотское кресло. Никто не знал, что может произойти с космонавтом, когда в состоянии невесомости освободится он от привязных ремней, начнет свободно «плавать» по кабине. Сможет ли самостоятельно вернуться в кресло или будет совсем беспомощным? Тогда создастся аварийная ситуация. Но Андриян Николаев справился.

Алексей Архипович — Леша Леонов — первым вышел в открытый космос. Думать об этом страшно, а уж делать — и вовсе! Но космонавт выполнил намеченное, совершил настоящий подвиг.

Было в этом полете и еще одно героическое свершение. Во время полета обнаружились неполадки, из-за которых нельзя было автоматически, с Зёмли, включить тормозную установку.

Тревога бывает разная. У иных она вызывает панику, а других мобилизует на быстрые поиски выхода. Поручили Павлу Ивановичу Беляеву принять на себя управление. Приказ передал Юра. Павел Беляев взялся за ручное управление и посадил космический корабль.

К этому финишу космонавты всегда возвращались, восторгаясь умением Павла Ивановича, его собранностью, бесстрашием, хладнокровием. Юра говорил, что Павел опередил время, разведал то, что еще не планировали осуществить. Говорил, что это была разведка боем.

Евгений Хрунов припомнил, как решался вопрос об учебе летчиков, зачисленных в отряд космонавтов. Сергей Павлович Королев рассудил: армады космических кораблей — дело будущего, так что готовить нужно не командиров соединений, а досконально знающих корабль космонавтов-инженеров. Так был решен вопрос о Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского.

Как шло учение? Мы знали, рассказывал Евгений Хрунов, что во всех других институтах и академиях студенты, слушатели весь семестр посещают лек-

ции, семинары, а зачеты, экзамены сдают два раза в год. У нас было по-другому. Каждый день занятий начинался с опроса вчерашнего материала. Это были ежедневные (да притом строжайшие!) экзамены. А ведь надо было проходить технические тренировки, заниматься спортом, готовиться по программе предстоящего полета. Как только Юрий и Герман выкраивали время на поездки и встречи — не представляю. Спать нам в иные дни приходилось по полтора-два часа. Решили созвать собрание. Мы надеялись, что наше предложение — сдавать экзамены, как и все слушатели, в сессию — будет принято после того, как командование познакомится с расписанием нашего времени. Предложение довели до Главного конструктора. Сергей Павлович Королев передал ответ незамедлительно: «Времени на дебаты не тратить! Заниматься!»

Евгений рассказывал, посмеиваясь, но чувствовалось, что распорядок был нелегкий.

В Военно-воздушную инженерную академию имени Н. Е. Жуковского Юра вместе с товарищами поступил вскоре после космического полета.

Учился Юра, как всегда, хорошо. Хотя иногда был не удовлетворен, когда наряду с пятерками проскакивали в зачетке четверки.

Однажды Алексей Иванович предположил, что им — известным людям — профессора небось оказывают снисхождение.

— Как бы не так! — вроде бы с укором преподавателям, но на самом деле удовлетворенный их справедливостью, ответил сын и рассказал:

— Недавно говорили на партийном собрании о случае с ...— Юра назвал известное имя.— Шел экзамен, он задачу полностью не решил, получил тройку. А когда вышел из аудитории, сообразил, как нужно решать. Дождался профессора, тот проверил, говорит: «Правильно! Сам решил?» Наш товарищ: «Сам!» Профессор ему в ответ: «Вовремя надо было решать!» Отметку не исправил. А ты, отец, о снисхождении толкуешь. Тут мы еще и на собрании подсыпали неуспевающему! Ничего, научится побыстрее соображать.

Диплом академии Юра защитил в феврале 1968 года.

Домашние заботы

В рассказе о Юриных делах приходится порознь говорить о его труде, учебе, общественных делах. А в жизни его все тесно переплеталось: работал, занимался, выполнял обязанности депутата Верховного Совета СССР, был делегатом XXII и XXIII съездов партии, членом ЦК ВЛКСМ, председателем Общества советско-кубинской дружбы, председателем Федерации воднолыжного спорта.

Бывал он недоволен, что помочь по дому так, как ему хотелось, не удавалось. Случалось, только начнет какую-нибудь работу работать — забор подправлять, картошку сажать или копать, огурцы полоть или поливать — глядишь, кто-то из городских руководителей идет, вопросы важные нужно обсудить. Юра смущенно улыбнется:

— Мам! Освобожусь — помогу.

Но какое там — освобожусь! Идут и идут люди. Я вижу, ему домашними делами хочется заняться — такой труд он всегда любил, да другие заботы к себе требуют.

Нам не то обидно, что Юра не помог, а то, что побыть одним почти не удавалось. Может, его такое положение немного утомляло, только он никогда этого не говорил — ни словом, ни намеком. А кто приходил, никогда его неудовольствия не чувствовал, потому что его не было. Усталость, может, и была. Я думаю, Юра потому и к охоте пристрастился, что порой одному хотелось побыть. Ему как-то Алексей Иванович сказал, что охота — это вроде бы барство. Но Юра возразил:

— Подумать человеку тоже нужно. Природа к этому располагает.

Но эти замечания так, к слову. Юра приезжал обычно энергичный, подтянутый. Так и вижу: быстро выходит он из машины, несколько шагов, и он уже в доме. Гля-

дишь — строгий военный, улыбнется — и это мой прежний Юра: простой, ласковый, заботливый. А он уж подарки достает, да все нужные, желаемые. Значит, внимательный, присмотрелся, кто в чем нуждается, кто чего хочет. Все осмотрит, новое оценит, обязательно скажет:

— Абажур, мам, красивый.

Или:

— Вот как Зоина клубника выросла, ай да ягоды!

А нам уж не терпится поговорить, о семье узнать, если он без Вали и девочек приезжал, о поездках послушать. Конечно, угостить его хочется своим, домашним обедом.

Юра в дом пройдет — тут уж обычно вся семья собиралась, — китель снимет, за стол сядет и эдак радостно-удивленно скажет:

— Щи! Ох, здорово как! Как я, мама, твои щи люблю!

Зоя накрывает, заметит:

— Между прочим, я их готовила.

— И твои всегда вкуснющие!

Лучшим праздником считал, когда может побыть с Валей, с девочками. Зачастую в такие счастливые дни Юра и его друг Толя Воронов приезжали погостить к нам вместе с женами и детьми. У Вороновых было двое мальчишек. Когда появлялись их семьи в полном составе, дом наш содрогался от детского гомона.

Юра с беспокойством нас спрашивал:

— Не оглохли еще?

Для нас с Алексеем Ивановичем детские голоса лучше лучшей музыки.

— Как же вас-то выдерживали? — напомнила я.

— Неужели, мама, мы так же шумели? — удивлялся он. — Нет, не поверю, мы были потише.

— А духовой оркестр? — спрашивает Алексей Иванович. — И не одергивай ребят. Толку не будет.

Юра не одергивал, старался придумать какую-нибудь игру на улице. Тут обычно подключались и соседские ребятишки, шуму было еще больше. И веселья тоже.

Часто семьями выезжали они с Вороновыми на водохранилище.

Выехали однажды Гагарины и Вороновы на отдых в полном семейном составе на катере. На середине Химкинского водохранилища повстречался им теплоход «Космонавт Юрий Гагарин». Капитан теплохода попро-

сил Юру подняться на борт. Потом прогулка пошла по прежнему плану. Пристали к лесному берегу, поставили для себя палатку, женщин, детей устроили на ночлег в каюте, мужчины разложили костер. Долго сидели у огня. На утренней зорьке наловили рыбы. К подъему семей успели наварить ухи. Одним словом — отдых. Пора было возвращаться домой.

Приплыли на лодке к стоянке катера, стали выгружаться. Была суматоха: переносили, передавали детей, теплые вещи, сумки. И вдруг — всплеск.

В узкой полоске воды между пристанью и катером только и мелькнула головенка маленького Юрика. Юра мгновенно бросился в воду, вытолкнул малыша, вынырнул сам. Юрик как был с пустым цветастым термосом в руках, так и не отпустил его.

Обсуждали этот случай, говорили, что как здорово помог «спасательный термос», какой молодец Юра, как хорошо то, как вовремя это...

Алексей Иванович послушал-послушал, поднялся, даже плюнул в сердцах:

— Ге-ерой! — сказал с укоризной.— Надо не подвиги совершать, а за детьми смотреть! Тьфу!

Смотреть-то смотреть надо, да разве подчас за ними углядишь?

— Хорошо,— говорю,— Алеша, около Клушина речки большой не было, а то еще неизвестно было бы, кого воспитывать.

— Упрек принимаем! — Юра ответил.— Но действовать и впредь будем сообразно обстановке.

В 1963 году мой внук Юрик был принят в Московское суворовское училище. На первые каникулы домой его привез Юра.

Вышли из машины двое военных. Старший одернул шинель, поправил фуражку, чтобы нигде ничего не морщило. Маленький, глядя на дядю, повторил за ним. Старший осмотрел Юрика, кивнул: «Можно идти!» Я из-за занавески, таясь, наблюдала.

— Нюра! Нюра! Ты погляди-ка на Юрку! — радостно позвал из другой комнаты Алексей Иванович. Я по его голосу поняла, что внука имел в виду.

— Да вижу, вижу обоих!

Сын вошел первым, в дверях сказал младшему:

— Я старший по званию! Приучайся к дисциплине.

Вошли, козырнули. Юра вытянулся перед дедом:

— Суворовец Юрий для прохождения отдыха к вам доставлен! Разрешите к отдыху приступить?

— Разрешаю и приказываю! — ответил Алексей Иванович, а сам стоит и неотрывно глядит на внука.

— Каков? — произнес Юра. И с легким сожалением добавил:

— Эх, моя детская мечта: форма суворовца.

За праздничным обедом только и разговоров было, что об училище. Юра расспрашивал племянника, восхищался порядком, прерывал:

— Ты, Юрк, доволен?

— Доволен! — солидно отвечал младший.

За время обучения Юрика в суворовском училище это, пожалуй, был самый радостный день.

Не заладилась у внука там жизнь. Учился он не в охотку, строгость правил и требований переносил нелегко. Окончив в суворовском пятый класс, упрямо заявил:

— Больше туда не поеду!

Вскоре приехал гостить к нам Юра. Зоя, подождав, когда посторонних в доме не будет, завела разговор об этом отказе. Всплакнула:

— Ну чем, как его переубедить?

Дед сразу же принял сторону внука:

— А если он не желает? Вот говорит, что без нас скучает. Мы тоже тоскуем.

— Юр! Ты-то что молчишь? Скажи мальчишке! Другие ребятишки суворовское во сне видят, а он...

Юра заговорил не сразу.

— Зоя! Мы виноваты.

— Мы?! — Она в растерянности аж задохнулась. — Как мы? Он училище бросил, а мы виноваты? Кто мы-то: ты да я?

— Ты и я, — утвердительно кивнул Юра головой.

— Ну-у нет! — заговорила Зоя. — Сам всю жизнь отличником был, я тоже не представляю, как это в школу можно идти с невыученными уроками. И ты говоришь: мы виноваты. Нет, нет, нет!

Юра подошел к сестре, обнял ее, успокаивая.

— Зоечка! Послушай, к какому выводу я пришел. Я виноват. Старался свою мечту навязать. Думал, если у меня в детстве было какое-то желание, то и у Юрика должно быть такое же. Человека надо уважать. Маленькь-

кому человеку надо помогать опыт приобретать. Собственный опыт, который поможет в жизни ориентироваться.

Юра был за то, чтобы внук остался в городе. Алексей Иванович согласно кивал головой.

— А учеба?—укоризненно глянув на отца, спросила Зоя брата.

Тут Юра сразу же переменился, повернулся к отцу.

— Неуспеваемость не имеет никаких оправданий!—сказал так твердо, что Алексей Иванович и слова замолвить не решился.—Никакого! Хотя, по правде сказать, как внушить, что ты о-бя-зан отлично учиться, я не знаю. Не знаю.

Так Юрик остался в Гжатске и отметками особенно не радовал. Зато Тамара училась увлеченно. В 1965 году перешла она в одиннадцатый, выпускной класс.

— Крестный,—обратилась по привычке к Юрию,—на выпускной приедешь к нам в школу?

— Делегата направили? Ну-ну, без обид! Приеду. Но мне бы хотелось испытать гордость за семью. Сможешь?

— Что?

— Закончить с золотой медалью?

— Постараюсь.

— А я—в свою очередь—постараюсь прийти на выпускной вечер.

— А если я точно закончу с медалью?

— Тогда я точно буду.

Свое обещание Тамара выполнила. Окончила школу с золотой медалью. Юра, получив сообщение, приехал на выпускной.

В школу мы пошли целой делегацией: Зоя, Юра, я, Алексей Иванович.

Учителя предложили Юре в память о встрече посадить дерево. Все было торжественно и празднично. Тамара светилась радостью—и за свои успехи и оттого, что удалось ей выполнить наказ ребят и учителей: заполучить Гагарина. Юра говорил очень тепло, «Огонек» смотрел с увлечением, смеялся, хлопал азартно.

Подошли учителя, вспомнили послевоенные годы учебы. Тут смотрим—идут к школе девушки в белых выпускных платьях, двое взрослых. Ясно: в нашу школу. Учительница узнала:

— Из второй школы делегация.

Они передали приглашение Юре от выпускников второй школы.

— Надо пойти! — тут же согласился Юра.— А то получится, что космонавты только к родным племянницам на выпускные вечера ходят. Только одно условие: никаких предупреждений. Сейчас же идем.

Пошли большой группой: учителя, несколько учеников, Юра. Подходим, вдруг грянул марш духового оркестра.

— Перехитрили! — засмеялся Юра.— Но кто? Кто предупредил?

Оказалось, что учитель физкультуры второй школы следил за переговорами издалека, когда понял, что Юра согласился, на мотоцикле помчался в школу.

Этот вечер в двух школах долго вспоминался своим хорошим настроением, музыкой, радостью ребят, добротой и открытостью сына.

Жизнь шла своим чередом. Тамара поступила в Московский университет на экономический факультет. Жила она в Москве в общежитии университета, а на выходные дни часто ездила в Звездный. Юра об этом договорился с Зоей сразу же: «Не волнуйся, сестренка, Тамару не оставлю».

Да иначе и быть не могло. В нашей семье так издавна заведено. Ведь и сам Юра, когда в ремесленном учился, выходные проводил у сестер моих, их семьи заботились о мальчике.

Письма Тамары тех лет полны рассказами об учебе, подругах и друзьях, о том, как с Юрой, Валей, девочками ездили они то в театр, то на спортивные состязания, а то и просто в гости в Клязьму к моим сестрам или в Москву к Савелию Ивановичу Гагарину. Тамара писала обстоятельно о том, как чувствуют себя Юра, Валя, другие родственники.

Валентин с женой и тремя дочерьми еще в 1962 году переехал в Рязань. Там сын и Мария пошли работать на завод синтетического волокна, девочки продолжали учиться в школе.

А в нашем доме опять ребенок. У Бориса и Азы появилась дочка Наташа. Нянчили ее по очереди родители да мы — дедушка с бабушкой. Малыш всегда силы прибавляет, хотя годы брали свое. Мы с Алексеем Ивановичем не молодели, прибаливать стали. Приходилось

все чаще обращаться к врачам. Юра был по-сыновнему внимателен, навещал в больнице.

Жизнь шла вперед.

Утраты

«Вся жизнь моя кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением»,— сказал Юра перед стартом космического корабля.

И не было в его словах грусти, которую я слышу сейчас.

Мне кажется, что после смерти Сергея Павловича Королева что-то изменилось в Юре. Как бы это точнее передать? Посуровел он, строже стал к себе. Не раз повторял, что неуютно ему как-то, что почести за полеты — им, космонавтам.

Он весь ушел в работу. Потом уж мне сказали, что он серьезно готовился к новому полету, что в январе 1967 года был утвержден дублером Владимира Михайловича Комарова.

А в апреле того года Владимир Михайлович погиб...

Юра весь почернел от горя.

— Неизведанное всегда непредсказуемо, коварно,— сказал тогда Юра. Но это объяснение не заглушало боль.

Опасность, которая раньше только проглядывала, показала себя. Теперь я стала бояться. Я ведь надеялась, что космонавты, уже побывавшие в полете, больше не подвергнутся этому испытанию. Но ведь Владимир Михайлович уже во второй раз совершал полет...

А Юра, поняв мое состояние, старался ничем не тревожить меня, был неизменно ровен. Когда я его пыталась расспросить о работе, отшучивался, говорил, не подослала ли меня иностранная разведка.

Но я чувствовала, чувствовала! Он почти не выезжал в заграничные поездки, да и по стране летал не так часто, как раньше. Зато не пропускал физзарядку, где бы ни был, много занимался спортом, подтянулся, за полночь засиживался за конспектами, книгами. На мои вопросы отвечал:

— Я же военный, мама! Работаю!

По-прежнему, едва выдавалось время, старался приехать с Валей и дочками, а то и один, в Гжатск. По своим депутатским делам, да нас проведать, отдохнуть.

В последний раз Юра приехал в Гжатск 4 декабря 1967 года. Были с ним Валя, Леночка, Галочка. Приехал Толя Воронов с женой, мальчишками. Прихватили они и Тамару.

Гостей тот приезд собрал очень много, было весело, как всегда, когда приезжал Юра. Наутро намечалась охота, из-за которой вечером еще спор возник. Мужчины никак не хотели брать в лес женщин. Жены смирились с отказом, а Тамара чуть не расплакалась.

— Крестный! Обещал же! — обратилась к нему за поддержкой.

— Ведь точно обещал! — утвердительно сказал Юра.— Обещание всегда надо исполнять.

И взял ее с собой.

На другой день вернулись с добычей — лосем. Юра, обращаясь к охотникам, сказал:

— Видите, приметы неверны: женщина принесла удачу!

Все были усталые, голодные, но веселые, довольные. После ужина пошли гулять по городу. Прошлись по улицам, осмотрели новые кварталы, попили родниковой воды из ручейка у Гжати. Даже песни слышались с реки. Алексей Иванович потом им сделал выговор:

— Покоя соседям не даете!

Я не могу веселья портить, даже если замечания правильные. И надо сделать — а молчу. А тут они все были такие румяные, хохочущие, задорные, молодые.

Уезжали на другой день вечером. Сели все в машины. Юра как будто не мог расстаться, все прощался, прощался. К одному подойдет, к другому, к третьему, опять к отцу, опять ко мне. Зою все спрашивал:

— Что я могу для тебя сделать?

— Мне ничего не надо, Юра.

— Посторонние и то говорят.

— Так то посторонние,— отвечает Зоя.

— Живете вы тесно...

— Не тесно. Забыл, как в том доме ввосьмером жили, а теперь нас трое.

Наконец машины пошли.

— Что с Юрой? С чего загрустил?— подумалось мне.— Что ж, бывает.

На мой день рождения — 20 декабря — Юра приехать не смог, загодя позвонил, извинился, объяснил, что уезжает. Обычно он старался никогда этот день не пропускать. Так что, если говорил, что не может приехать,— значит, уж точно не мог.

Сразу после Нового года приехала я к Юре — побаливало у меня сердце. Определил он меня в больницу, приходил проведать, шутил, вспоминал наши семейные обычаи, случаи разные, веселил, как мог. В феврале врачи выписали меня, и Юра настоял, чтобы я поехала в Звездный.

— Мама! У меня такой праздник! Закончил академию!

Я, конечно, сразу согласилась. Позвонил он Зое, чтобы приехала к нему на торжество. Отпраздновали посемейному. Уехали домой 19 февраля.

Это была наша последняя встреча.

Юра, провожая нас, заверил:

— Скоро не обещаю быть. А вот 30 марта в Гжатске буду.

Дело в том, что именно в этот день мы отмечали рождение Алексея Ивановича. Родился-то он 27 марта, но по деревенскому обычаю справляли его именины. И в предпоследний мартовский день Юра всегда бывал с нами. Коли не мог, был «вне сферы досягаемости», как он выражался, получали мы от него теплые поздравления. Открытка пришла от него 8 марта, но это была весточка мне. Девятого позвонила я Юре, поздравила его с днем рождения и Галочку, у которой день рождения был 7 марта.

Это был наш последний разговор.

Узнала, что заболела Валя. Сын еще укорил нас, что мы посменно в больнице лежим. Я-то видела, что он тревожится за жену, за девочек, которые подолгу оставались без родителей.

23 марта в Звездный приехали Валентин, Борис, Зоин сын Юрик. Юра привез Валю, которую на два выходных дня отпустили из больницы. Родные оставались два дня. Гуляли, отдыхали, фотографировались. Юра обещал проявить пленку, через неделю в Гжатск привезти готовые снимки. Он уезжал в командировку. Как много раз до этого.

Наступил день 27 марта. Поздравила я Алешу, стали мы с Зоей помаленьку готовиться к гостям: прикидывали, что имеется и чего недостает, что купить, что приготовить.

Поздравительной открытки мы от Юры не ждали — сам обещал приехать. Но вот и не звонит...

Сердце щемило. Отнесла я эту боль на болезнь.

На следующий день забежала к нам Зоя, удивилась, что отец радиоприемник выключил: он любил по радио слушать «Последние известия». Включила, в дом ворвалась фраза: «...при выполнении тренировочного полета на самолете трагически погиб...» — в приемнике затрещало. Зоя стала было настраивать, но передача уже кончилась, зазвучал траурный марш.

Я поняла! Я не хотела верить!!! Глянула на Алешу — он сидит без кровинки в лице, руки его дрожат.

Через минуту сообщение повторили. Алеша не сказал — прошептал:

— Нюра! Нюра!

Зоя бросилась ко мне:

— Мамочка! Нет! Нет!

К дому бежали люди.

Первой пришла на помощь Мария Михайловна Хайрулина, заведующая отделением больницы, где Зоя работала. Она собралась сделать мне укол, но я попросила:

— Помогите Алексею Ивановичу.

Хлопнула дверь подъехавшей машины, быстро вошел секретарь горкома партии Николай Иванович Артюхов.

Больше ничего не помню. Как сквозь сон мерещится, что поехала я с детьми в Москву. Алексей Иванович выйти из дома не смог, слег.

Стояли мы в Краснознаменном зале Центрального Дома Советской Армии. Валя была, родные летчика Серегина.

А потом — последний путь сына.

Шла я, головы поднять не могла. Так и осталась в глазах брусчатка Красной площади.

Много позже рассказали мне люди о последних часах Юры.

Накануне, 26 марта, он беседовал в Москве с главным редактором издательства «Молодая гвардия» о книге «Психология и космос». Поехал в больницу к Вале, понимая, как она тоскует без него, девочек, рассказывал ей о домашних делах. Все откладывал и откладывал уход. Валя, зная, что у Юры в 16.00 должна быть предполетная подготовка, сама сказала ему:

— Поезжай, опоздаешь.

— Успею.

Подготовка началась по расписанию.

На следующий день намечались полеты. Составил расписание и на 28 марта: побывать у Вали, потом — во Дворец съездов на торжественный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения А. М. Горького. Конец дня он провел дома, с девочками. Как всегда накануне полетов, рано лег спать.

Память собирает вместе разговоры, сообщения. Матери все дорого в ребенке, от его первого движения до последнего вздоха. Но не дай бог пережить последний вздох сына.

27 марта он встал, как всегда перед полетами, рано и, как всегда — с детства — легко. Включил радио, вдруг услышал осторожные детские шаги, тут же лег, приняв сонную позу. Вошла Леночка:

— Я знаю, что ты не спишь, папка! Не притворяйся!

Они несколько минут обсуждали детские дела и заботы, которые Юре всегда были интересны.

Но распорядок не должен нарушаться. Юра отправил малышку досыпать, сделал зарядку, принял душ, побрился, оделся, прошел в кабинет.

Бывало, когда я жила у Юры, я замечала, что он на просмотр писем отводил утренние часы. В тот день времени было мало, но и в полчаса он успел прочитать несколько писем и ответить на них.

В доме жила Валина сестра — Мария Ивановна Калашникова, присматривала за племянницами. Она рассказала:

— По Юре всегда можно было проверять часы. Вот и двадцать седьмого он ровно в 7.30 вышел из кабинета, зашел на кухню. Девочки уже поднялись, начинали завтракать. Сам-то Юра от завтрака отказался, но за стол присел, посмотрел на дочек, поговорил с ними.

С ней он спокойно, приветливо поздоровался, предупредил, чтобы зря не беспокоилась: «На завтрак пойду в столовую. Вам и так с дочками забот много». Еще раз поцеловал Леночку и Галочку: «Слушайтесь Марию Ивановну». Вышел в переднюю, надел шинель, подошел к телефону, позвонил дежурному: «Я на полетах!» И опять заглянул на кухню: «Я пошел! До вечера!»

В городке утро начинается рано. По дороге в столовую сын повстречал многих. Все знакомы, каждому у Юры нашлось слово привета, шутка. Недалеко от столовой остановился, похлопал себя по карманам, обнаружил, что забыл пропуск на аэродром. Пришлось вернуться домой.

Не верю я в приметы, но всегда не любила возвращаться, особенно если важное дело предстояло. Летчики, как я заметила, многие условности соблюдают. Подчас думаю: зачем он вернулся? Хотя умом понимаю, что ерунда это.

Алексей Иванович один раз, когда я уж очень маялась, даже прикрикнул на меня:

— Ну как ты не понимаешь, что не мог он поступить не как положено! Порядок есть порядок. Забыл — надо исправить. Что иначе делать-то прикажешь? Или хочешь, чтобы он особенного чего себе требовал? Всем проход по пропускам, а ему исключение?

Но увидел Алеша, что не успокоил, а только растравил, подошел ко мне, руку на плечо положил:

— Прости меня, Нюра. Я и сам мучаюсь. Осиротил он нас. Прости. Крепиться надо.

В то утро ничто не предвещало скорбного конца.

После завтрака в столовой Юра направился к служебному автобусу, откуда раздавались смех, шутки.

— Все в сборе? — спросил Юра после приветствия. Удостоверился, что все на месте, скомандовал:

— Поехали!

...Владимир Александрович Шаталов рассказал мне о том трагическом дне. Он тоже в тот день был на полетах, вместе с Юрой ехал на аэродром, вместе с ним проходил медицинский осмотр. Я еще спросила Владимира Александровича:

— Строгий осмотр-то был?

— Как всегда. Как положено в авиации — очень строгий и очень подробный. Наша авиационная работа требует от человека большой собранности, сосредоточенности, мгновенной реакции. Вот почему врачи проводят исследования перед полетом, чтобы окончательно увериться в абсолютном здоровье летчика.

Потом летчики прошли в класс, где каждому экипажу уточнялись полетные задания. Обсудили задание для Юры и его инструктора — командира части Владимира Сергеевича Серегина.

Я спросила Владимира Александровича:

— Юра говорил мне, что готовится к самостоятельному полету, а полетел с инструктором. Может, это его расстроило?

— Нет,— ответил Владимир Александрович,— ведь в тот же день Гагарин действительно должен был вылететь один, и одноместный истребитель был для него подготовлен. А тот полет, в который он вылетел вместе с полковником Серегиным, был его экзаменационным, контрольным.

— После перерыва в полетах летчикам не сразу доверяется самостоятельно поднять самолет в небо,— напомнил Владимир Александрович,— даже после отпуска проходим мы через полеты с инструктором. И только после того, как инструктор убедится, что навыки в технике пилотирования полностью восстановлены, он подписывает разрешение на самостоятельные полеты.

У Юры же образовался значительный перерыв в полетах, и ему надо было полностью восстановить свои летные навыки. Он их восстанавливал, и успешно.

Вспоминал Владимир Александрович, как прошли они вчетвером к самолетам. Так случилось, что их машины стояли рядом. Первым поднялся в переднюю кабину Юра. Сел, натянул лямки парашюта, полковник Серегин поднялся на крыло, наклонился к Юре, дал последние инструкторские уточнения.

Владимир Александрович наблюдал из второй кабины соседнего самолета.

Юрин самолет заправили раньше, и он поднял руку — мол, обогнал, иду первым. Шаталов приветственно помахал ему в ответ. Получив разрешение, Юра запустил двигатели. Шаталов по инструкторской привычке окинул соседний самолет оценивающим взглядом, убедился, что все в порядке: Серегин уже на месте во второй кабине, фонарь его кабины закрыт. Вот и Юра закрывает фонарь, начинает выруливание. Владимир Александрович проводил их самолет взглядом, сосредоточенно вслушивался в радиопереговоры. Сейчас и самолету Шаталова будет дана команда на запуск двигателей. Но пока он слушает слова летчиков, находившихся в полете. Вот Юрин голос:

— Я — 625-й. Полет в зоне закончил. Возвращаюсь на точку.

Голос звучал спокойно и деловито.

— Я — 625-й, задание выполнил.

Юра вновь доложил:

— Высота 5200. Разрешите вход.

Голос руководителя полетов:

— Уточните высоту. Следите за высотой,— обычный совет, деловое напоминание.

Шаталов запросил разрешение на запуск двигателей. Команда, которая последовала, вначале не вызвала тревоги:

— Подождать!

Подождать. Мало ли, какие могут быть обстоятельства.

И тут же в шлемофоне Шаталова послышались настойчивые слова с командного пункта:

— 625-й, на связь!

— 625-й! Где вы находитесь?

— 625-й! Сообщить высоту!

625-й не отзывался. Опытный летчик, Владимир Александрович понял, что значит это молчание... Но поверить было невозможно. Вот к его самолету подбежал техник.

— Что там случилось?—спросил его Владимир Александрович.

— У Гагарина связь отказала, вызвали бортинженера с радиокомплектом, чтобы заменить передатчик на самолете, когда он приземлится.

А по радио уже запрашивали шаталовский самолет:

Обелиск на месте гибели Ю. Гагарина и В. Серегина.

А. Т. Гагарина и ее дочь Зоя, летчики-космонавты В. Джанибеков, В. Быковский с венгерскими, кубинскими, монгольскими, румынскими космонавтами и их дублерами.

Анна Тимофеевна и Валентина Ивановна на месте гибели Ю. Гагарина и В. Серегина.

А. Т. Гагарина. 1977 год.

К Анне Тимофеевне приехали В. Гагарина и летчик-космонавт В. Шаталов с женой.

А. Т. Гагарина и М. Н. Баланина-Королева.

Анна Тимофеевна с дочерью Зоей, внучкой Тамарой и правнуком Алешей.

А. Т. Гагарина на Кировском заводе в Ленинграде.

В гости к Анне Тимофеевне приехала летчик-космонавт С. Савицкая.

Вручение А. Т. Гагариной ордена Дружбы народов. 20 декабря 1983 года.

Анна Тимофеевна с дочерью С. П. Королева Н. С. Королевой и ее мужем Ю. В. Шевченко.

— К вылету готовы?

— Готовы!

— Разрешаю запустить двигатели. Вылетайте в зону. Посмотрите обстановку.

И тут же новая команда:

— Двигатели выключить. Вылет отставить,— и далее обращение ко всем самолетам, находившимся в зоне: — Возвращаться на аэродром!

Владимир Александрович рассказывал, как выключил двигатели, как вслушивался в слова, звучавшие в наушниках.

Когда он прибежал к штабу, ему сказали, что на локаторе исчезла отметка самолета Гагарина—Серегина. В район пилотирования были посланы вертолеты. Вначале они ничего не обнаружили. И только спустя некоторое время поступило сообщение от экипажа одного из вертолетов: в трех километрах от деревни Новосёлово обнаружены обломки самолета.

Группа спасателей на вертолетах вылетела к месту катастрофы. Не теряя надежды, пытались разыскать купола парашютов. Не нашли...

Сын наш погиб в день рождения отца. Юре только что исполнилось тридцать четыре года.

За семь лет до этого стояли мы с Алексеем Ивановичем и Валей на боковой трибуне Мавзолея В. И. Ленина, а вверху, на главной трибуне, был Юра. Он поднимал приветственно руки, и казалось, что он полетит. Я смотрела, слезы наворачивались на глаза.

На митинге его памяти я не плакала.

На месте гибели мы смогли побывать только осенью. Поехали со мной Зоя, Борис, Валентин, родные. Прошли. Остановилась я у обрыва. Вокруг срезанные самолетом деревья. Я наклонилась, взяла в руку горсть земли. Теперь она лежит в музее Юрия Гагарина. Его создали в нашем бывшем домике, который Алексей Иванович с нашими ребятами строил в 1946 году на окраине Гжатска. Гжатск теперь носит имя сына.

Алексей Иванович умер 30 августа 1973 года, не дожив до нашей «золотой свадьбы» полутора месяцев. Через год скончалась моя старшая сестра — Мария. В 1977 году

не стало тяжело болевшего Бориса. Не прошло и полугода — похоронили мы Ольгу, мою младшую сестру.

Круг жизни

Пришел из Москвы большой пакет. В нем было письмо от Марии Николаевны Баланиной-Королевой и фотография, снятая в памятный для нас день начала нашей дружбы. На полях снимка было написано стихотворение Виктора Бокова «Две матери». Его переписала дочка Сергея Павловича Королева Наталия Сергеевна. Фотография висит на стене.

Две матери живут на белом свете,
Двух сыновей на белом свете нет.
Для матерей они как были дети,
Так и остались ими с детских лет.

Одна Мария, а другая Анна,
Две матери, избранницы Земли.
Нет сыновей, но славой осиянны
Два имени в космической дали.

Два сына. Две упрямых дерзких воли.
Один и спал, и видел Байконур.
Другой еще за партой, в сельской школе,
Мечтою в беспредельность заглянул.

Две матери. Две славы. Две легенды.
Две опаленных жизнью седины.
Они сыновним подвигом и делом
В единый круг, как сестры, сведены.

Две матери. Печаль закралась в лица,
Когда не стало славных сыновей.
Двум матерям хочу я поклониться,
Сказать спасибо им от всех людей.

Живем мы с моим первым правнуком Леней. Дружно. У Зоиного сына Юры растет мальчик — москвич Юрик. Есть внучки и у сына Валентина. Самая младшая моя внучка Наташа — дочь Бориса и Азы — вышла замуж, переехала с мужем в Минск, заканчивает институт. Родилась у них Анечка — в мою честь девочку так назвали.

Вышла замуж старшая дочь Юры — Леночка. Она закончила МГУ, работает в Музее изобразительных искусств. И младшая, Галя, стала взрослой, завершила учебу в Институте народного хозяйства им Г. В. Плеханова, поступила в аспирантуру.

Но поставить на этом точку было бы неправильно.

Случилось это в том печальном 1968 году. Приближался мой день рождения, да не до празднования было.. Но решили мы традицию не нарушать. Не устраивать торжество, а просто собраться родным вместе.

Вдруг междугородный звонок:

— С вами говорит Леонов.

Алексей Архипович поздравил меня с приближающимся шестидесятипятилетием, поинтересовался, будем ли отмечать. Я ответила, что близкие придут. Он и спрашивает:

— А мы с Андрияном Николаевым за близких сойдем?

— Конечно.

Приехали они 20 декабря. Вот и опять, как год-два назад, за столом шел разговор о космосе, о работе и заботах отряда космонавтов. Те же имена слышатся, о событиях говорится нам знакомых, вспоминаются случаи, всем одинаково дорогие. Погостили они у нас. Погрели мою душу, одиночество в сторону отодвинули.

С тех пор не бывало случая, чтобы на дни рождения не приезжал кто-либо из Юриных «космических братьев», которые, получается, мне приходятся сыновьями. Зачастую этого дня не дожидаются, появляются у нас, как время выдается у них свободное.

Алексей Архипович по нескольку раз в году бывает. Приедет — сразу же интересуется, чем помочь, чего не хватает. Я скажу:

— А чего мне, старухе, нужно?

Он даже рассердится:

— Как это «чего нужно»?

Но я все-таки права — мне всего хватает.

Алексей Архипович послушает-послушает, скажет:

— Убедили. Но гостинцев я все-таки привез.

А я в ответ:

— И я картошечки, моркови, яблок приготовила.

Он в первый раз возражал, но я ему объяснила:

— Юре-то я всегда старалась чего-то со своего огорода с собой дать. Он любил все домашнее.

Нередко бывают Павел Попович и Валерий Быковский. Когда Павел Романович в доме, всегда смех, песни звучат. Ну а Валерий Федорович побеседовать любит.

Андриян Николаев, когда приезжает в гости, любит по району поездить, в Клушине побывает, в других хозяйствах. Он даже у нас своего одноклассника отыскал. Тот директором совхоза имени Гагарина работал.

Юрины товарищи стали родными. Трудно перечислить эти дорогие сердцу встречи. На мое семидесятилетие столько гостей нагрянуло! Приехали мои космические сыновья, преподаватели Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского и Наталья Сергеевна Королева — дочка Сергея Павловича. Она привезла привет от бабушки, извинения ее, что по состоянию здоровья быть не может. Была и наша Валя. Постояли мы с ней, помолчали о нашем общем горе.

Светлана Евгеньевна Савицкая приехала ярким летним днем. Только я увидела, как из машины выходит молодая темноволосая женщина с огромным букетом полевых ромашек, тотчас почувствовала, что мы поймем друг друга. Давно (Юра рассказывал) была в авиации такая команда: «Контакт?»— спрашивал летчик.— «Есть контакт!»— отвечал техник. Вот у нас со Светланой сразу контакт возник. Все космонавты ко мне приезжают.

Объявляют очередной космический полет, и я, как мать, жду их возвращения. Алексей Архипович говорит, что горячее ожидание близких, родных всегда помогает: оно, будто свет маяка, кораблям в космосе путь указывает. Напомнил даже строчку стихов К. Симонова:

«Ожиданием своим ты спасла меня».

Заботятся мои новые дети и о памяти первого космонавта. Организованы в нашем городе и в Звездном Гагаринские чтения. Старый наш гжатский домик превращен в музей. Восстановлен дом в Клушине, землянка, где спасались мы во время гитлеровского нашествия. Над

городом нашим взял шефство Ленинский комсомол, на третий, трудовой семестр приезжают сюда бойцы интернационального строительного отряда. Вместе со студентами выходят на работу и космонавты.

Как-то позвонил Виталий Иванович Севастьянов, спросил, не соглашусь ли я участвовать в телепередаче. Страшновато стало. Смогу ли? Но Виталий Иванович сказал, что это просьба не только его, но и матери Сергея Павловича Королева. Виталий Иванович осторожно стал говорить, что хорошо бы мне приехать в Москву, мол, Марии Николаевне Королевой в город Гагарин ехать труднее — возрастом она постарше. Какой мог быть разговор!

Поехали. Встретил нас Виталий Иванович. Приехали в московскую квартиру.

Входим, из-за стола поднимается женщина, пожилая, красиво причесанная, такая подобранная, что старушкой назвать ее невозможно. Идет навстречу, только поздоровалась, как сразу говорит:

— Анна Тимофеевна, знайте, нам всем так не хватает вашего мальчика!

Я поняла, что в этой семье Юра мой живет не героем, а близким человеком. Но Мария Николаевна с Юрой не встречалась.

— Но Сережа... Сережа так надеялся на вашего сына. Надежды оправдались. Мне их двоих очень недостает.

Мне ее горе понятно более, чем кому другому. Говорю ей, вдруг слышу: «Начинается телепередача».

Оказывается, все уже было к ней готово. Виталий Иванович к нам подошел:

— Говорите, не обращайте на нас и на освещение внимания. Можете?

Я думала, трудно будет. Смотрю, Мария Николаевна голову наклонила:

— Да, да, пожалуйста. Долг прежде всего.

И мне:

— А вы знаете, Анна Тимофеевна, для Сережи это тоже был главнейший день — двенадцатое апреля 1961 года. Он вскоре пришел ко мне, я поздравляю его, он вдруг сказал: «Мамочка! Ведь это я должен был полететь!» Он всю жизнь мечтал о небе. Но тут же говорит: «Полетел замечательный молодой человек. Очень хороший».

Я знала, что Юра преклонялся перед гением и талантом Сергея Павловича. Ценил его доброту и человечность, хотел быть похожим на него. Сказала об этом.

— А они и были похожи,— говорит Мария Николаевна.— Какое счастье для нашей науки, страны, что они нашли друг друга!

На этих словах Мария Николаевна протянула свою руку, худенькими пальцами коснулась моей руки.

— Какие у вас руки натруженные, Анна Тимофеевна!

Я поняла, что ей хочется расспросить меня о жизни, чтобы и самой поделиться со мной.

— Как же не натрудиться им! Работаю на крестьянской работе с детства. А сейчас иной раз нитку в иголку вдеть трудно.

А Мария Николаевна о своем детстве рассказывает, об учебе в гимназии, замужестве, рождении сына.

— Жили мы тогда в Одессе. Сереженька пришел однажды, попросил у меня две простыни, говорит: «Мамочка! Я влезу на высокую трубу и полечу оттуда на крыльях!»

— Юра тоже небо любил. Я только думала поначалу, что это детское увлечение. Тем более после того, как в ремесленное он пошел, литейщиком готовился стать.

— Вот-вот, они похожи,— закивала Мария Николаевна.— Юра учился в ремесленном, Сережа — в техническом училище.

Так и шел наш разговор, мы все время сопоставляли. И хоть жизни наши, наших сыновей отличались внешне, мы чувствовали, что много у нас такого, что роднит. Мария Николаевна сказала, что Юра был для Сергея Павловича как друг, как надежда, как сын. Слова С. П. Королева напомнила: «Гагарин — олицетворение вечной молодости нашего народа. В нем счастливо сочетаются природное мужество, аналитический ум, исключительное трудолюбие».

Я ответила, что Королев для Юры был как отец. Отца дети любят, но и — по-простому сказать — боятся. Наверное, такое чувство у Юры было к Главному конструктору. Я это ощутила, когда Юра рассказывал, как Королев приказал им, космонавтам, учиться, а не митинговать. Заулыбалась Мария Николаевна.

— Так это ж Сережа опасался, чтобы кто-нибудь из них его ошибку не повторил. Он, когда дипломный про-

ект защитил, пришел домой, с облегчением говорит: «Все, мама! Теперь линейки, чертежи, конспекты — на помойку! Все! Я — инженер!» И правда, какое-то время за технические книги не садился. А потом как начал читать да писать! Вечерами, ночами. Да все приговаривал: «Сколько же я времени упустил!» Поэтому и космонавтов убеждал: учебу не прекращать!

— Убеждал-то, видно, строго...

— Так у него времени на долгие разговоры не было. Неужели они на резкость обижались?

— Нет,— говорю,— слов обиды никогда не слышала. Вот себя за недомыслие осуждали. Это я видела,— ответила я Марии Николаевне.

Закончилась запись, уехали операторы, а мы все расстаться не могли.

— Не сочтите за простую любезность, искренне ждем. Конечно, не имеем права посягать на вас, но хотелось бы, чтобы вы приехали к нам погостить, запросто, как к самым близким людям,— сказала Мария Николаевна.

— А уж как мы были бы рады вашему приезду! — говорю.

— Путь в двести километров для меня, думаю, непреодолим.

Так началась наша теплая дружба с Марией Николаевной. Конечно, встречались мы не так уж часто. Возраст и у меня немолодой, а Мария Николаевна была на пятнадцать лет меня старше. Но когда я бывала в Москве, всегда заезжала к ней.

Сейчас, когда Мария Николаевна ушла из жизни, я смотрю на ее портрет. Сильная, мужественная была женщина, жизненные испытания переносила с достоинством. Когда горе подступало, Мария Николаевна преодолевала его. Приходила радость — она вела себя скромно, спокойно. Вспоминаю я слова Марии Николаевны: «Мы должны крепиться. На нас смотрят, на нас равняются. Мы должны быть достойны сыновей наших — Сережи и Юры».

Она часто повторяла слово «преодоление».

«Мы обязаны найти силы, чтобы преодолеть испытания»,— так поддерживала Мария Николаевна меня и себя.

Умерла Мария Николаевна летом 1980 года. Приехала я на похороны, чтобы проводить в последний путь очень близкого и дорогого мне человека.

«Это так естественно, когда уходят из жизни люди, прожившие свой век. Неестественно хоронить сыновей. Когда умирают родители, не нужно скорбеть». Вспоминала я эти слова Марии Николаевны и думала, что она готовила меня к расставанию.

В первые годы после гибели сына совсем не могла говорить о нем. Только, бывало, произнесу: Юра был...— сердце кровью окатывается. Был! Не есть, а был!

Постепенно пришла я к осознанию, что он мне часть дел своих поручил. Вспомнила наш разговор перед первой моей поездкой к литовским школьникам в 1962 году.

— Как это не знаешь, мама, о чем рассказывать? Я всегда говорю, что родители меня научили трудиться, мама привила вкус к книге, к учебе. А ты считаешь, что и рассказать нечего.

Стала я выступать в школах. Побывала еще раз в Ленинграде. Первым делом попросилась побывать на родном Кировском — бывшем Путиловском заводе. Вспоминались не только детство, дни революции. Думалось, как сюда, в свои студенческие годы, приезжал Юра, как гордился он дедом-путиловцем. В музее завода мне показали документы о семье Матвеевых, донесение полиции об обыске в квартире неблагонадежного рабочего, его учетную карточку с отметками об увольнении, документы о революционной деятельности брата Сергея.

Ездила в Белоруссию, Саратов, Смоленск, в Одессу. Была на кораблях «Юрий Гагарин», «Владимир Комаров», «Сергей Королев». Летом 1977 года ждали меня в Латвии в пионерском лагере имени Юрия Гагарина. С начальником лагеря Сармой Яновной Кейшей у нас дружба завязалась, с ее воспитанниками тоже. Ребятишки приезжали к нам, посадили у музея и нашего домика розы, цветут они каждый год до сих пор.

С 1978 года езжу и на Украину в Черкассы, на Млиевскую опытно-селекционную станцию. Труд садовода сродни труду воспитателя: усилия, наблюдения, заботу вкладывать нужно ежедневно, а результат появится через

годы. В 1934 году заложен был новый сорт яблок. Прошли десятилетия, оказались плоды на диво вкусными, крупными, устойчивыми к долгому хранению и морозу. Директор станции назвал тот сорт «Ровесник Гагарина». Саженцы этих деревьев посадили у музея и в нашем садике. А на мое семидесятипятилетие прислали со станции целый ящик яблок. Кто-то сказал, что, раз сейчас в космосе ведутся биологические опыты, хорошо бы испытать зернышки нового сорта и там. Алексей Архипович сразу же загорелся идеей, собрал семена. Позже Ляхов и Рюмин прорастили эти семена во время полета на орбитальной станции.

Так Юра, память о нем сдружили меня со многими прекрасными людьми, сблизили и породнили.

Сейчас мне нередко приходится беседовать с пионерами, комсомольцами, учителями. Когда я вижу красивые здания, просторные классные комнаты, кабинеты, оборудованные хитроумными приборами, вместительные актовые залы, а в школьных дворах — волейбольные, баскетбольные площадки, беговые дорожки, — мое сердце радуется. Как же наш народ заботится о ребятишках! Насколько же им стало сподручнее учиться, знаниями овладевать! Расспрашивают меня школьники о детских годах Юры, о его увлечениях, распорядке дня. Рассказывают о своей учебе, о спортивных достижениях, о сборе макулатуры, металлолома, о труде. Люблю я эти встречи, будто опять молодой становлюсь. Только, пожалуй, одно во время этих встреч, бывает, режет глаза: то, что в иных школах родители вместо детей пионерские дела выполняют. Что я имею в виду?

Несколько лет назад в одной школе учителя и ребята с гордостью показывали мне свое хозяйство. Я обратила внимание на выставку стенных газет. В этой школе проходил районный конкурс. Я залюбовалась красивыми заголовками, красочным оформлением. Спросила о газете, которая получила первую премию:

— Кто же художник в редколлегии?

Вышел темноволосый мальчик, щеки пылают от смущения.

— Я! — говорит, а глаза даже не поднимает.

Понятно, человек-то незнакомый расспрашивает! Я его подбодрить захотела, похвалила:

— Как хорошо ты рисуешь! Где же учился? Во Дворце пионеров или в школе есть кружок?

Он застенчиво, негромко отвечает:

— У меня папа художник.

— Значит, он тебя научил рисовать?

Мальчик поглядел на меня:

— Нет, не научил. Эту газету папа сам оформил. Я, Анна Тимофеевна, рисую плохо, меня из-за папы в редколлегию выбрали.

Говорит, а в глазах такая решимость, что понимаю — ему самому этот порядок не нравится.

Состоялся у нас в этой школе разговор с учителями, пионервожатой, комсомольскими активистами. Поначалу они пытались мне объяснить, что «вынуждены» были так поступить: в районе, мол, проводился конкурс стенных газет, который необходимо было выиграть. Честь школы, мол, этого требовала.

Поделилась и я своими мыслями. Почему, на мой взгляд, такая практика не только не полезная — вредная. В стенах школы ребенок должен приобрести знания, к самостоятельной жизни подготовиться. А о какой подготовке может идти речь, когда за него работает другой, взрослый человек?! Да хорошо ли, если ребенок чужие успехи будет выдавать за свои? Самостоятельности это поубавит, а черты тунеядства может взрастить, даже непорядочность воспитать. Говорю им: «Честь школы можно только честными путями защищать».

Письма от ребятишек и взрослых стали приходить ко мне давно, после первого космического полета. Ребятишки спрашивали, как стать космонавтом, что для этого надо делать с детства, как рос, чем занимался Юрий Гагарин в школьные годы.

Не знаю я такого секрета — как воспитать космонавта. Да дело вовсе не в том, чтобы стать именно космонавтом, чемпионом, человеком известным.

Однажды, после того как состоялся первый космический полет, собралась на мой день рождения вся наша семья. Юра поднялся и сказал: «Спасибо тебе, мама, что ты приучила нас с детства трудиться! Приучила каждое дело делать на «отлично». Это в жизни главное».

Я тоже так считала — надо каждое дело, которое тебе поручили или ты добровольно его вызвался выполнить, делать добросовестно, не жалея сил.

Об этом и писала ребятам, старалась убедить, что надо думать не о славе, а о том, чтобы стать полезным людям.

Предложили мне написать книгу о Юре. Предложение совпало с моей затаенной мечтой. Но сомнения были. И очень большие. Сразу же подумалось: смогу ли? А главное: нужна ли еще одна книга о Юре? Вот на полке у меня стоят книги о его полете в космос, воспоминания родных, ученых, повести. Кажется, все о нем известно. Но я же самой себе и возразила: ты, Анна Тимофеевна, узнаешь сына, когда о нем читаешь?

Ну не то, что не узнаю, а все мне кажется, что-то недоговорено о нем. И дальше рассуждаю: может, просто неизвестно? Ведь то, что ты, Анна Тимофеевна, видела, другому видеть не было дано, то, что ты, мать, заметила, другой не разглядит.

Словом, решилась.

Из окна дома, где теперь живу, хорошо видны другие два. Вот через дорогу деревянная изба, перенесли мы ее в Гжатск из Клушина. Смотрю и вспоминаю, как строили всей семьей. На доме вывеска: «Мемориальный музей Юрия Алексеевича Гагарина».

А через дорогу от первого — другой домик. В нем я жила до недавнего времени, с тех самых пор, как переехали мы в него с Алексеем Ивановичем.

Сейчас закрою глаза, представляю: вот тут Юра сидит, вот на веранду вышел покурить. Этот домик передан Мемориальному музею.

9 марта 1984 года Юре исполнилось бы 50 лет. В апреле 1986-го исполнится 25 лет со дня его космического полета. Во время годовщин говорят о значении его подвига, о славе и мужестве, о том, что он позвал в космос.

Когда-то я его — белоголового, голубоглазого мальчика — учила делать первые шаги, учила говорить, складывать буквы в слова, учила труду, правде, искренности.

Снова прошла передо мной его жизнь. Успеть дописать эту книгу — вот моя главная забота и долг.

АННА ТИМОФЕЕВНА ГАГАРИНА УМЕРЛА 12 ИЮНЯ 1984 ГОДА.

Слово друзей

Имя Юрия Гагарина переросло национальные границы. След, оставленный его короткой жизнью, переживет века. Он жил недолго, но так ярко, что невольно возникает мысль о предначертании. Интерес к Юрию Гагарину как к личности не ослабевает, несмотря на то, что попыток объяснить его жизнь как явление было много. Но всякий раз, когда выходит книга о нем, ждешь объяснения: в чем же его исключительность, откуда в этом молодом человеке такая гражданственность, трудоспособность, огромная внутренняя сила и организованность и при всем том — необыкновенная доступность, светлая душевность.

На мой взгляд, предлагаемая читателю новая книга Анны Тимофеевны Гагариной «Память сердца» наиболее полно и глубоко отвечает на эти вопросы.

А. ЛЕОНОВ,
летчик-космонавт СССР

Работе над этой замечательной книгой Анна Тимофеевна Гагарина отдала последние годы жизни, считая своим гражданским долгом рассказать людям — предельно искренне и правдиво — о жизненном пути первого космонавта Земли.

Эта книга продолжает традиции таких произведений советской литературы, как романы «Как закалялась сталь» Н. Островского и «Молодая гвардия» А. Фадеева, как «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого. В ней нарисован образ подлинного героя нашего времени. Ее с интересом прочитают каждый советский юноша, каждая девушка, входящие в жизнь.

В. ШАТАЛОВ,
летчик-космонавт СССР

Фотографии из семейного альбома Гагариных,
Фотохроники АПН и ТАСС,
а также П. Барзинского, В. Гусева, В. Зимина, А. Иванова,
Л. Ураловой, Л. Хоменко, В. Шитова, А. Щекочихина.

АННА ТИМОФЕЕВНА ГАГАРИНА
ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Заведующий редакцией *Ю. А. Арсеньев*
Редактор *И. Г. Александров*
Художник *Ю. Ф. Копылов*
Художественный редактор *В. В. Анохин*
Технический редактор *Л. С. Колесова*
Корректор *Н. В. Сапронова*
Технологи *Л. А. Пчельникова, Л. С. Тумакова*

ИБ № 8940

Сдано в набор 22.04.1985 г. Подписано в печать 26.07.1985 г. Т17849
Формат издания 84х108/32. Бумага типографская №1.
Гарнитура таймс. Высокая печать.
Усл. печ. л. 14,70. Уч.-изд. л. 14,73. Тираж 300 000,
1-й завод 1—100 000.
Заказ № 468. Изд. № 7154. Цена в обложке 85 к.

Издательство Агентства печати Новости
107082, Москва, Б. Почтовая ул., 7.

Типография Издательства Агентства печати Новости
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

ББК 39.6 г
Г12

Гагарина А. Т.
Г.12 Память сердца
АПН, М., 1985.—224 с., ил.—(Б-чка АПН).
300 000 экз.

Г $\frac{4702010000—183}{067(02)—85}$ Без объявл.

ББК 39.6 г
6Т6(09)

85 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АГЕНТСТВА ПЕЧАТИ НОВОСТИ

В последние годы жизни Анна Тимофеевна Гагарина работала над большой книгой воспоминаний о Юрии. В работе над этой книгой помогали многие люди, знавшие ее сына, но только сама она могла рассказать, сколько тепла и любви отдано материнским сердцем любимому всей планетой человеку.

Многие поколения людей будут с интересом и теплотой вспоминать и перечитывать все, что связано с жизнью замечательной семьи Гагариных, с жизнью чудесной русской женщины, которая всегда будет примером трудолюбия, мужества, доброты, чуткости и любви к людям.

Герман ТИТОВ,
летчик-космонавт СССР

А.Т. ГАГАРИНА *Память сердца*

АПН БИБЛИОТЕЧКА АПН